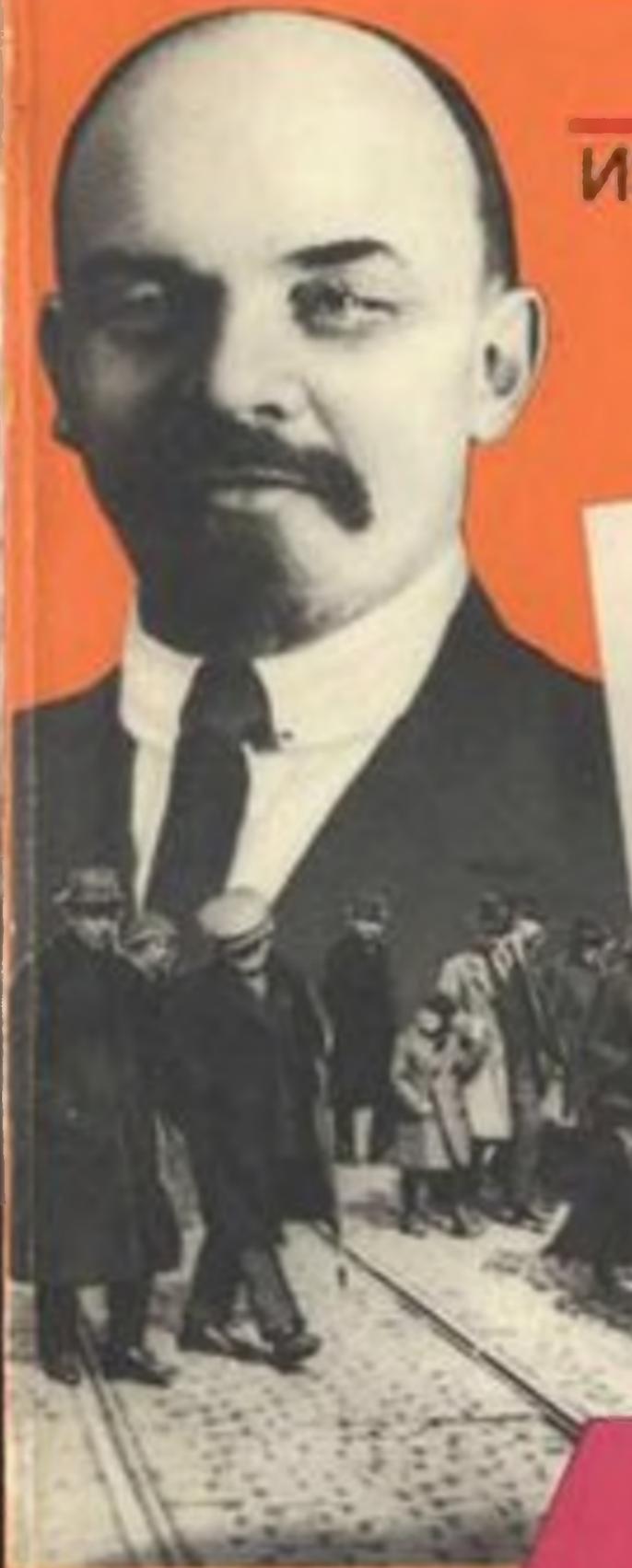

Ф.ПЛАТТЕН

ЛЕНИН

ИЗ ЭМИГРАЦИИ
В РОССИЮ

ФОНД
Правды

ДОКУМЕНТЫ
СМОУЛЕТСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ

Платтен Фриц
ЛЕНИН
ИЗ ЭМИГРАЦИИ В
РОССИЮ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Драматична судьба этой книги Не менее драматична и даже трагична судьба ее автора, швейцарского коммуниста Фрица Платтена.

Книга посвящена очень важному событию весны 1917 года — возвращению В. И. Ленина из эмиграции в Россию. Впервые она была опубликована в 1924 году в Берлине на немецком языке Затем в 1925 году была издана на русском языке издательством «Московский рабочий» тиражом всего 10 тысяч экземпляров. Однако через некоторое время она была упрятана в спецфонд. Почему же ее постигла такая участь? Очень просто — в этой книге упоминаются имена «врагов народа»— Троцкого, Зиновьева, Радека и других. Более того, в приложении публикуются статьи-воспоминания Г. Е. Зиновьева, К. Б. Радека, Я. С. Ганецкого, рассказывающие о некоторых подробностях «путешествия» русских политэмигрантов во главе с В. И. Лениным из Швейцарии в Россию через Германию и Швецию во время первой мировой войны.

Сам автор книги Фриц Платтен, один из организаторов этой поездки, также не избежал участи оказаться в стане «врагов народа» и погиб в концлагере в Архангельской области в 1942 году.

Кто же он такой, как оказался в России и почему написал эту книгу?

Как сказано выше, Ф. Платтен — швейцарец, родился он 8 июля 1883 года в небольшом городке Таблат кантона Санкт-Галлен в многодетной семье столяра Петера Платтена. Четвертый ребенок (после него родилось еще пятеро детей), Фриц не отличался от других детей каки-

ми-то исключительными способностями Однако с самых ранних лет он проявлял пытливость ума, тягу к познанию окружающего мира.

В 1890 году семья Платтенов переехала в Цюрих — самый крупный промышленный центр Швейцарии. Восемь лет учебы в народной школе пролетели быстро Учение Фрицу давалось легко, много времени он посвящал чтению книг. Пятнадцати лет Платтен поступает на металлообрабатывающий завод «Эшер — Вейс и К0».

На заводе работало много иностранных рабочих: итальянцев, немцев, французов, чехов, венгров, поляков, болгар, румын. Хозяева завода, ловко пользуясь разноплеменным составом рабочих, нещадно эксплуатировали их. Не меньшей эксплуатации подвергались и ученики-ремесленники, среди которых был и Фриц Платтен.

Постепенно под влиянием передовых рабочих у Платтена и его молодых товарищей на многое открывались глаза. Они начинали видеть противоположность интересов рабочих и хозяев и убеждаться в необходимости организованно отстаивать свои интересы.

Платтен стал больше читать социал-демократическую прессу, активно участвовать в агитационной работе среди своих сверстников. Постепенно у молодого рабочего-металлиста формировалось классовое сознание.

И не случайно, когда на заводе вспыхнула забастовка рабочих, к ней примкнули ремесленники во главе со своим вожаком Фрицем Платтенем.

Впоследствии Платтен вспоминал об этом периоде: «Работа на заводе оказала на меня большое влияние, так как моими учителями были прекрасные профсоюзные активисты, политически развитые товарищи» [1].

В 1904 году Платтен вступает в социалистический просветительный рабочий союз «Эйнтрахт» («Согласие»), а также в организацию политэмигрантов «Интернациональные социалисты». С этого момента началась настоящая школа политической подготовки. В этот период Платтен с большим интересом изучает труды К. Маркса и Ф. Энгельса, знакомится с произведениями видных деятелей международного рабочего движения.

Наступил 1905 год. В России началась революция. Когда стало известно о вооруженном выступлении русского пролетариата, Платтен всем сердцем был там, на стороне сражавшихся рабочих. Установив связь с представителем латышской социал-демократии в Цюрихе, Платтен решил нелегально отправиться в Ригу. По просьбе латышских товарищей Фриц захватил с собой оружие и боеприпасы. Хотя ему было хорошо известно, что в прибалтийских губерниях, находившихся тогда на осадном положении, смертная казнь угрожала всякому, кто был захвачен с оружием, он все-таки пустился в это опасное путешествие. Весной 1906 года он под видом германского журналиста Людвиг Меля появился в Риге.

С большим трудом Платтен установил связь с рижским подпольем и стал профессиональным революционером в рядах латышской социал-демократии.

В атмосфере репрессий и арестов в глубоком подполье шла подготовка к V съезду РСДРП. Рижский окружной комитет партии поручил Платтену снабдить латышских делегатов на съезд надежными документами. Задание было выполнено: все 26 делегатов с решающим голосом и 5 делегатов с совещательным голосом от социал-демократии Латышского края имели необходимые документы [2].

Однако революционная активность рабочих вызывала соответствующую активность полиции. 16 мая 1907 года полиции удалось захватить группу подпольщиков на одной из явок, где оказался и Фриц Платтен. Арест, тюрьма Платтен обвинялся в «принадлежности к преступной организации», которая силой оружия хотела свергнуть царский режим.

Позже В. И. Ленин в своей работе «Задачи пролетариата в нашей революции» отметил факт участия Ф. Платтена в первой русской революции [3] Знал ли Ленин Платтена в 1905–1907 годах? На сегодня нет никаких данных, которые свидетельствовали бы об этом. Но именно в этот период оба они находились в России, оба принимали активное участие в революции 1905–1907 годов: В. И. Ленин — в Петербурге, Фриц Платтен — в Риге.

В. И. Ленин особо отмечал революционные действия латышских социал-демократов во время революции 1905–1907 годов, в рядах которых находился в то время Фриц Платтен. В статье, посвященной сотому номеру латышской газеты «Цыня», Ленин дал высокую оценку революционному движению в Латвии. Он писал, что латышский пролетариат не ограничился забастовочной борьбой, «он шел в авангарде вооруженного восстания, он больше всех содействовал поднятию движения на наивысшую ступень, то есть на ступень восстания» [4]

Участие в первой русской революции явилось для Платтена хорошей школой классовой борьбы, дало крепкую закалку верности идеалам интернационализма.

Вернувшись в Цюрих весной 1908 года, Платтен вновь отлаеся работе в революционных интернационалистских организациях, распространяет революционную пропагандистскую литературу.

В Швейцарии в те годы проживало немало иностранцев революционеров, в том числе и политических эмигрантов из России Многие из них бедствовали, не имея постоянного заработка. Чтобы облегчить их участь, создавались кассы помощи Секретарем таких касс был Фриц Платтен Он разъезжал по всей стране, устраивая лекции, концерты, сборы от которых поступали в фонд помощи.

К этому времени Фриц Платтен уже хорошо знал имя Ленина, и его страстным желанием было встретиться с ним, услышать его выступление В 1908 году В. И. Ленин посетил Цюрих и по просьбе политэмигрантов выступил в доме общества «Эйнтрахт» с рефератом на тему о революции 1905 года Наконец-то мечта Платтена сбылась, он увидел и услышал Ленина Вот как он описывает это событие «Это было в 1907 или 1908 году, когда однажды около II часов из ресторана «Эйнтрахт» вышла группа русских товарищей, продолжая оживленный разговор На мой вопрос, что их так взволновало, мне ответили. «Ленин только что закончил первую часть своего реферата». Вторая часть его реферата продолжалась на полчаса меньше, чем первая, — только полтора часа, — но я не берусь утверждать, что после этого страсти улеглись.

Это был тот случай, когда я впервые увидел Ленина». И далее в этой же статье он сообщал. «Моя личная встреча с Лениным состоялась лишь в Циммервальде» [5], то есть на Циммервальдской конференции в сентябре 1915 года.

В 1912 году Ф. Платтен занимает высокий пост секретаря правления Социал-демократической партии Швейцарии В этом же году он приобрел широкую известность, приняв непосредственное участие в подготовке и

руководстве всеобщей забастовкой цюрихских рабочих, выступивших за сокращение рабочего дня и повышение заработной платы.

Всеобщая забастовка цюрихских рабочих 12 июля 1912 года — одна из ярких страниц в истории рабочего движения Швейцарии. Предприниматели отказались удовлетворить требования рабочих. В ответ рабочие объявили забастовку. Предприниматели решили привлечь к работе штрейкбрехеров. Для борьбы с штрейкбрехерами забастовщики выставили пикеты. В поддержку своих товарищей пролетариат Цюриха объявил всеобщую 24-часовую забастовку протеста.

Правительство, напуганное выступлением рабочих, пошло на чрезвычайные меры. Срочно вызвав воинские части и введя их в город, оно ждало лишь повода, чтобы применить репрессии против бастующих. Были арестованы руководители забастовки, в том числе и Фриц Платтен.

Однако под давлением рабочих лидеры вскоре были освобождены. По всей стране прокатилась волна митингов и собраний трудящихся, выражавших симпатии цюрихскому пролетариату и солидарность с ним.

В. И. Ленин отмечал большое значение цюрихской забастовки как первого решительного выступления швейцарского пролетариата. Сведения об этой забастовке Ленин, очевидно, взял из швейцарских газет, где конечно же упоминалось имя Фрица Платтена как одного из руководителей стачки. В. И. Ленин в своей статье «В Швейцарии» отмечал «Стачка удалась блестяще. Полиция заняла Народный дом в Цюрихе и арестовала ряд рабочих вождей» [6]

В конце 1912 — начале 1913 г. международная обстановка в Европе все более обострялась Размежевавшись на два блока империалистические хищники искали лишь повода, чтобы начать передел уже поделенного мира.

Наступил 1914 год. Началась первая мировая война. Вскоре В. И. Ленин из Кракова перебирается в нейтральную Швейцарию Война показала, насколько непрочно было международное объединение социалистов — II Интернационал. Все антивоенные резолюции, принятые на социалистических конгрессах ранее, остались на бумаге Большинство социалистических лидеров ведущих европейских партий дружно встали на сторону своих правительств. Социал-шовинизм взял верх над интернационализмом. В этой обстановке лишь небольшая группа подлинных революционеров во главе с В. И. Лениным осталась верна принципам пролетарского интернационализма.

Фриц Платтен с первых дней войны занял твердую интернационалистскую позицию Еще до начала войны он находился в оппозиции к правому партийному руководству. Платтен был одним из инициаторов открытого собрания организации «Эйнтрахт», принявшего накануне войны антивоенную резолюцию. С началом же войны члены организации «Эйнтрахт» развернули антивоенную пропаганду, привлекая к этой работе наиболее решительных и последовательных интернационалистов.

Такая позиция Платтена не могла не привести его к сближению с большевиками, находившимися в Швейцарии, особенно с представителями цюрихской секции большевиков М. М. Харитоновым, М. Г. Бронским и другими.

Старый большевик М. М. Харитонов писал в своих воспоминаниях. «В цюрихской организации среди швейцарцев, стоявших во главе социал-демократической партии, единственным человеком, который сохранил в себе революционное чутье. и потому мог идти в унисон с новым настроением рабочих, был товарищ Фриц Платтен — секретарь партии Никто на собраниях не пользовался у рабочих таким успехом, как Платтен, в котором рабочие инстинктивно чувствовали преданного их классу человека и который к тому же был прекрасным агитатором-массовиком, умевшим с первых же слов овладеть рабочей аудиторией» [7]

Отсутствие международной организации, которая объединила бы социалистическое движение и придала ему во всех странах антивоенную направленность, отрицательно сказывалось на эффективности борьбы социалистов-интернационалистов против империалистической войны. С каждым днем все настоятельнее становилась необходимость восстановления интернациональных связей социалистических партий, которые нарушились в связи с крахом II Интернационала. Эти задачи должно было выполнить так называемое Циммервальдское движение, получившее свое название в связи с международной социалистической конференцией, которая состоялась в швейцарской деревушке Циммервальд.

В жизни и политической деятельности Фрица Платтена Циммервальдская конференция явилась важнейшим рубежом. Именно здесь, в Циммервальде, Платтен впервые лично познакомился с В. И. Лениным, бесповоротно вошел в группу левых циммервальдистов, возглавляемую Лениным, и уже не сворачивал с этого пути в дальнейшем.

В. И. Ленин высоко оценивал позицию Платтена и всячески поддерживал контакты с ним и советовал своим соратникам, в частности М. М. Харитонову, использовать возможности Платтена для издания революционной литературы, особенно после Циммервальдской конференции. Так, он писал Харитонову: «поменьше тратьте времени на цюрихское колониальное болото, побольше на связи с Платтенем и дела по изданию и распространению «Internationale Flugblatter...» «Близкое знакомство» Ваше с Платтенем очень прошу Вас поддерживать и развивать всячески: он теперь архи важен для издания «Internationale Flugblatter» [8]

Ф. Платтен и его сторонники проделали большую работу по разъяснению в рядах социал-демократической партии резолюций Циммервальдской конференции и пропаганде Циммервальдской левой группы. Результатом этой работы явилось то, что очередной съезд Социал-демократической партии Швейцарии, состоявшийся в ноябре 1915 года в Аарау, проголосовал за предложенную левыми резолюцию.

В. И. Ленин положительно оценил съезд Швейцарской социал-демократической партии в Аарау и особо подчеркнул, что левые должны неустанно бороться за претворение в жизнь его решений. [9]

В феврале 1916 года В. И. Ленин переехал из Берна в Цюрих. Он тогда работал над своей книгой «Империализм, как высшая стадия капитализма», и в Цюрих его привела необходимость пользоваться фондами богатой Цюрихской библиотеки. Ф. Платтен помог Ленину получить вид на жительство в Цюрихе, поручившись за него. С этого времени встречи Ленина и Платтена уже не были эпизодическими. Ленин аккуратно посещал все собрания

интернационалистской организации «Эйнтрахт», где находилось рабочее место Платтена, бывал на партийных собраниях местных социалистов, так как являлся членом Социал-демократической партии Швейцарии.

В апреле 1916 года Фриц Платтен принимает участие в международной социалистической конференции в Кинтале, являясь на этот раз официальным делегатом от Швейцарской социал-демократической партии. Кроме Платтена от швейцарских социал-демократов участвовали еще пять делегатов.

Хотя Кинтальская конференция и не приняла основных положений Циммервальдской левой о превращении империалистической войны в гражданскую, о поражении в войне «своих» правительств, о создании III Интернационала, она все же представляла известный шаг вперед по сравнению с Циммервальдской конференцией. Ее манифест, несмотря на несколько компромиссный характер, был тем не менее революционнее циммервальдской резолюции.

На этой конференции В. И. Ленину удалось добиться еще большего сплочения и укрепления левых социалистов-интернационалистов. Циммервальдская левая поставила перед собой задачу как можно шире довести до сведения трудящихся масс решения Кинтальской конференции, заостряя вместе с тем внимание на их половинчатом, компромиссном характере.

Выполняя эту задачу, Платтен неумышленно трудился среди рядовых членов партии, разъясняя смысл решений Кинтальской конференции и позицию Циммервальдской левой.

Выполняя обязанности секретаря Центрального правления партии, президента правления Объединенного

общества социалистов Цюрихского кантона, секретаря эмигрантских касс, принимая живейшее участие в интернационалистской организации «Эйнтрахт», Платтен находил время на поездки во все уголки страны с докладами и рефератами на самые различные темы. Но особое внимание он уделял пропаганде идей Циммервальдской левой, то есть борьбе против империалистической войны, восстановлению и упрочению интернационалистских связей социалистов всех стран. В условиях подъема рабочего движения в ноябре 1916 года в Цюрихе состоялся очередной съезд Социал-демократической партии Швейцарии. На этом съезде в качестве почетного гостя присутствовал В. И. Ленин, выступивший с приветственной речью.

Большинство делегатов съезда стояли на левых позициях. Это обстоятельство решило и характер работы съезда. В речах левых отмечалось, что социал-демократическая фракция действует в Национальном парламенте независимо от партии, не выполняет ее решений, не защищает интересы рабочего класса. Особенно с резкой критикой фракции выступил Фриц Платтен.

Принятые резолюции по социал-демократической фракции были сформулированы в духе Циммервальдской левой. Партийный съезд в своем постановлении потребовал от фракции единства действий в классовой борьбе в интересах масс, обязал ее поддерживать тесный контакт с правлением партии.

В. И. Ленин после первого дня работы съезда писал Инессе Арманд: «Впечатление от съезда у меня хорошее. Первый раз за время войны на швейцарском съезде не только проявляется левая (в 1914 г ее вовсе не было; в 1915 только-только проявлялась), но и прямо начинает

спланироваться в оппозиции и к правым и к «центру» (Гримм)». И далее. «На съезде началась уже борьба. Первое сражение было по оценке фракции «националрота». Левые нападали. Речи Нэна и Платтена были прекрасны»[10]

С ноября 1916 года, с момента съезда Швейцарской социал-демократической партии, В. И. Ленин все глубже вникает непосредственно в швейцарское рабочее движение. Его опорой являются левые во главе с Ф. Платтенем. Частые контакты с Лениным, четкая последовательная позиция большевиков по насущным вопросам рабочего движения в условиях продолжающейся войны идейно вооружали Платтена и его сторонников.

Вскоре после съезда 1916 года в Швейцарской социал-демократической партии началась ожесточенная дискуссия по военному вопросу, который должен был специально обсуждаться на предстоящем Чрезвычайном съезде в 1917 году.

В состав избранной съездом специальной комиссии для подготовки проекта резолюции по военному вопросу к Чрезвычайному съезду вошел и Платтен, принявший активное участие в ее работе. Он написал свои тезисы, так как его не удовлетворяли оба проекта тезисов, выработанных двумя группами комиссии. Проект группы большинства был составлен в духе центристских тезисов Гримма, написанных им еще в июле 1916 года. Проект группы меньшинства носил социал-шовинистский характер и содержал пункт, обязывающий социал-демократов в случае войны «защищать отечество».

Совсем в ином духе были написаны тезисы Фрица Платтена. Анализируя эти тезисы, В. И. Ленин оценил их весьма положительно. Читая место, где Платтен писал:

«После того, как мировая война показала способность капиталистических правительств на всякое преступление (курсив В. И. Ленина — А И.), и после того, как им удалось путем искажений событий заставить пролетариат принять активное участие в этих убийствах и насилиях, перед социал-демократической партией встала необходимость пересмотреть свое отношение к милитаризму и войне», Ленин на полях заметил: «Очень хорошо» — и сбоку отчеркнул два раза это предложение.

Там, где Платтен дает общую характеристику войне: «Всякая война является продолжением политики средствами грубого насилия, средствами милитаризма», Ленин снова два раза отчеркивает текст, ставит знак NB и пишет: «Очень хорошо» [11]

Несколько позже В. И. Ленин написал специальную статью «Тезисы об отношении Швейцарской социал-демократической партии к войне», в основу которой положил тезисы Ф. Платтена [12]

В разгар дискуссии по военному вопросу произошли события, имевшие историческое значение. В феврале 1917 года в России произошла буржуазно-демократическая революция, пал царизм. Случилось то, чего с нетерпением ожидали русские политические эмигранты, вынужденные находиться вдали от родины.

В эти исторические дни присутствие В. И. Ленина в России было особенно необходимым. С момента революции Ленин жил одной мыслью, ехать немедленно в Россию. Но попасть туда было не так-то просто. Шла война, а нейтральная Швейцария зажата в кольцо воюющих держав.

В книге Фриц Платтен на документальной основе подробно изложил историю возвращения В. И. Ленина и

его спутников в Россию В свое время эта поездка через Германию вызвала широкий интерес прессы, ею занимались исследователи. Не обошлось и без вымыслов и клеветы, обвинений Ленина и его соратников в сговоре с немецкими властями.

Как известно, переговоры с германским посланником в Швейцарии Ромбергом велись открыто, с полной оглаской условий проезда Кроме того, В. И. Ленин в доказательство того, что у него не было иного пути возвращения в Россию как только через Германию и что не имелось никакого тайного соглашения с германским правительством, заручился специальным заявлением иностранных социалистов (см. с 99— 100).

Однако в буржуазных газетах, таких, как «Русская воля», «Речь», началась бешеная травля Ленина и большевиков, вернувшихся на родину через Германию. Слухи о «запломбированном вагоне», «немецких шпионах» и т п дошли до действующей армии, породив там массу всевозможных толков о Ленине и его спутниках- большевиках.

Так, например, в «Красной газете» 24 апреля (7 мая) 1917 года был напечатан специальный запрос Солдатского комитета 8-й конно-артиллерийской батареи в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов В нем, в частности, говорилось: «Ввиду того, что между солдатами батареи происходит много трений относительно Ленина, просим не отказать нам дать скорейший, по возможности, ответ:

Какого он происхождения, где он был, если он был сослан, то за что? Каким образом он вернулся в Россию и какие действия он проявляет в настоящий момент, т е полезны они нам или вредны?

Одним словом, просим убедить нас своим письмом так, чтобы после этого у нас не было никаких споров, не теряли бы напрасно время и другим товарищам могли бы в состоянии доказать».

Этот запрос был передан В. И. Ленину, на который он начал писать ответ, но закончить не смог из-за других неотложных дел[13]. Однако в качестве ответа можно привести выписку из ленинского обращения «К солдатам и матросам».

«Газеты капиталистов ведут самую бесстыдную кампанию лжи и клеветы по поводу проезда через Германию моего и 30 других эмигрантов.

Газеты капиталистов бесстыдно лгут, утверждая или намекая, будто мы пользовались какими-либо недопустимыми или необычными подачками от германского правительства, которое мы считаем столь же разбойничьим, столь же преступным, как и все капиталистические правительства, ведущие нынешнюю войну...

Почему правительство Милюкова и К^о не пустило в Россию ехавшего с нами швейцарского социалиста Фрица Платтена. который заключил соглашение с немецким правительством об обмене? (Имеется в виду обмен интернированных немцев на русских эмигрантов— А. И.). Правительство лжет, пуская слухи, что Платтен — друг немцев. Это клевета Платтен — друг рабочих и враг капиталистов всех стран» [14]

Выполнив свою миссию — доставив В. И. Ленина и его спутников к русской границе, — Ф. Платтен вернулся в Швейцарию. Здесь ему пришлось пережить нелегкое время в связи с выполненной им ролью доверенного лица Ленина и его спутников. Развязанная травля, клевета приняли столь разнузданный характер, что Платтен по-

требовал от правления партии официального опровержения клеветы и подтверждения его непричастности к каким бы то ни было тайным соглашениям с немцами. Поэтому 8 июня 1917 года правление партии вынесло специальное решение, в котором разъяснялось, что поездка Платтена носила частный характер, была предпринята с разрешения руководства партии и что в этом нет ничего предосудительного. [15]

В конце 1917 года Фрицу Платтену довелось еще раз исполнять роль доверенного лица русских политэмигрантов. Но прежде чем Платтен отправился в эту поездку, в Швейцарии в ноябре 1917 года произошли события, которые имели далеко идущие последствия для подъема рабочего движения в стране 9 ноября 1917 года швейцарские газеты сообщили о завоевании власти в Петрограде большевиками. Победа Октябрьской социалистической революции в России всколыхнула весь мир, в том числе и маленькую Швейцарию, став могучим стимулом к небывалому подъему революционного движения.

В стране начали возникать стихийные митинги в поддержку русской революции, против продолжающейся войны и дороговизны. Особенно активный характер они носили в Цюрихе, где действовал самый передовой отряд швейцарского пролетариата, вожаком которого был Фриц Платтен.

Выступление рабочих в Цюрихе потрясло всю Швейцарию. Такого здесь еще не бывало: баррикады на улицах города! Имелись даже убитые — полиция применила оружие, разгоняя демонстрантов. Но сама социал-демократическая партия, ее руководство остались в стороне. Выступление цюрихского пролетариата было подавлено. Фриц Платтен тяжело переживал поражение рабочих и с

тем большей охотой согласился сопровождать четвертый эшелон русских эмигрантов в Россию.

В канун нового, 1918 года Платтен доставил в Петроград последнюю группу эмигрантов. С некоторыми из них он сразу же направился в Смольный, чтобы сообщить Ленину о прибытии. Произошла теплая, трогательная встреча, были, конечно, и воспоминания о совместной работе в Швейцарии, о проезде через Германию в апреле 1917 года, когда Временное правительство не пустило Платтена в Россию.

Приехавшие оставались еще три дня на станции и жили в вагонах. 1 января (по ст. ст) 1918 года на станцию приехал В. И. Ленин вместе с Марией Ильиничной. Он пригласил Фрица Платтена на митинг в Михайловский манеж, где должен был выступить перед первым отрядом социалистической армии, уезжавшим на фронт.

В манеже было многолюдно. Здесь кроме бойцов отряда собрались также солдаты-фронтовики, рабочие Питера. Собравшиеся с огромным вниманием слушали речь Ленина о значении создания революционной армии, которая будет оберегать завоевания социалистической революции.

После митинга В. И. Ленин, Мария Ильинична Ульянова и Фриц Платтен сели в закрытую машину, водителем которой был революционный солдат Т. М. Гороховик. Подъезжая к мосту через Фонтанку, шофер из-за густого тумана сбавил скорость. Вдруг раздались короткие и сухие хлопки выстрелов. Пуля прошила лобовое стекло автомобиля. Мгновенно оценив обстановку, шофер резко увеличил скорость, чтобы быстрее проскочить мост. Мария Ильинична рассказывала позже: «не успели мы отъехать и нескольких десятков саженьей, как сзади в кузов

автомобиля, как горох, посыпались ружейные пули. «Стреляют», — сказала я. Это подтвердил и Платтен, который первым долгом схватил голову Владимира Ильича (они сидели сзади) и отвел ее в сторону, но Ильич принялся уверять нас что мы ошибаемся и что он не думает, чтобы это была стрельба. После выстрелов шофер ускорил ход, потом, завернув за угол, остановился и, открыв двери автомобиля, спросил- «Все живы?» — «Разве в самом деле стреляли?» — спросил его Ильич. «А то как же, — ответил шофер, — я думал — никого из вас уже и нет. Счастливо отделались. Если бы в шину попали, не уехать бы нам!» [16]

Пострадал только Фриц Платтен. В тот момент, когда он пригнул голову Ленина, пуля обожгла ему руку, которой он пригибал голову Ленина. Сначала он даже не почувствовал боли. И только когда вышли из машины, чтобы осмотреть ее снаружи, Платтен заметил кровь на руке. Кузов машины был продырявлен в нескольких местах. Теперь не оставалось сомнений и у Владимира Ильича, действительно стреляли.

Однако как бы ни было приятно находиться среди русских друзей, Платтен понимал, что ему пора домой, к швейцарским рабочим, проводить в жизнь те идеи, за которые сражались и победили русские рабочие.

В начале 1918 года политическая обстановка в Швейцарии чрезвычайно обострилась. Нехватка продовольствия и топлива, дороговизна активизировали классовую борьбу. Стачки и голодные демонстрации становились обычным явлением. Вместе с тем усиливался произвол военщины и полиции, участились аресты и всевозможные запреты. С начала года рабочее движение шло по восходящей: в июне — грандиозная демонстрация

женщин в Цюрихе против войны и дороговизны, в июле в Базеле собирается Всешвейцарский рабочий конгресс, левая часть которого высказалась за немедленную всеобщую забастовку; 30 сентября — 1 октября начали забастовку две тысячи банковских служащих Цюриха, что уже само по себе явилось исключительным событием в истории Швейцарии. Эта забастовка переросла во всеобщую забастовку Цюрихского кантона.

Вернувшись на родину, Платтен еще настойчивее повел революционную пропаганду. Теперь в его речах и выступлениях приводились конкретные примеры в пользу социализма, когда он рассказывал о Советской Республике. Рабочие жадно слушали правду о первом государстве рабочих и крестьян. 4 февраля 1918 года была созвана конференция представителей профсоюзов и социал-демократической партии, на которой был создан комитет действия, известный в истории как Ольтенский комитет действия. Некоторое время членом Ольтенского комитета был и Фриц Платтен. Однако деятельность этого комитета не отвечала требованиям обстановки в стране. Он занял выжидательную позицию и плелся в хвосте событий. И неудивительно, что вскоре превратился в комитет «бездействия», так как основополагающим в его работе председателем комитета Роберт Гримм считал «создание оборонительного фронта», иными словами — пассивная оборона вместо наступления.

Подобная тактика выводила из себя Платтена. После всего увиденного им в Советской России он не мог относиться терпимо к пассивному выжиданию и нерешительности. Если бы Ольтенский комитет по-настоящему возглавил нарастающее движение рабочего класса, рабо-

чие Швейцарии, несомненно, добились бы больших успехов.

Платтен отправился к цюрихским рабочим и принял непосредственное участие в организации демонстрации 10 ноября. Несмотря на то что правительство запретило демонстрацию, она была проведена. Против демонстрантов были брошены войска. И здесь не обошлось без жертв — были раненые и убитые. Пренебрегая опасностью, Платтен пробился к солдатам и призвал их прекратить кровопролитие и не стрелять в своих братьев по классу.

Расстрел мирной демонстрации рабочих окончательно убедил, что дальнейшие переговоры с правительством бесполезны. Ольтенскому комитету ничего не оставалось, как объявить 11 ноября всеобщую забастовку, не определяя срока ее окончания.

Бастовало свыше 400 тысяч человек, на усмирение которых были брошены войска. Оппортунистическое руководство социал-демократической партии своей соглашательской политикой погубило это самое крупное выступление швейцарского пролетариата, приняв ультиматум правительства. Наиболее активных руководителей забастовки власти предали суду. Одним из «опасных преступников» был объявлен Фриц Платтен. Он обвинялся в подстрекательстве к мятежу в армии. Яркой страницей в биографии Платтена явилось его участие в учреждении III Коммунистического Интернационала. Произошло это несколько неожиданно для самого Платтена. После Ноябрьской всеобщей забастовки у левого крыла партии возникла острая необходимость в консультации по современным вопросам международного рабочего движения, и в частности швейцарского. Платтен справедливо считал,

что такую консультацию он сможет получить у В. И. Ленина. Поэтому по поручению своих товарищей во второй половине февраля 1919 года он нелегально выехал в Советскую Россию.

С большими трудностями добравшись до Москвы, Платтен, к своему удивлению и радости, узнал, что в эти дни здесь состоится Международная коммунистическая конференция, которая должна была учредить III Коммунистический Интернационал. По предложению В. И. Ленина Платтен был избран одним из трех постоянных членов Президиума Коминтерна.

Новый интернациональный орган призван был объединять силы международного рабочего движения, оказывать представителям рабочих партий помощь в правильной ориентации на местах в осуществлении идей социализма.

Окрыленный результатами I конгресса Коминтерна, Платтен спешил на родину. Однако ему не скоро удалось попасть туда. В Швейцарию он вернулся лишь в конце мая 1920 года, побывав за это время в тюрьмах Финляндии, Румынии, Литвы и Германии как «агент Москвы». И затем в Швейцарии ему пришлось отсидеть шесть месяцев в тюрьме за «старые грехи» во время Ноябрьской всеобщей забастовки.

Скитания по тюрьмам довольно основательно подорвали здоровье Платтена. Поэтому после освобождения из места последнего заключения ему пришлось некоторое время поправлять здоровье в санатории.

Однако Платтен ни на один день не прерывал связей с товарищами по левому крылу партии. Он вел оживленную переписку с партийными организациями, особенно Цюриха и Цюрихского кантона. После выздоровления

он вернулся к активной партийной работе, разъезжал по всей стране, выступал на собраниях, вечерах, разъяснял идеи Коминтерна. Однако эти идеи не находили отклика среди большинства руководителей социал-демократической партии.

Платтен видел, что его позиция все более расходится с позицией оппортунистического руководства партии. Он окончательно убедился, что левым не по дороге с противниками III Интернационала.

В марте 1921 года в Цюрихе собрались 145 сторонников Платтена и 28 человек из молодежной группы Якоба Герцога, называвших себя «старыми коммунистами». На этом собрании было провозглашено создание Коммунистической партии Швейцарии. [17] Фриц Платтен стал секретарем Компартии.

С первых же дней Компартия Швейцарии начала устанавливать связи с массами. ЦК партии принял решение о развертывании активной работы в профсоюзах. Фриц Платтен отдает все силы работе по завоеванию трудящихся масс на сторону Коммунистической партии. Он возобновил поездки по стране, много выступал перед рабочими, разъяснял задачи Компартии, рассказывал о Советской России.

Несмотря на большую занятость, Платтен поддерживал постоянную связь с товарищами из Советской России. За годы после Октябрьской революции он несколько раз бывал в России. В один из приездов на приеме у В. И. Ленина зашла речь об интернациональной помощи в становлении народного хозяйства молодой Советской Республики. Как вспоминал позже Платтен, В. И. Ленин высказал идею организации показательных образцовых сельскохозяйственных кооперативов или коммун. В них

могли бы принять участие желающие иностранные граждане.

В своих поездках по стране Платтен рассказывал об этой идее своим соотечественникам и убедился, что многие швейцарцы согласны принять участие в ее осуществлении.

27 мая 1920 года Фриц Платтен написал Ленину письмо, в котором сообщал: «Ко мне обращаются в большом количестве инженеры, техники, всевозможные специалисты с просьбой исходатайствовать им разрешение на въезд в Россию, дабы дать им возможность принести пользу — Советской России. Прошу сообщить мне Ваше мнение» [18]. По распоряжению Ленина письмо это было направлено в Государственную комиссию по переселению иностранных рабочих при Народном комиссариате труда.

В октябре 1921 года Платтен выехал в Москву и 2 ноября был на приеме у В. И. Ленина, затем еще раз 9 ноября. [19] 2 ноября беседа длилась полтора часа, а 9 ноября — один час. Видимо, в этих беседах основным вопросом была организация Платтенем сельхозартели в Советской России, состоящей из швейцарских граждан.

Фриц Платтен решает возглавить переселенцев из Швейцарии, и к апрелю 1924 года в селе Новая Лава Канадейской волости Сызранского уезда Симбирской губернии (на родине В. И. Ленина) была создана сельскохозяйственная коммуна, получившая название «Солидарность». Вскоре была создана еще одна коммуна — в селе Тепловка этого же уезда. Свыше 70 человек, в том числе и родители Платтена, составили основное ядро коммуны «Солидарность».

На общем собрании коммунары приняли устав и единогласно избрали правление во главе с Фрицем Платтенем. В апреле 1927 года часть швейцарских эмигрантов перебазировалась в село Васькино, неподалеку от Москвы, создав еще одну коммуну, которую также возглавлял Платтен. Впоследствии эта коммуна была преобразована в крупный совхоз имени Межрабпома.

Параллельно с работой на селе Платтен начиная с 1927 года все больше втягивается в работу международных организаций в Москве. Сначала он возглавлял клуб немецких коммунистов, помещавшийся в доме № 5 по Большой Дмитровке. Часть его членов, в том числе и Платтен, одно время примыкали к троцкистско-зиновьевской оппозиции. Однако уже в феврале 1928 года Платтен публично заявил о своем полном отказе от ее платформы.

В 1931 году Платтен переходит на работу в Международный аграрный институт в качестве старшего научного сотрудника отдела Центральной и Западной Европы. Здесь он проводил большую работу по установлению контактов с родственными учреждениями за границей, в частности в Швейцарии, Германии, Италии, Франции. Благодаря своей осведомленности о положении в западноевропейских странах Платтен много сделал для плодотворной научной деятельности института.

В конце 1931 года институт командирует Платтена за границу. Выполнив задание, он смог побывать и в Швейцарии. По приглашению Швейцарской компартии он провел там около трех месяцев. Как и много лет назад, Платтен снова выступал перед рабочими, рассказывал об успехах социалистического строительства в Советском Союзе, о своей работе.

По возвращении из командировки Платтен, продолжая научную деятельность, одновременно вел преподавательскую работу в Московском институте новых языков (ныне Институт иностранных языков имени Мориса Тореза) в качестве преподавателя политэкономии, истории Коминтерна и немецкого языка. Последовательный и убежденный интернационалист, Платтен воспитывал молодежь в духе верности идеалам коммунизма, международной солидарности. В молодом поколении он видел будущее великой страны, которая должна была претворять в жизнь идеи В. И. Ленина.

Самозабвенно отдаваясь работе, Платтен не замечал, как сгущаются тучи над его головой, как зависал над ним дамоклов меч сталинско-бериевского «правосудия».

Сначала была арестована жена Платтена Берта Георгиевна Циммерман, работавшая с 1924 года в Коминтерне. 4 июня 1937 года за ней пришли, предъявили ордер на арест № 2165 и увели навсегда. Больше Платтен ее не видел. Сначала он посчитал это недоразумением, потом даже писал Сталину письмо о том, что его жену арестовали ни за что. Куда бы он ни обращался, ему или не отвечали совсем, или давали туманные ответы, не прояснявшие истины.

Но вот дошла очередь и до него. 31 августа 1937 года решением Красногвардейского РК КПСС Платтен был исключен из партии «за связь с «врагом народа» — своей женой Б. Циммерман. 12 марта 1938 года Платтена арестовали. Больше года велось следствие, наконец он предстал перед судом военного трибунала НКВД. На этом суде не было ни защитника, ни свидетелей. Платтен защищался сам. Ему было предъявлено обвинение по ст. 58, п 6, 8, 11 (обвинение в контрреволюционных преступ-

лениях участие в контрреволюционных организациях, доноительство, шпионаж, совершение террористических актов) и по ст 182 (незаконное хранение оружия).

В ходе суда Платтену удалось доказать свою невиновность по политической статье, и он был осужден по ст 182 — за «незаконное хранение оружия» — на четыре года. Дело в том, что во время обыска в его квартире был найден пистолет, который Платтен хранил с 1917 года как память о своей революционной деятельности.

Итак, Платтен получил четыре года и был сослан в Няндому, а затем в Липово Архангельской области Няндомского района. Некоторые подробности о пребывании в этом лагере содержатся в его письмах, которые помещены в конце этой книги. Они подготовлены к публикации Е. И. Дружининой — ученицей Платтена в Институте новых языков, матери которой Платтен писал эти письма из лагеря.

В 1942 году кончался срок ссылки Фрица Платтена, и он надеялся вскоре получить свободу, строил планы на будущее. Но время шло, а ни о каком освобождении и речи не было. Платтена это обстоятельство очень угнетало, ему все труднее было находиться в заключении, не один раз по состоянию здоровья его направляли в больницу. Последний раз он лежал в больнице в марте 1942 года, откуда уже не вышел. Последнее письмо было написано по-русски кем-то в больнице, а потом пришло известие, что он скончался в больнице 24 апреля 1942 года.

* * *

Данное издание книги Платтена включает в себя дополнительно по сравнению с первым изданием «Про-

щальное письмо к швейцарским рабочим» В. И. Ленина, статью-воспоминание Е. Ф. Усиевич, участницы переезда первой группы, и уже упомянутые письма Платтена из заключения. В ходе подготовки к переизданию была проведена работа по исправлению некоторых неточностей и орфографических ошибок, дан научно-справочный аппарат

А Е ИВАНОВ

старший научный сотрудник НМЛ при ЦК КПСС

Примечания:

- 1 Старый большевик 1933 № 5(8) С 231
- 2 См Пятый съезд (Лондонский) РСДРП Протоколы, М. 1963 С 628–629, 630
- 3 См Ленин В И Поли собр соч Т 31 С 178
- 4 Ленин В И Полн. Собр. соч. Т 19 С 306
- 5 «Kampfer» Zurich 9 VI 1922
- 6 Ленин В И Полн. Собр. соч. Т 21 С 399
- 7 Харитонов М Из воспоминаний//Записки Института Ленина М, 1927 Т 2 С 128
- 8 Ленин В И Полн собр соч Т 49 С 165, 166 («Internationale Flugblatter» — издание Циммервальдской левой под общим заголовком «Циммервальдская левая о задачах рабочего класса», в котором были опубликованы проект резолюции и манифест левых — А И)
- 9 Ленин В И Полн. Собр. соч. Т 3 С 143, 161, 196
- 10 Ленин В И Полн. Собр. соч. Т 49 С 318
- 11 См Ленинский сборник XVII М, Л. 1931 С 61—63

12 См Ленин В И Полн собр соч Т 3 °С 209—211

13 См Ленин В И Полн собр соч Т 32 С 21, 466, примечание 19

14 Ленин В И Полн собр соч Т 31 С 224

15 Protokoll über die Verhandlungen des ausserordentlichen Parteitages der Sozialdemokratischen Partei der Schweiz vom 9 und 10 Jun 1917, Im Volkshaus in Bern, 1917 S 82 83

16 Воспоминания о В. идиимре Ильиче Ленине В 5 т 2 е изд VI. 1979 Т I С 168

17 Bodenmann M Zum 40 Jahrestag der Grundung der Kommunistischen Partei der Schweiz Zurich 1961 S 25

18 Свенцицкая О В Фриц Платтен — пламенный революционер М, 1974 С 145-146

19 См Ленинский сборник XXXIX М 198 °С 362

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда большевики приняли решение ехать через Германию, они прекрасно понимали, что буржуазия воспользуется этим их шагом, чтобы изобразить их изменниками и пр.

Однако действительность превзошла все ожидания. После тезисов¹, с которыми Ленин выступил тотчас по приезде, тезисов, где все было ясно, договорено до конца, буржуазия почувяла, что начинается борьба не на живот, а на смерть. Бешенству ее не было границ. Она знала, что в открытом бою будет побеждена, и она при помощи всяких Алексинских² и ему подобных стала действовать из-за угла, пустив в ход гнуснейшую клевету о германских шпионах. Клевета росла, как снежный ком, туманила сознание населения, в том числе даже сознание более отсталых слоев рабочего класса.

Невесело было Владимиру Ильичу, очутившемуся в положении затравленного зверя. В июльские дни³ он готов уже был отдаться в руки правительства, чтобы хоть этим путем попробовать спасти свою честь, так неразрывно связанную с честью партии хотя он знал, видел, не мог не видеть, что это не выход, что это просто самоубийство он долго колебался, прежде чем решил скрываться.

Потом клевета пала как-то сама собой. Не потому, чтобы появились какие-нибудь новые данные или враги отказались от клеветы, а просто рабочие и крестьяне поверили в правоту точки зрения большевиков, правоту Ленина.

У Джона Рида в его книге «10 дней»* есть одна замечательная сценка. В Гатчине, на вокзале, публика, сошедшая с дачного поезда, окружила часового, стала его убеждать: «Знаешь ли ты, — наступал на часового какой-то господин, заявивший, что он также революционер, сидел в крепости — Знаешь ли ты, что твой Ленин немецкий шпион?» Смущенный солдат отвечал: «Нет, я этого не знаю, я человек необразованный, но я знаю, что насчет земли Ленин правильно говорит».

Массы поняли, что Ленин горячий, самоотверженный защитник их интересов, и перестали верить легенде о шпионаже.

Теперь, когда так тщательно собирается все, касающееся Ленина, необходимо было также собрать все документы, относящиеся к проезду через Германию.

Документы эти заботливо собраны и опубликованы в данной книжке швейцарским коммунистом товарищем Платтенем, оказавшим тогда громадную услугу большевикам.

Книга проливает полный свет на всю историю с запломбированным вагоном.

Н КРУПСКАЯ

* Имеется в виду книга Джона Рида «10 дней которые по трясли мир»

К ИСТОРИИ ВОЗВРАЩЕНИЯ В РОССИЮ В 1917 ГОДУ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ, ЖИВШИХ В ШВЕЙЦАРИИ

1. Шаги, предпринятые русской группой проживавших в Швейцарии эмигрантов-циммервальдистов с целью вернуться на родину.

2. Самостоятельные действия Ленина в деле возвращения русских эмигрантов, проживающих в Швейцарии

3. Переезд Ленина.

4. Статья Гардена и разъяснение Ленина по поводу одной попытки получить пропуск через Германию.

5. Дело Гримма.

Всем исследователям современности, всем будущим историкам российской революции, всем биографам Ленина придется остановиться специально на вопросе о том, при каких условиях совершился переезд Ленина в Россию, и также вообще на вопросе, какое значение для судеб русской революции имело возвращение русских эмигрантов. Вокруг приезда Ленина уже сложились целые легенды. Деятельность Ленина и вернувшихся с ним товарищей была столь колоссальна по своим последствиям, она имела столь огромное историческое значение, что не

покажется излишней попытка дать по возможности полное и основанное на документальных данных описание того, каким образом Ленину удалось в апреле 1917 года переехать через Германию в Россию.

О возвращении Ленина в Россию в 1917 году через враждебную ей Германию в свое время были опубликованы краткие сообщения товарищами Крупской, Радеком, Гильбо и мною. Я поэтому задавал себе вопрос, имеет ли смысл и представляется ли вообще необходимым опубликовать более обширную работу по истории переезда в Россию русских эмигрантов, живших в Швейцарии, в частности о переезде товарища Ленина. Я решился на это из следующих соображений.

Ни одна из вышеупомянутых статей не давала полной картины событий. Это были лишь моментальные снимки, вырванные из общей связи. За исключением книги Гильбо, ни одна из них не была основана на документах того времени. Однако решающим для меня было данное мною в 1919 году Ленину обещание опубликовать в ближайшем будущем в печати по возможности полное и документальное описание переезда. Он, Ленин, мотивировал это указанием на то, что я, в качестве уполномоченного группы эмигрантов, переезжавших с первой партией, больше других посвящен во все детали дела и что свидетельство западноевропейского товарища, особенно в таком деликатном деле, будет иметь цену.

В попытках Ленина как можно скорее и возможно кратчайшим путем пробраться в Россию, чтобы там исполнить свой долг революционера и вождя партии, можно отметить три момента, которые, надеюсь, мне удастся осветить, несмотря на то, что я лично принимал активное участие только в третьей фазе. О первой попытке Ленина

проложить себе дорогу в Россию вместе с небольшой группой единомышленников сообщил мне он сам в 1919–1920 годах. Этот эпизод был в 1917 году окутан какой-то тайной. В русских эмигрантских кругах Цюриха ходили различные слухи, однако точных сведений по этому поводу никто не мог дать. В связи с разъяснениями Ленина относительно этой первой попытки мне становится понятным допрос, которому я подвергся 27 сентября 1917 года со стороны тогдашнего комитета эмигрантов в Швейцарии⁴. Описание допроса читатель найдет ниже.

Ленин сообщил мне о своей первой попытке во время нашей беседы о статье Максимилиана Гардена, напечатанной в еженедельнике «Будущее»⁵. Дело произошло следующим образом. Поздней осенью 1919 года, освободившись из румынской тюрьмы, я прибыл в Москву. По дороге в Москву из Каменец-Подольска, тогдашней петлюровской столицы⁶, у меня началось кровохарканье, продолжавшееся несколько дней, и я был вынужден прибегнуть к врачебной помощи. Во время моей болезни товарищ Ленин, которому я, да будет мне позволено здесь указать, глубоко обязан за его всегда теплое участие при всех постигавших меня в Финляндии, Румынии и Литве ударах судьбы⁷, проявил и на этот раз свое внимание, прислав мне злободневную немецкую литературу.

Среди присланных журналов я случайно нашел в «Будущем» сенсационную статью Гардена «Людендорф и путешествие Ленина». Приведенные в статье обстоятельства чрезвычайно меня заинтересовали. На меня все эти «разоблачения» производили впечатление какой-то мистификации, и я воспользовался первым своим выходом после выздоровления, чтобы посетить Ленина в его кабинете. В разговоре я, между прочим, коснулся и статьи Гардена, прося Ленина сказать, что он о ней думает. Ле-

нин тотчас же и очень охотно сделал это. Он снял со статьи все ее сенсационные прикрасы и представил события так, как они происходили на самом деле. При этом он определенно подчеркнул, что я могу воспользоваться его сообщениями, если опубликую когда-нибудь свои воспоминания о совместной с ним поездке через Германию, что он со своей стороны, по его словам, очень приветствовал бы.

В дальнейшем постараюсь по возможности точно воспроизвести сообщения Ленина, сделанные мне по этому поводу[1]

В свое время поездка Ленина вызвала большие толки. Ленин сделался мишенью клеветнических нападок не только со стороны буржуазной прессы — его преследовали своими яростными и подлыми подозрениями все не-большевистские рабочие партии Невероятно гнусные обвинения распространялись на его счет. Ленин и Зиновьев изображались как немецкие агенты. Наиболее глупые из этих клеветников уверяли, что оба они оплачиваются немецкими деньгами. Клевета тоже является своего рода оружием, правда грязным Ленин должен был в Петрограде вести настоящую газетную кампанию против подобных нападок. В настоящее время ни один человек уже не верит больше подобной бессмыслице. Но вопрос о том, почему Германия так предупредительно согласилась разрешить Ленину проезд через свою территорию, гарантировав ему даже экстерриториальность, — до сих пор мелькает у многих в уме. Эти люди до сих пор не хотят понять, что все это могло произойти без того, чтобы между Людендорфом и Лениным состоялось какое-нибудь определенное соглашение.⁸ Рассмотрим, каково было положение дел в 1917 году.

Когда в России разразилась Февральская революция⁹, все правительства и генеральные штабы всех воюющих держав стали гадать, кому суждено вписать в актив своего баланса это колоссальное историческое событие. Всем известна роль, которую в этот период играл английский посланник Бьюкенен. Однако надежды этого господина, что в случае дворцовой революции он получит козырь в свои руки, не оправдались. Вместо ожидавшегося подъема боевого настроения и усиления военной мощи наступило прогрессирующее ослабление боеспособности русской армии.

Антанта прилагала все старания к тому, чтобы направить революцию в желаемое русло и влить новые силы в сражающуюся русскую армию. Когда руководители Антанты отправили в Россию Плеханова с сорока его сторонниками на крейсере в сопровождении миноносцев, пытаясь в то же время всеми мерами воспрепятствовать приезду интернационалистов, это вполне гармонировало с политической линией Антанты. Достаточно по этому поводу вспомнить о позорном обращении, которому подвергся товарищ Троцкий в Галифаксе¹¹. Эти господа не хотели даже согласиться пересмотреть черные списки, в которые были занесены все циммервальдисты.¹² Все средства, вплоть до командирования в Россию «социалистов» (!) вроде Тома и К^о 13, были пущены в ход, и все для того чтобы сохранить Россию в качестве военного фактора. Милюковы и Гучковы имели еще меньше охоты, чем господа в Париже и Лондоне, подпустить к себе на близкое расстояние своих классовых врагов ленинского и зиновьевского масштаба, — ведь прибытие последних не могло предвещать ничего хорошего собственным политическим вожделям первых. Поэтому нужно признать несомненным, что возвращение Ленина и близких ему

людей через страны Антанты было делом невыполнимым. Ленин, по-видимому, никогда не разделял фантастических надежд Семковского — секретаря тогдашнего эмигрантского комитета, — будто можно все-таки добиться согласия Милюкова на поездку через враждебную Германию.

Французская печать намеренно распространяла легенду о том, что поездка Ленина через Германию могла состояться только вследствие определенного тайного соглашения. Однако она не могла привести ни одного доказательства в пользу этого гнусного уверения.

Мотивы, побудившие немецкое правительство и верховное командование разрешить русским эмигрантам в Швейцарии проезд через Германию, в настоящий момент совершенно очевидны. Когда одна враждебная коалиция имеет основание помешать чему-либо, то противная сторона, совершенно естественно, имеет все основания желать как раз того, чему противник стремиться воспрепятствовать.

Проявленная немцами готовность разрешить эту поездку не должна, однако, рассматриваться только как ловкий шахматный ход против врага. Она была продиктована также политическими и военными соображениями.

5 апреля 1917 года Америка объявила войну Германии. Опубликованные мемуары Людендорфа, Чернина и Гинденбурга дают нам ясную картину тогдашнего положения Германии. Правительства Центральной Европы, и прежде всего Людендорф, рассчитывали найти в лице русских циммервальдистов людей, которые будут им помогать в осуществлении их целей. В «Мемуарах» Людендорфа нет ни слова о путешествии Ленина. Тем не менее книга эта, равно как и книга, принадлежащая перу быв-

шего австрийского премьер-министра Чернина, дает исчерпывающие сведения относительно мотивов, побудивших Германию предоставить этим революционерам *par excellence* (высшего закала) право проезда через Германию с гарантией экстерриториальности.

Была надежда — посредством деятельности интернационалистов в России — добиться разгрузки Восточного фронта. Надеялись даже добиться сепаратного мира.

Гинденбургу всякое средство представлялось хорошим, лишь бы оно дало возможность перебросить армию с Восточного фронта. Еще весной 1917 года Людендорф основывал свою уверенность в победе только на одном козыре — переброска 70 дивизий с Восточного фронта на Западный должна была дать ему возможность нанести последний, решающий удар, повести «генеральный штурм на Париж» прежде, чем Америке удастся навсегда сделать невозможным прорыв Западного фронта. Как бы правилен ни был этот расчет с военной точки зрения, он как политический шаг оказался совершенно ошибочным.

Людендорф сам признает, что с течением времени военные успехи были аннулированы разрушительным влиянием большевистской пропаганды.

Резюмируем, предупредительность немцев к циммервальдистам была пропорциональна ненависти к ним и вражде, проявляемым Антантой.

Рассмотрим бегло вопрос о том, насколько позиция, занятая каждой из этих группировок держав, оказалась политически мудрым и дальновидным шагом. Без всякого сомнения, обе группировки держав при решении вопроса о возвращении эмигрантов руководствовались советами своих экспертов по русским делам. Позиция, занятая Лениным в вопросе о русской революции, была, по всей ве-

роятности, не достаточно хорошо известна решающим инстанциям Германии, хотя при надлежащей организации осведомительной службы она должна была бы быть им известной.

Вопрос о том, какова была позиция, занятая Лениным весной 1917 года по отношению к историческим событиям, разыгравшимся на Востоке, сам по себе представляет величайший исторический интерес. Но независимо от этого его следует осветить еще и для того, чтобы можно было решить, насколько, при разрешении Ленину переезда через Германию, Людендорфом руководил сознательный политический такт. Германия никогда не была хорошо информирована по вопросам внешней политики, особенно же плохо, как мне кажется, была осведомлена в деле поездки Ленина.

Решение Людендорфа пропустить через Германию русских эмигрантов, живших в Швейцарии, в частности пропустить первыми Ленина и Зиновьева, заставляет нас поставить вопрос о том, напечатал ли или говорил Ленин когда-либо что-нибудь, что могло бы быть истолковано как проявление германофильства или же как доказательство особенной склонности его заключить сепаратный мир с империалистическими правительствами. Никогда ничего подобного не выходило ни из-под пера, ни из уст Ленина Людендорф, по-видимому, кое-что слышал только о его боевом лозунге — «Мир — хлеб — свобода». О каком мире говорит Ленин, каким путем он обещает раздобыть хлеб, кому он имеет в виду дать свободу, — все эти вопросы, очевидно, были совершенно неизвестны Людендорфу или же казались ему пустыми бреднями. И Людендорф сделал ошибку, поверив нашептываниям Парвуса.¹⁴ Я привожу ниже содержание прочитанного Лениным в марте 1916 года доклада о задачах Российской

социал-демократической рабочей партии в русской революции по отчету, помещенному в цюрихском партийном органе левого крыла «Народное право» 15 от 18–31 марта года: «Ленин о русской революции»[2]

По поводу этого реферата один присутствовавший меньшевик-интернационалист обронил следующую фразу: «Политическая линия Ленина ведет в безвоздушное пространство». А между тем никто из вождей остальных циммервальдских партий не дал, даже в отдаленной степени, столь ясной картины положения России и столь ясной политической программы, как Ленин.

Точно так же прощальное письмо Ленина к швейцарским рабочим совершенно выходило из обычных рамок. Ни один документ, исходящий из других эмигрантских групп, не может быть поставлен в один ряд с ним.

Привожу ниже полностью текст прощального письма Ленина к швейцарским рабочим [3]; письмо помечено 8 апреля (нов. ст.) 1917 года и написано Лениным накануне отъезда; оно было напечатано по поручению отъезжавших товарищей — членов Российской социал-демократической рабочей партии, объединяемых Центральным Комитетом партии.

Эту программу развивал не какой-нибудь фантазер, а человек, руководящий партией в течение нескольких десятков лет, человек, обладающий революционной энергией, подобной которой не было ни у одного из современников. Было бы поэтому чрезвычайно интересно знать, что, собственно, могло побудить немецкий генеральный штаб разрешить этому революционеру проезд через Германию Людендорф, конечно, мечтал найти в Ленине помощника для своей политики. Он, должно быть, надеялся, что — после победы над Антантой — бу-

дет легко в нужную минуту справиться с этим восточным великаном. Из этого отнюдь не следует, что Людендорфа можно упрекнуть в том, что он заранее не предвидел, что пролетариат под руководством Ленина сумеет в земледельческой России захватить власть, сумеет настолько укрепить свои позиции, что он и по сей день более прочно, чем кто-либо, держит власть в своих руках. И многим другим смертным не хватало в то время зоркости для подобного предвидения.

Вернемся, однако, к официальной стороне истории поездки Ленина. Часто приходится слышать ошибочное мнение, будто ходатайствовал о разрешении на проезд через Германию и получил его сам Ленин или его доверенное лицо — Платтен.

Поездка Ленина была результатом стараний всех проживавших в Швейцарии русских эмигрантов, за исключением социал-патриотов. Я привожу здесь полностью документ того времени[4] для того, чтобы подтвердить высказанные соображения и доказать, что Ленин совершенно не вел никаких переговоров с германскими властями по основному вопросу, — дает ли германское правительство или нет согласие на проезд. Документ категорически говорит, что разрешение было исходатайствовано Робертом Гриммом от имени образовавшегося комитета эмигрантов по возвращению в Россию. В тот момент, когда автор этой статьи выступил в качестве доверенного лица Ленина по делу поездки, вопрос шел уже только об урегулировании чисто технических деталей. Своевременный разрыв Ленина с Робертом Гриммом снимает с большевиков всякую ответственность за все позднейшие действия Гримма.

1. ШАГИ, ПРЕДПРИНЯТЫЕ РУССКОЙ ГРУППОЙ ПРОЖИВАВШИХ В ШВЕЙЦАРИИ ЭМИГРАНТОВ-ЦИММЕРВАЛЬДИСТ ОВ С ЦЕЛЬЮ ВЕРНУТЬСЯ НА РОДИНУ

Познакомившись с протоколом правления Швейцарской социал-демократической партии и с докладом Центрального комитета по организации возвращения на родину русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии, мы сможем составить себе ясное представление о позиции, занятой в этом вопросе русскими эмигрантами в Швейцарии. И в этой позиции опять отчетливо выступает одна черта, а именно то, что небольшевистские партии проявляют все свое политическое умение главным образом в осторожности и возможно нерешительном отношении ко всем подымавшимся вопросам.

Извлечение из протокола заседания правления Швейцарской социал-демократической партии 30 апреля 1917 г. [5]

На заседании правления — в составе: Клёти (председатель), Платтена (секретарь), Фендриха (секретарь), Пфлюгера, Робман и Фогеля — было доложено о ходатайстве комитета русских эмигрантов по возвращению в Россию. На заседании присутствовали — в качестве представителей Центрального комитета по возвращению на родину

проживающих в Швейцарии русских политических эмигрантов — товарищи Семковский и Мартынов.

От имени этого ЦК председатель комитета Семковский доложил следующее:

1. В ЦК входят представители:

а) организаций русских эмигрантов в Женеве, Лозанне, Берне, Цюрихе, Базеле, Кларане, Шо-де-Фоне, Давосе и в других местах;

б) правлений всех организаций помощи русским политическим заключенным и ссыльным;

в) заграничных центральных органов различных русских политических партий: Организационного комитета Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевистская фракция); Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии (фракция большевиков); представители партии социалистов-революционеров; группы интернационалистов, представленной в Циммервальде Бобровым (Натансоном); Бунда 16, фракции «Наше слово» 17 (направление Троцкого — Рязанова); фракции «Вперед» 18 (направление Луначарского); Польской социалистической партии (Левицы, представленной в Циммервальде Лапинским); польской социал-демократии (оба течения) 19; латышских социал-демократов 20, еврейских социалистов-территориалистов 21; полей-сионистов 22; анархистов-коммунистов 23.

Не входят в упомянутый ЦК только социал-патриоты, которые образовали отдельную организацию.

ЦК объединяет 560 эмигрантов, социал-патриотическая отдельная организация насчитывает 160 эмигрантов (Эти цифры даны официально обеими организациями.) ЦК представляет, таким образом, значительное большинство русских эмигрантов в Швейцарии и охватывает все партийные направления, стоящие на почве Циммервальда. Возвращение русских эмигрантов из Швейцарии в Россию представляется делом крайне неотложным. Оно имеет огромное историческое значение, так как среди 500 эмигрантов находятся самые выдающиеся идейные вожди всех революционных российских партий, ведущих борьбу за мир и за восстановление пролетарского Интернационала. Прошло почти два месяца с момента объявления амнистии 24, а до сих пор путь для возвращения в Россию остается закрытым для эмигрантов. До сих пор через Францию и Англию могли, за малым исключением, пробраться в Россию только шовинистические антантовские социалисты, как Плеханов и 40 его единомышленников. Чтобы обеспечить безопасность переезда, им были предоставлены правительствами Антанты в качестве транспортных средств крейсера и миноноски. Однако для огромного большинства эмигрантов подобное путешествие было бы невозможным, даже если бы им были предложены для переезда такие же транспортные средства. Главнейшим препятствием для интернационалистов-циммервальдистов служит то, что все они без исключения фигурируют в специальных, так называемых черных,

списках, ведущихся антантовскими правительствами. Случай с социал-патриотом, депутатом 2-й Думы Зурабовым ярко свидетельствует о том, с какими трудностями пришлось бы встретиться интернационалистам.²⁵ Даже если бы они совсем не вступили на французскую или английскую территорию (Зурабов ехал из Копенгагена прямо на Петроград, но русская граница находилась под английским военным контролем), все-таки возможность въезда в Россию не была бы обеспечена. После случая с Троцким со стороны интернационалистов было бы попросту бессмыслицей пытаться ехать через Францию и Англию или вообще возлагать на это какие-либо надежды. Следует еще упомянуть, что наши товарищи Карпович и Браун вынуждены были при поездке из Англии — в отличие от Плеханова — воспользоваться частным, не нейтральным коммерческим судном и без сопровождения военного корабля. Пароход был пущен ко дну. Вообще, интернационалисты, занесенные в черные списки, не могли до сих пор покинуть Англию. Официальное обещание пересмотреть списки отнюдь не служит гарантией того, что это действительно будет сделано в ближайшем будущем. Ввиду такого положения ЦК 5 апреля 1917 года [6] отправил следующую телеграмму Совету рабочих депутатов в Петрограде, министру юстиции Керенскому и комитету Веры Фигнер²⁶ (эта телеграмма была подписка также представителем социал-патриотов):

«ЦК по возвращению на родину русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии, представляющий всю политическую эмиграцию без различия партий и направлений, обращает ваше

внимание на тот факт, что огромному большинству эмигрантской массы, находящейся в Англии и Франции, и ни одному из проживающих в Швейцарии эмигрантов до сих пор не удалось поехать в Россию. Все это указывает на то, что возвращение политических эмигрантов через Англию и Францию встречает непреодолимые препятствия. Проходят месяцы — и политическая амнистия превращается для нас в фикцию. При таких условиях единственный, по нашему убеждению, реальный путь — это заключение соглашения между Россией и Германией по образцу практиковавшегося уже во время войны обмена интернированными гражданами. Согласно этому русским эмигрантам, при условии освобождения известного количества интернированных в России немцев, должна быть предоставлена возможность переезда в Скандинавию через Германию. Мы настоятельно просим вас немедленно предпринять шаги в этом направлении. Не давайте делу затянуться из-за формальных обещаний. Если вам не удастся провести это предложение, то политическая эмиграция и в дальнейшем будет фактически лишена возможности действовать в России в самый важный период революции. Все еще отрезанные от товарищей в России, ждем скорейшего ответа.

Исполнительный комитет. Кэте Адлер, Андроников, Багоцкий, Балабанова, Болотин, Иоффе, Феликс Кон, Мандельберг — депутат 2-й Думы, проф. Рейхесберг, Семковский, Ульянов (Ленин), Устинов, Фраткин».

Одновременно это предложение было передано по телеграфу представителям партий за подписью Аксельрода, Абрамовича, Астрова, Луначарского, Мартова, Мартынова, Натансона, Рязанова, Семковского и Устинова.

После того как из Петрограда долгое время не было ответа (очевидно, русское правительство задерживало телеграммы в адрес Совета рабочих депутатов), ЦК решился обратиться к товарищу Гриму с просьбой поехать, по поручению ЦК, в Петроград и сделать устный доклад Совету рабочих депутатов, министру юстиции Керенскому и комитету Веры Фигнер по вопросу об обмене эмигрантов на интернированных пленных. Однако товарищу Гриму до сих пор не удалось попасть в Петроград. Одновременно с этим Центральный комитет и отдельные партийные группы предпринимали ряд дальнейших попыток в том же направлении. 19 апреля заграничный секретариат Организационного комитета Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевиков) получил известие, что можно непосредственно сноситься с Советом рабочих депутатов. Тотчас же Организационный комитет РСДРП послал следующую телеграмму:

«Положение наше стало невыносимым. В то время как Плеханову, Кашину и другим лицам, служащим делу империализма и поддерживающим либералов против социалистов, предоставляется возможность поездки в Россию, — нам в ней отказывают. Протестуем против этого Мы твердо решили не терпеть дальше такого неравенства и добиться применения амнистии ко всем. Две недели тому назад

мы сделали вашему товарищу председателя— Керенскому определенное предложение. Если он не хочет провести в жизнь наш проект обмена эмигрантов на немецких интернированных граждан, — что представляется единственно возможным разрешением нашего вопроса, — то мы считаем себя вправе искать других путей для того, чтобы пробраться в Россию, занять место в ваших рядах и принять участие в борьбе за дело международного социализма. Мы говорим от имени сотен эмигрантов, старых борцов, и требуем от вас опубликования в печати этой телеграммы. Прошу телеграфного ответа.

За заграничный секретариат Организационного комитета РСДРП — Мартов».

21 апреля ЦК по возвращению русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии, получил следующую телеграмму из Петрограда: «В ответ на вашу телеграмму, адресованную Чхеидзе, Керенскому и Вере Фигнер, касательно возвращения эмигрантов через Германию, считаем проезд через Германию в обмен на немецких интернированных граждан невозможным. Мы телеграфно обратились в Лондон и Париж с просьбой пропустить всех эмигрантов без различия политических взглядов и оказать всяческое содействие, дабы дать им возможность поскорее вернуться. Милюков № 7952».

Однако одновременно с этим ЦК получил от русского эмигрантского комитета в Стокгольме следующую телеграмму:

«Прибывший 20 апреля в Стокгольм из Америки пароходом «Христиан-Фиорд» политический эмигрант сообщает, что в Галифаксе задержаны: Троцкий, Чудновский, Мельничанский, Днепровский, Мухин и Романенко. От имени нашего комитета телеграфировали Фигнер и Совету рабочих депутатов. — Романенко».

На это ЦК послал Совету рабочих и солдатских депутатов в Петроград следующую телеграмму: «В ответ на телеграмму, посланную нами 5 апреля Чхеидзе, Керенскому и Фигнер, получили телеграмму от Милюкова, в которой он официально отклоняет наше предложение обменять русских политических эмигрантов на немецких интернированных граждан. Отклонение нашего предложения ничем не обосновано. Мотивировать отказ невозможно, так как подобного рода обмен с Германией за время настоящей войны не раз имел место. Для большого числа эмигрантов проезд через Англию и Францию в течение еще долгого времени будет вещь совершенно невозможной. Милюков сам, по официальному сообщению Петроградского телеграфного агентства, признал, что путешествие через Норвегию крайне затруднительно, что заставляет эмигрантов дожидаться в Англии какого-нибудь более или менее благоприятного случая для того, чтобы продолжать путь. При такой ограниченной возможности пользоваться морским путем и при наличии большого числа русских эмигрантов и

военнообязанных, ждущих в Англии случая, чтобы пуститься в путь, — ясно, что проживающие в Швейцарии эмигранты сумеют добраться в Россию этим путем лишь по истечении многих месяцев. Кроме того, Милюков официально признал наличие черных списков, куда щедро вносятся те русские политические эмигранты, которые не идут навстречу желаниям империалистических правительств Франции и Англии. Обещанию Милюкова добиться от этих правительств пересмотра черных списков эмигранты не могут придавать никакого значения, так как на основании своего горького опыта они не могут питать никакого доверия к отношению союзных правительств к русским политическим эмигрантам. Эмигранты поэтому имеют полное основание опасаться, что французские и английские власти, для вида разрешив проезд нескольким эмигрантам-интернационалистам, задержат под предлогом чисто технических затруднений громадное большинство эмигрантской массы, принадлежащее, как известно, к противникам ныне происходящей человеческой бойни. Полную обоснованность этих опасений обнаруживает, между прочим, случай с Зурабовым, а также в последние дни произведенный английскими властями арест в Галифаксе известных русских эмигрантов. Троцкого, Чудновского, Мельничанского, Днепровского, Мухина и др., пожелавших на норвежских пароходах вернуться из Америки в Россию. При наличии всех этих обстоятельств ответ Милюкова является настоящим издевательством над политическими эмигрантами.

Перед лицом революционного народа мы с негодованием протестуем против очевидного затяги-

вания проведения в жизнь амнистии — этого завоевания революции, и заявляем о нашем твердом решении добиться возможности снова занять свое старое место в революционных рядах, дабы исполнить свой долг перед народом и революцией.

ЦК, состоящий из представителей эмигрантских организаций Женевы, Лозанны, Цюриха, Берна, Кларана, Шо-де-Фона и других городов, представителей комитета Веры Фигнер и других организаций помощи русским политическим заключенным и ссыльным, а также из делегатов от заграничных представительств Организационного и Центрального комитетов Российских социал-демократических рабочих партий, партии социалистов-революционеров (интернационалистов), Бунда, «Нашего слова», группы «Вперед», анархистов-коммунистов, социал-демократии Польши и Литвы, польской социалистической партии (Левица), еврейских социалистов-территориалистов и Поалей-Цион. По поручению Центрального комитета председатель Семковский. Секретарь Багоцкий».

Ссылаясь на эти документы, я, Семковский, заявляю:

«Мы, эмигранты, поставлены перед альтернативой. либо помириться с фактом, что амнистия для швейцарской эмиграции — фикция, или же, вопреки заговору либеральной контрреволюции в России, отстаивать наше священнейшее право — в решающий момент революции быть в революционных рядах и действовать в России в духе Циммервальда. Когда товарищ Ленин решил поехать через Герма-

нию [7], все остальные представители партийных группировок интернационалистического направления были против этой поездки, которую они считали политической ошибкой постольку, поскольку Ленин предварительно воочию не показал широкому общественному мнению, что нет абсолютно никакой возможности выбрать другой путь. Однако после того, как мы тщетно испробовали все возможные пути, мы можем теперь [8] ехать в Россию тем же путем, уже не в качестве обвиняемых, а в качестве обвинителей. Тем более что Совет рабочих депутатов и даже часть буржуазной печати выразили свои протесты против махинаций Англии по отношению к русским эмигрантам (особенно по поводу ареста Троцкого). Пропуск через Германию не связан принципиально ни с какими политическими условиями. Нас абсолютно не касается, какие мотивы будут руководить при этом немецким империализмом, так как мы ведем и будем вести борьбу за мир, само собою разумеется, не в интересах немецкого империализма, а в духе интернационального социализма. Мы фактически находимся в положении пленных. Как нет ничего политического в том, что пленные пытаются через посредство какой-нибудь нейтральной организации, например через Красный Крест, добиться пропуска через какую-нибудь воюющую страну, точно так же лишено политического характера наше стремление получить при посредстве нейтральных швейцарских товарищей пропуск через Германию. Условия проезда Ленина, опубликованные Платтенем в «Народном праве», содержат в себе все нужные гарантии [9]. Без таких гарантий подобная поездка была бы недопу-

стима с точки зрения интернациональных социалистов. Конечно, нам придется считаться с шовинистической демагогией. Но выше этих соображений должен стоять наш долг — принять участие в борьбе за революцию в качестве социалистов-интернационалистов. Надеемся, что наши швейцарские товарищи поймут наше положение.

Мы обращаемся к правлению партии с просьбой предоставить товарищам Римате или Фогелю отпуск для того, чтобы кто-нибудь из них, в качестве подданного нейтральной страны, организовал наш проезд через Германию и сопровождал нас в пути до Стокгольма. Мы просим, кроме того, чтобы в протокол заседания правления Швейцарской социал-демократической партии были включены следующие резолюции:

1. ЦК по возвращению русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии, охватывает огромное большинство русских эмигрантов, притом самого различного партийного направления, а также значительное количество беспартийных, в то время как вышедшая из состава ЦК группа «русских эмигрантов, стоящих на почве национальной обороны», представляет лишь те немногочисленные элементы, чья политика продолжения войны «до победного конца» обособила их от огромного большинства эмигрантов. Согласно официальным данным, приведенным обеими этими организациями, ЦК насчитывает 564 эмигранта, тогда как обособившаяся организация «социал-патриотов» объединяет всего 166 эмигрантов.

2. Товарищ Гримм, само собою разумеется, был уполномочен ЦК, а не той обособившейся организацией, которой правительства Антанты не делают никаких препятствий при возвращении на родину, предпринять поездку в Петроград для того, чтобы, ввиду трудностей письменного и телеграфного сношения, лично передать Совету рабочих депутатов, а также министру юстиции Керенскому и комитету Веры Фигнер настроения огромного большинства проживающих в Швейцарии эмигрантов. Ввиду того что товарищ Гримм предпринял это путешествие в Петроград не по собственной инициативе, а по поручению самих русских эмигрантов, не может быть вообще и речи о каком-то «бестактном вмешательстве». Следует еще прибавить, что русское посольство в Берне накануне отъезда товарища Гримма было официально поставлено в известность Центральным комитетом о его миссии.

3. Уже после отъезда Р Гримма ЦК получил от министра иностранных дел Милюкова ответную телеграмму, в которой без всякой мотивировки отклоняется предложение ЦК обменять эмигрантов на интернированных в России немецких граждан. В то же время официально подтверждается существование черных списков. Факт ареста известных русских эмигрантов, намеревавшихся вернуться из Америки в Россию на норвежских пароходах, показывает как нельзя более ясно, что возвращение на родину через Англию и Францию для огромного большинства эмигрантов, борющихся за мир, представляется делом невозможным. Эмигранты, конечно, ни за что не захотят примириться с затягиванием осуществления завоеванной революцией амнистии. Невзи-

рая на науськиванья шовинистов, они не потерпят, чтобы их лишили священного права занять старое место в рядах революционных борцов и тем самым исполнить свой высший долг перед народом и революцией.

ЦК по возвращению русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии.

По поручению ЦК, председатель Семковский.

Секретарь Багоцкий».

Протокол этот датирован 30 апреля 1917 года (новый стиль).

Еще 9 апреля 1917 г [10] Ленин уехал из Цюриха и 17 апреля прибыл в Петроград[11] Хотя к этому времени уже выяснилось, что оставшимся эмигрантам тоже не остается никакого другого пути и что, хорошо ли, плохо ли, им придется последовать примеру Ленина, — поездка последнего рассматривалась как «политическая ошибка», и это только потому, что не была доказана абсолютная невозможность добиться от милюковского империалистического правительства согласия на поездку. Не напоминает ли эта политическая позиция меньшевиков пресловутой, ставшей крылатой, фразы о «верноподданнейшей оппозиции его величества»?

Для того чтобы иметь право выступить перед русской буржуазией не «в роли обвиняемых, а в роли обвинителей», эти «влиятельнейшие старейшие вожди Российской социал-демократической рабочей партии» сами готовы были лишиться себя в продолжение больше чем ме-

сяца «своего священного права занять место в рядах революционных борцов и тем самым выполнить свой высший долг перед народом и революцией».

По сравнению с этим героизмом высшей марки кажется смешным харакири какого-нибудь приговоренного судом к смертной казни китайца.

Они решительно ничего не имели возразить против условий, на которых Ленин совершил свою поездку. Но они оценивали как смертный политический грех то, что он не мог сдержать себя и ждать, пока ему будет дана возможность выступить «в качестве обвинителя». Имеющееся в протоколе заявление меньшевиков о том, что они осуждают поездку Ленина, не есть просто неудачный оборот речи, а представляет собой серьезный протест. Я прихожу к такому заключению на основании сделанных мною в то время заметок, имеющих у меня еще сейчас под руками.

Когда я получил разрешение перевезти в Россию первую партию эмигрантов в 60 человек, то созданный для этой цели ленинский комитет по организации поездки известил об этом Мартова и просил сообщить число едущих с ним товарищей. Мартов поведал нам, что они (меньшевики) считают себя связанными принятым решением. Они не поедут, так как предполагают, что русское правительство предпримет меры, чтобы добиться обмена пленными.

С формальной стороны Мартов возражал, указывая на отсутствие подписи немецкого посланника на представленном Платтенем документе, содержавшем условия переезда.

Протокол заседания правления Швейцарской социал-демократической партии в дальнейшем отмечает при-

нятие к сведению поручения, взятого на себя товарищем Гримом. Я еще вернусь в особой главе к делу Грима.

2. САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЛЕНИНА В ДЕЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ. ПРОЖИВАЮЩИХ В ШВЕЙЦАРИИ

По инициативе Радека швейцарский корреспондент «Франкфуртер Цейтунг» 27 попытался выяснить в немецком посольстве в Берне, как отнесутся немецкие власти к возвращению русских эмигрантов через Германию. Получил ответ, что власти готовы по этому поводу вступить в переговоры. Так как дело касалось всех стоявших на почве Циммервальда эмигрантов, то по этому делу выступил Центральный комитет по возвращению на родину русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии.

Так как непосредственные сношения эмигрантов с немецкими властями были признаны нежелательными, то решено было поручить ведение переговоров товарищу Гримму — председателю циммервальдского комитета 28

Уже в первых числах апреля было достигнуто принципиальное соглашение. В силу занимаемой им фракционной позиции, Гримм принял во внимание желание меньшевиков отсрочить окончательное решение до получения согласия Милюкова. Ленин возмутился таким саботажем. Медлительный темп переговоров создал в Ленине убеждение, что тут кроются какие-то влияния и что можно, пожалуй, заподозрить наличие тенденций, отнюдь не отвечающих его целям. Он решился расследовать дело через свое доверенное лицо.

Однажды, в 11 часов утра, мне позвонили по телефону в секретариат партии и попросили быть в половине второго для беседы с товарищем Лениным в помещении рабочего клуба «Эйнтрахт». Я застал там небольшую компанию товарищей за обедом. Ленин, Радек, Мюнценберг и я отправились для конфиденциальной беседы в комнату правления, и там товарищ Ленин обратился ко мне с вопросом, согласился бы я быть их доверенным лицом в деле организации поездки и сопровождать их при проезде через Германию. После короткого размышления я ответил утвердительно. Как перед Лениным, так и передо мною возникал вопрос о политическом значении этого шага. У меня возникло сомнение, смогу ли я оказать Ленину эту партийную услугу, не отказавшись от своей должности секретаря Швейцарской социал-демократической партии. Я должен был задать себе вопрос, не будет ли благодаря этой поездке моя дальнейшая партийная деятельность значительно затруднена. Я глубоко сознавал, что мой долг — оказать всяческое содействие возвращению в Россию моих политических друзей. Отбросив всякие колебания, я решился взять на себя эту роль доверенного лица. Еще в тот же день после обеда мы с трехчасовым поездом поехали в Берн, предварительно сговорившись по телефону с Гриммом, которого я просил прийти для переговоров в Бернский народный дом.

Объяснение с Гриммом было короткое и решительное. Разговаривали стоя в Народном доме в Берне. Гримм заявил, что он считает вмешательство Платтена нежелательным. Хотя Фриц и искренний революционер, однако плохой дипломат. А это, в связи с могущими возникнуть вопросами, чревато осложнениями. Это заявление еще более усилило в Ленине прежнее недоверие, и мы оба заявили, что завтра я буду просить аудиенцию у Ром-

берга и что, в случае отказа в аудиенции, мы должны будем заключить, что имеется основание сомневаться в миссии Гримма. Роберт Гримм ничего не предпринял против задуманного нами шага, и министр Ромберг принял меня для переговоров по делу о переезде русских эмигрантов, проживающих в Швейцарии.

В комнате Ленина, в номерах при Народном доме в Берне, вопрос о поездке подвергся основательному и детальному обсуждению.

Так как не имелось в виду, да и не было оснований для того, чтобы я выступал в роли уполномоченного по ведению переговоров наряду с Гриммом или даже вместе с ним (Гримм был выбран всем комитетом), то надлежало выяснить, в качестве чьего представителя я буду вести переговоры. Хотя в принципе немецкие власти не должны были знать имен уезжающих эмигрантов, Ленин уполномочил меня заявить, что первая партия поедет во главе с Лениным и Зиновьевым и что мне поручено вести переговоры по этому делу и сопровождать уезжающих.

Мы не были осведомлены насчет того, в какой плоскости велись переговоры Гриммом. Необходимо было поэтому формулировать те условия, на которых должен был совершиться в случае разрешения наш проезд.

В результате нашего совещания я, по поручению Ленина и Зиновьева, на другой день представил министру Ромбергу следующие условия[12], на которых эмигранты согласны совершить переезд:

«1 Я, Фриц Платтен, руковожу за своей полной личной ответственностью переездом через Германию вагона с политическими эмигрантами и легальными лицами, желающими поехать в Россию.

2 Вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности.

3 Ни при въезде в Германию, ни при выезде из нее не должна происходить проверка паспортов или личностей.

4 К поездке допускаются лица совершенно независимо от их политического направления и взглядов на войну и мир.

5. Платтен приобретает для уезжающих нужные железнодорожные билеты по нормальному тарифу.

6. Поездка должна происходить по возможности безостановочно в беспересадочных поездах Не должны иметь места ни распоряжение о выходе из вагона, ни выход из него по собственной инициативе Не должно быть перерывов при проезде без технической надобности.

7. Разрешение на проезд дается на основе обмена уезжающих на немецких и австрийских пленных и интернированных в России Посредник и едущие обязуются агитировать в России, особенно среди рабочих, с целью проведения этого обмена в жизнь.

8 Возможно кратчайший срок переезда от швейцарской границы до шведской, равно как технические детали должны быть немедленно согласованы.

Берн — Цюрих, 4 апреля 1917 года

Подпись: Фриц Платтен»

Особенные трудности вызывала редакция первого пункта. На вопрос о том, с кем я еду, нужно было ответить в описательной форме. Самое простое было бы сказать- «с русскими политическими эмигрантами». Ленин, однако, очень серьезно настаивал на поездке с нами Радека, а Радек — поляк и имел польский паспорт. Я решительно ничего не имел против его поездки, но настаивал, однако, на том, чтобы считать подписанные мною условия для себя совершенно обязательными и ни при каких обстоятельствах не допускать нарушения соглашения. Случай с Радеком был особенно щекотливым. Немцы к Радеку относились плохо, ведь он не раз поплеывал в суп немецким, а равно и антантовским империалистам. Мы согласились на редакции — «политические эмигранты и легальные лица». В случае, если она будет принята, мы сможем взять с собою Радека, а иначе — нет.²⁹ Я стремился к тому, чтобы с нашей стороны строго соблюдались принятые нами условия, дабы иметь право решительно восставать против возможных покушений с другой стороны. Министр Ромберг не обратил внимания, что выражение «русские политические эмигранты» отсутствует, но выразил недоумение по поводу слова «легальные» и просил объяснения. Я ему указал, что не у всех отсутствуют паспорта, мы же хотим иметь право взять с собой и тех, кто, строго говоря, не является эмигрантом.

Ультимативный характер имел второй пункт условий соглашения. Наша коллегия [13] прекрасно знала, что проезд, при каких бы условиях он ни совершился, произведет повсюду огромное впечатление. Можно было заранее предугадать, что сторонники Антанты инсценируют бешеную клеветническую кампанию. Поэтому тем боль-

шее внимание надо было обратить на то, чтобы избежать какого-либо контакта между немцами и проезжающими эмигрантами. Благодаря признанию за проезжающими эмигрантами права экстерриториальности, создавалась чрезвычайно прочная защита против нежелательных инцидентов и был фактически устранен нежелательный контакт с немецкими гражданами.

Пункт 6-й должен рассматриваться как предупредительная мера против немцев. При выходе путешественников в Заснице [14] они были так же внимательно пересчитаны, как в Готмадингене; число их оставалось равным 3230. Только в Стокгольме партия уменьшилась, так как Радек остался здесь для того, чтобы вместе с нашим покойным товарищем Воровским и тов. Ганецким взять на себя обязанности заграничного представительства русской большевистской партии.

Кроме вопроса о том, что мы подразумеваем под выражением «легальные лица», все выставленные условия не вызвали возражений, и на них было дано молчаливое согласие.

Господин Ромберг указал только на то, что в дипломатическом мире не принято, чтобы частные лица диктовали правительству какого-нибудь государства условия переезда через его страну. Он заметил, что подобная позиция уезжающих может затормозить разрешение на поездку.

Я возразил, что уезжающие находятся в совершенно исключительном положении и что я имею поручение сообщить г-ну Ромбергу, что эмигранты лишены будут возможности предпринять путешествие, если будет внесено какое-либо изменение или будет аннулирован какой-либо из пунктов. Г-н Ромберг обещал телеграфировать в Бер-

лин в благоприятном тоне Через два дня последовало безоговорочное согласие. Хотя теперь первый пункт соглашения и узаконивал участие Радека в поездке, но впоследствии было найдено более целесообразным посоветовать Радеку сесть в наш вагон только в Шафхаузене.

Сообщая о решении Берлина, г-н Ромберг известил меня о том, что в Штутгарте к нам в поезд сядет г-н Янсон, представитель Генеральной комиссии немецких профессиональных союзов. Согласно данным мне полномочиям, я заявил, что присутствие его в нашем вагоне несовместимо со 2-м пунктом соглашения. Г-н Ромберг предложил мне не делать принципиального вопроса из этого, так как это повлечет за собой новый запрос в Берлин и придется отменить уже отданные железнодорожному управлению распоряжения. Я смолчал. Для сведения моего мне было сообщено, что максимально могут ехать 60 человек и что в Готмадингене стоят готовыми два пассажирских вагона II класса. Я просил изменить распоряжение, ссылаясь на то, что имеющиеся для поездки денежные средства диктуют необходимость пользоваться вагонами III класса.

К концу аудиенции г-н Ромберг спросил меня, как я представляю себе начало мирных переговоров. На меня этот вопрос произвел тягостное впечатление, и я ответил, что мой мандат уполномочивает меня исключительно на регулирование чисто технических вопросов и что я на его вопрос не могу дать никакого ответа. Г-н Ромберг заметил, что в этом отношении г-н Гримм держится совершенно определенных взглядов. Я промолчал и раскланялся. О каждом своем разговоре я всегда давал подробный отчет.

Накануне своего отъезда я послал д-ру Клёти следующее письмо:

«Цюрих, 8 апреля 1917 г.

Г-ну д-ру Э. Клёти, председателю Швейцарской социал-демократической партии.

Уважаемый товарищ Клёти! Благодарю вас за предоставленный мне 3-недельный отпуск и выражаю свою радость, что вы поняли, по каким мотивам я решился предпринять поездку в Россию. Довожу до вашего сведения, что поездка совершается в условиях, исключающих всякую возможность скомпрометирования лиц, участвующих в ней. Сам я решился взять на себя эту миссию потому, что имена Ленина, Зиновьева и других служили для меня достаточной гарантией того, что поездка эта имеет огромное политическое значение. Ленин в течение десятилетий является деятельным членом русской партии, в течение ряда лет он — признанный вождь большевиков, и мое доверие к нему настолько велико, что я взял бы на себя эту миссию, даже если бы это вызвало недоверие ко мне.

Я совершенно отстранил от этого дела швейцарскую партию и рассматриваю взятую на себя миссию как свое частное дело. О моих переговорах в немецком посольстве каждый раз мною делался доклад русскому комитету.

Телеграммой от 6 апреля, 1 час. 35 мин, министр Ромберг сообщил мне следующее.

«Дело улажено в желательном смысле. Отъезд из Готмадингена, по всей вероятности, состоится в субботу вечером. Прошу завтра, в пятницу, в 9 часов утра телефонировать. Ромберг».

Из дальнейших переговоров я узнал, что были поставлены следующие условия переезда 1) максимальное число уезжающих не должно превышать 60 человек, 2) два пассажирских вагона второго класса будут стоять наготове в Готмадингене. Относительно этого пункта я возразил, что мы предпочли бы вагоны третьего класса, так как наших денег хватит только на покупку билетов третьего класса.

Нижеследующее сообщаю конфиденциально, г-н Ромберг сообщил мне, что г-н Янсон, представитель Генеральной комиссии немецких профессиональных союзов, будет сопровождать уезжающих эмигрантов; в ответ на это я разъяснил министру Ромбергу, что никто из едущих не может вступать ни с кем ни в какие переговоры и что я сам ограничиваюсь исключительно сношениями с техническим персоналом. Конечно, пребыванию Янсона в нашем поезде мы не можем помешать. Господин Ромберг сообщил мне в дальнейшем, что член правительства Гофман сделал распоряжение пограничным властям не чинить нам никаких препятствий. По поводу контроля имен г-н Ромберг категорически заявил, что немецкое правительство не имеет в виду получить сведения относительно выезжающих, — эти сведения все равно не будут ему сообщены. Атташе посольства Шюлер передаст партию в Готмадингене офицеру, который примет ее для даль-

нейшего следования. Затем он меня заверил, что на границе при посадке и высадке пассажиров не будет происходить никакого контроля документов, багаж без проверки будет запломбирован и будет обеспечена надежная перевозка.

Эти факты могут служить вам материалом на тот случай, если попытаются втянуть швейцарскую партию в это дело.

К разглашениям касательно члена правительства г-на Гофмана я не имею никакого отношения. Они произошли до того, как я занялся этим делом.

Благодарю вас еще раз за ваше доброе расположение. С лучшими пожеланиями —

Фриц Платтен, секретарь».

День отъезда был назначен немецкими властями на 9 апреля (нового стиля).

Началась лихорадочная работа, 7 апреля были посланы телеграммы Абрамовичу в Шо-де-Фон, различным эмигрантским секциям в Цюрихе, Лозанне, Женеве и т. д. с предложением всем отъезжающим прибыть в Цюрих ночными и утренними поездами 9 апреля.

С своей стороны я должен был сделать последнее распоряжение Цюрихскому потребительскому кооперативу относительно заказа съестных припасов. В виде чрезвычайной льготы нам было разрешено взять с собой продуктов на десять дней. Денег, в которых мы, как о том клеветали враги, утопали, мы совершенно не имели. В последнюю минуту мы не сумели бы выкупить съестные припасы, если бы правление швейцарской партии не от-

крыло нам кредита на 3000 фр. под поручительство Ланга и Платтена.

К 11 часам утра 9 апреля все необходимые приготовления были закончены и Цюрихское вокзальное управление было предупреждено о нашем отъезде. Все уезжающие собрались в ресторане «Церингергоф» за общим скромным обедом. Из-за беспрестанной беготни взад и вперед и непрерывной информации, делаемой Лениным и Зиновьевым, собрание производило впечатление растревоженного муравейника.

Согласно условиям ни образ мыслей, ни партийная принадлежность не могли служить поводом для исключения кандидатов из списка желающих ехать. Страстные споры вызвали, однако, просьбы одного врача — Оскара Блюма (автора книги «Выдающиеся личности русской революции») участвовать в поездке. Его подозревали в том, что он состоял на службе в царской охранке.

Ленин и Зиновьев дали ему понять, что будет лучше, если он откажется от поездки. Хотя в тот момент и не было неопровержимых доказательств и нельзя было, следовательно, с полной уверенностью утверждать, что он шпион, однако налицо был факт, что все партийные комитеты в отношении его принимали меры предосторожности. Его желание — опросить всех едущих — было удовлетворено. 14 голосами против 11 включение его в список уезжающих было отклонено. Однако, согласно информации Шараша (член партии Поалей-Цион и репортер капиталистической «Новой цюрихской газеты»), он тем не менее занял место в приготовленных для нас вагонах. «Вдруг мы увидели, — пишет Шараш, — как Ленин сам схватил этого человека, успевшего пробраться в вагон немного раньше назначенного времени, за воротник

и вывел его с ни с чем несравнимой самоуверенностью обратно на перрон». Я лично не был свидетелем этого происшествия, так как находился в то время на перроне, где со мною сцепился какой-то исступленно жестикулировавший социал-патриот, и я был близок к мысли спустить под вагон этого субъекта. Железнодорожные служащие увели и эту опору Милюкова. На перроне находилась масса народа, главным образом русских; все страстно дискутировали доводы за и против поездки, Ленин же и Зиновьев — как, до, так и во время отхода поезда — совершенно бесстрастно глядели на эти бушующие волны.

3 ПЕРЕЕЗД ЛЕНИНА

Теперь можно считать доказанным, что поездка Ленина в Россию через Германию произвела столь огромное впечатление не потому, что он первый из эмигрантской массы вместе с ближайшими своими соратниками рискнул совершить эту поездку, а потому, что у всех было убеждение, что этот человек с огромной силой воли вмешается в события русской революции. Произведенная поездкой Ленина сенсация, вызванное ею возбуждение находились в резком противоречии с позицией, занятой той же европейской печатью по отношению ко второй партии эмигрантов, хотя при этом через Германию ехало приблизительно 500 русских эмигрантов.

Наша партия состояла из 32 человек. Приведенный в виде приложения к этому очерку документ, представляющий из себя фотографию снимка с подлинника [15], находящегося в Институте Ленина [16] в Москве, был подписан в ресторане «Церингергоф» всеми едущими эмигрантами.

Большинство поехавших с нами эмигрантов завоевали себе в истории революции выдающееся место своим мужеством, энергией, дальновидностью и самоотверженностью, проявленными ими в интересах пролетариата и коммунизма. Из числа ехавших в нашей партии нашел преждевременную смерть зять Феликса Кона тов. Усиевич, погибший на чехословацком фронте. К нашему величайшему горю, смерть слишком рано вырвала из наших рядов также незабвенного товарища Ленина.

Нет никакого сомнения, что лица, участвовавшие в этой поездке, сыграли решающую роль не только в русской, но, можно без преувеличения сказать, и в мировой истории. Кто в Западной Европе в 1917 году осмелился бы предсказать, что эти «голяки» в ободранных костюмах, все пожитки которых можно было увязать в головной платок, сделаются вождями и руководителями страны со 130-миллионным населением? В 1917 году все издевались над этой кучкой фанатиков, стремящихся «осчастливить мир и лишенных всякого чувства действительности».

Путешествие Ленина произошло следующим образом.

Согласно выраженному Лениным и Зиновьевым желанию, Фриц Платтен взял на себя руководство поездкой.

9 апреля 1917 года [17] в половине третьего группа эмигрантов направилась из ресторана «Церингергоф» к цюрихскому вокзалу, нагруженные — по русскому обычаю — подушками, одеялами и пр. пожитками. Согласно расписанию поезд отошел в 3 ч. 10 мин. В Тайнгене происходил швейцарский таможенный досмотр, причем паспорта не проверялись. Ввиду того что взятые с нами

съестные припасы — главным образом шоколад, сахар и пр. — превышали дозволенную властями норму, излишки были отобраны, а пострадавшим было предоставлено право переслать конфискованные съестные припасы родственникам и знакомым в Швейцарии.

На вокзале в Готмадингене нас временно изолировали в зале III кл. Потом мы сели в plombированный пассажирский вагон II–III класса. Дети и женщины заняли мягкие места, мужчины разместились в III классе.

Поездка протекала нормально, к полному удовлетворению едущих. Лишь время от времени причиняли мне хлопоты несколько товарищей — любителей пения. Часть из них не могла удержаться и пела на французском языке Марсельезу, Карманьолу и другие французские песни, не обращая внимания на сопровождавших нас двух офицеров. Во Франкфурте разыгрался инцидент с Радеком, вызванный его «братанием с солдатами». Я, сознаюсь, виноват в том, что допустил немецких солдат войти в вагон. Три наших вагонных двери были запломбированы, четвертая, задняя вагонная дверь, открывалась свободно, так как мне и офицерам было предоставлено право выходить из вагона. Ближайшее к этой свободной двери купе было предоставлено двум сопровождавшим нас офицерам. Проведенная мелом черта на полу коридора отделяла, без нейтральной зоны, территорию, занятую немцами, — с одной стороны, от русской территории — с другой. Г-н фон Планиц строгойше соблюдал инструкции, преподанные ему г-ном Шюлером, атташе немецкого посольства, передавшим в Готмадингене нашу партию для дальнейшего следования обоим офицерам, эти инструкции требовали, чтобы экстерриториальность не была нарушена. Предполагая, что в Франкфурте я не выйду из вагона, оба офицера покинули его. Я последо-

вал их примеру, так как условился встретиться на франкфуртском вокзале с одной своей знакомой. Я купил в буфете пива, газет и попросил нескольких солдат за вознаграждение отнести пиво в вагон, предложив служащему, стоявшему у контроля, пропустить солдат.

Привожу здесь эти подробности только для объяснения инцидента.

Сильнейшим образом взволновала многих ехавших следующая картина. Франкфуртские рабочие и работницы спешили сесть в вагоны дачного поезда. Мимо нашего вагона проходил длинный ряд измученных, усталых людей с потухшим взором, на их лицах не видно было ни малейшей улыбки. Это траурное шествие, как молния, осветило нам положение в Германии и пробудило в сердцах ехавших эмигрантов надежду на то, что уже недалек тот час, когда народные массы в Германии восстанут против господствующих классов.

И действительно, в ноябре 1918 года разразилась революция в Германии, — она пришла поздно, но все-таки пришла.

Я должен напомнить еще об одном обстоятельстве, имевшем важное политическое значение. Оно показывает самым очевидным образом, какого рода отношения существовали между Генеральной комиссией немецких профессиональных союзов и немецким правительством.

Из письма моего к д-ру Клёти от 8 апреля 1917 года видно, что вопрос о «поездке Ленина» был решен немецким правительством и высшим военным командованием не без ведома и, нет сомнения, при поддержке Генеральной комиссии немецких профессиональных союзов. В Штутгарте г-н Янсон сел в наш поезд и просил через ротмистра фон Планица (наш проводник — офицер) разре-

шения переговорить со мною. Мы еще раньше лично знали друг друга. Г-н Янсон заявил мне, что он по поручению Генеральной комиссии немецких профессиональных союзов приветствует едущих эмигрантов и желал бы лично переговорить с товарищами. Я был вынужден заявить ему, что едущие эмигранты желают соблюсти экстерриториальность и отказываются принять кого бы то ни было на немецкой территории. Я готов довести до сведения едущих о нашей беседе и передать ему ответ завтра утром. После этого г-н Янсон удалился в свой вагон.

Мое сообщение вызвало среди едущих взрыв веселья. После краткого совещания было решено не принимать г-на Янсона и не отвечать на его приветствие. Мне было предложено уклониться от назойливых попыток и в случае их повторения было решено ограждать себя силой.

На другой день утром я поблагодарил лично от своего имени г-на Янсона за приветствие, так как едущие отказались из политических соображений отвечать на такое. Я просил его удовольствоваться состоявшейся между нами беседой. Г-н Янсон удовлетворил мое желание и удалился.

Само собою понятно, что я с своей стороны соблюдал необходимую сдержанность. Крайне комичными являются слухи о том, будто Ленин вел переговоры с Бетман-Гольвегом и Шейдеманом. Все эти лживые сведения распространялись с целью бросить тень на едущих. В отличие от Франкфурта изоляция перрона и охрана на вагона в Берлине, носили очень строгий характер. Мне тоже не было разрешено без конвоя уходить с перрона. Немцы опасались, что мы вступим в сношения с немецкими единомышленниками.

Я хочу еще упомянуть об одной беседе с Лениным на немецкой территории, так как психологически интересно узнать, как в то время Ленин оценивал шансы большевистской партии в русской революции и каков был мой ответ — типичный ответ западноевропейского коммуниста — на поставленный Лениным вопрос. Нужно иметь в виду, что Керенский угрожал возбудить против едущих эмигрантов обвинение в государственной измене и по всем сведениям надо было ожидать, что Ленин и его товарищи встретят в Петрограде, наряду с большим числом стойких друзей, также множество яростных и подлых врагов. Еще будучи в Швейцарии, Ленин знал, что его ожидает; еще до своего отъезда в Россию он созвал на совещание Лорио из Парижа, Гильбо из Женевы, Поля Леви, Вронского и меня для того, чтобы дать нам подписать протокол об условиях поездки и иметь в нашем лице свидетелей [18]

В коридоре вагона шел горячий спор. Вдруг Ленин обратился ко мне с вопросом: «Какого вы мнения, Фриц, о нашей роли в русской революции?» — «Должен сознаться, — ответил я, — что вполне разделяю ваши взгляды на методы и цели революции, но, как борцы, вы представляетесь мне чем-то вроде гладиаторов Древнего Рима, бесстрашно, с гордо поднятой головой выходявших на арену навстречу смерти. Я преклоняюсь перед силой вашей веры в победу». Легкая улыбка скользнула по лицу Ленина, и в ней можно было прочесть глубокую уверенность в близкой победе.

В Заснице мы оставили немецкую территорию; перед этим было проверено число едущих, сняты пломбы с багажного вагона, и состоялась передача багажа. Пассажирский пароход «Треллеборг» доставил нас в Швецию³². Море было беспокойно. Из 32 путешественников не

страдали от качки только 5 человек, в том числе Ленин, Зиновьев и Радек; стоя возле главной мачты, они вели горячий спор. На берегу нас встретил Ганецкий и шведская депутация 33.

В Швеции нам был оказан в высшей степени сердечный прием. На конференции эмигрантов с представителями шведской и норвежской социалистической молодежи нами был сделан подробный доклад о совершенном переезде и были изложены те политические соображения, которые заставили нас ехать через Германию. Шведские товарищи одобрили поездку. Впоследствии мне стала еще более очевидной невозможность вернуться в Россию через Англию и необходимость поездки через Германию, особенно когда я по возвращении в Стокгольм узнал об аресте Троцкого и его товарищей, произведенном английскими властями. Можно смело быть уверенным, что с Лениным и его единомышленниками поступили бы еще хуже.

После десятичасового пребывания в Стокгольме мы продолжали путешествие. В Торнео, на пограничной русской станции, встреча, оказанная эмигрантам местными солдатами, отличалась исключительной теплотой. Солдаты с воодушевлением рассказывали о революционных событиях и восторженно приветствовали вернувшихся эмигрантов. Вскоре меня разлучили с моими спутниками. При прощании мне было заявлено, что в 4 часа они под военным конвоем будут отправлены в Петроград.

Я имел намерение — и того же хотели мои спутники — сопровождать товарищей до Петрограда, но этому воспрепятствовал английский контроль. «Франкфуртская газета» впоследствии сообщала, что я на пограничной станции «решил вернуться обратно», так как погранич-

ные власти не хотели мне гарантировать безопасность в России. По этому поводу мне хотелось бы заметить, что я никогда таких требований не предъявлял ни к какому правительству, а в Торнео со мной произошло следующее: после того как я заполнил обычный опросный лист, я подвергся самому тщательному телесному осмотру, что является процедурой чрезвычайно тягостной. После того как осмотр не дал никаких результатов, между мною и английским пограничным офицером произошел следующий разговор:

«Какие у вас имеются мотивы для поездки в Петроград и Москву?»

«Я еду для того, чтобы поддержать в министерстве свое ходатайство о выплате мне залога, внесенного мною в 1908 г в депозит суда в Риге³⁴, и для того, чтобы по личным делам навестить в Москве родителей своей жены»³⁵

Других мотивов политического характера я не указал, так как было ясно, что это могло бы только затруднить положение эмигрантов. Мое настойчивое требование дать мне возможность ехать в Петроград — вызвало у офицера замечание — «Не советую вам ехать, так как вы ведь опять будете арестованы, как в 1907 и 1908 годах». Я ответил ему, что это обстоятельство не может помешать моему решению ехать, я получил продолжительный отпуск, и его сообщение никоим образом не может меня испугать. После того как английский офицер убедился, что по собственной инициативе я не откажусь от своего намерения и не соглашусь ехать обратно, он категорически заявил, что мне не будет дано разрешения переехать через границу без специального распоряжения из Петрограда и что он вынужден отвезти меня обратно

под конвоем на шведскую границу. Перед отъездом я получил возможность проститься со своими товарищами и обменяться с ними несколькими словами. Ленин предложил из солидарности и по мотивам политической целесообразности настаивать на моей поездке в Петроград и отложить дальнейшее путешествие, пока не получится разрешение на мою поездку. Ленин при этом имел в виду, что я сделаю доклад Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов о переезде. Ведь можно было ожидать, что все приехавшие эмигранты будут арестованы. Однако, не желая служить препятствием для их дальнейшей поездки, я настойчиво просил оставить меня в Швеции. Я дал обещание ожидать в течение 3 дней в Хапаранде [19] и по телеграфному требованию немедленно поехать в Петроград.

Как известно, при приезде в Петроград Ленин и товарищи его не были арестованы. Наоборот, приезд Ленина был отпразднован самым торжественным образом. После прощания меня усадили в сани, и в сопровождении конвоя я был обратно доставлен на шведскую границу.

Я пустился в обратный путь, прождавши три дня в Хапаранде, здесь я напрасно дожидался разрешения на переезд через русскую границу. Я оставался также два дня в Стокгольме, чтобы в случае телеграфного разрешения из Петрограда отправиться в Россию.

Суханов описал, как Ленина встретили в Петрограде. Встреча была достойна Ленина.

4. СТАТЬЯ ГАРДЕНА И РАЗЪЯСНЕНИЕ ЛЕНИНА ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ПОПЫТКИ ПОЛУЧИТЬ ПРОПУСК ЧЕРЕЗ ГЕРМАНИЮ

Мы вряд ли ошибемся, если на основании разоблачения Гардена будем считать, что Парвус играл в этом деле вполне определенную роль и оказывал в качестве эксперта по русским делам известное влияние на немецкое правительство и высшее военное командование в смысле благоприятного разрешения вопроса о пропуске русских революционеров в Россию через Германию. Из приведенной в нашей статье копии протокола ясно видно, что в меньшевистских эмигрантских кругах в Швейцарии делались лихорадочные усилия разузнать, какие средства пускал в ход агент Парвус для того, чтобы добиться скорейшего возвращения в Россию Ленина и Зиновьева. Это дело было окутано тайной. Только немногие посвященные знали о нем. Как только разразилась революция и в среде русских эмигрантов, проживавших в Швейцарии, встал вопрос о возвращении на родину, какой-то субъект с темной репутацией, в качестве компаньона Парвуса, обратился под фальшивым именем к одной цюрихской даме, которая, по его сведениям, была близка к одному большевику, и предложил ей добиться разрешения для нескольких видных революционеров вернуться в Россию через Германию. Товарищ Б., знакомый этой госпожи Д. Зб, вступил в переговоры, о которых он давал знать Ленину. Ленин, страстно стремясь как можно скорее попасть в Россию, даже посоветовал на-

значить вторичное свидание. Во время этого свидания доверенное лицо этого Парвуса осмелилось предложить нужные средства для поездки. Обстоятельство это убедило Ленина, что посредник по этому делу — агент немецкого правительства, и он тотчас резко оборвал все дальнейшие переговоры.

Мое участие в поездке Ленина началось после того, как были прекращены упомянутые переговоры. Я не имел никакого представления о них и выше приведенное сообщение делаю на основании разъяснения Ленина, данного мне в связи со статьей Гардена, появившейся в журнале «Будущее». Разъяснение это было сделано в 1920 году.

Оно вполне совпадает с заявлением товарища Б., который служил посредником между Лениным и упомянутым агентом.

Этот пролог к поездке Ленина дал повод ко всякого рода темным предположениям, слухам и легендам. Эмигрантский комитет в лице председателя его д-ра Рейхесберга пытался — и, конечно, не с дружественными намерениями — расследовать это дело. В сентябре месяце 1917 года, почти накануне Октябрьской революции, я получил приглашение явиться на заседание комитета, где мне задавались вопросы относительно моего участия в переезде Ленина.

Я воспроизвожу здесь протокол этого заседания:

Показания товарища Платтена по поводу его переезда с ленинцами

Дознание от 27 сентября 1917 г. в Стиссигофе в Цюрихе под председательством д-ра Рейхесберга.

Председатель предлагает товарищу Фрицу Платтену рассказать, каким образом и почему он взялся за организацию переезда первой партии эмигрантов через Германию.

Платтен показывает следующее:

Я стал принимать участие в поездке русских эмигрантов лишь после того, как переговоры тов. Гримма с немецким посольством подвинулись настолько вперед, что в принципе поездку можно было считать решенной и оставалось только фиксировать время ее и урегулировать некоторые технические детали. За помощью ко мне обратились потому, что товарищи Ленин, Зиновьев и другие не доверяли больше тов. Гримму, предполагая, что последний затягивает поездку. В последнюю среду марта 1917 г в половине 12-го я был вызван по телефону Радеком, который просил меня срочно прибыть между половиной первого и часом по важному делу в помещение рабочего клуба. Придя туда, я застал в ресторане за круглым столом Радека, Ленина, жену Ленина, Мюнценберга и (этого я не могу с уверенностью утверждать) после совещания в комнате правления — также Зиновьева, Вронского и товарища Зиновьеву. За столом не было речи о поездке, но затем Ленин, Радек, Мюнценберг и Платтен перешли в комнату правления клуба и переговорили там подробно. После короткого колебания Платтен согласился действовать в качестве доверенного лица большевиков и в тот же день, в 3 ч 15 м., поехал вместе с Лениным, Радеком, Зиновьевым, женой Ленина и женой Зиновьева в Берн.

Товарищ Гримм был поставлен в известность, что Платтен получает полномочия доверенного лица уезжающих эмигрантов. Гримм был против этого, возражая, что на партию может пасть политическая ответственность, так как Платтен является секретарем партии и, кроме того, так как он уже дал это поручение одному бернскому товарищу. Вечером, в 9 часов, Гримму было сообщено, что Платтен вступает в исполнение своих обязанностей, в крайнем случае даже против воли Гримма.

Председатель спрашивает- какие мотивы могли побудить Гримма возражать против вмешательства Платтена?

Платтен отвечает: мотив приведен выше, а также может быть и то, что Гримм не хотел иметь рядом с собой предполагаемого политического соперника. Оба эти опасения неосновательны, так как я имел в виду принять на себя указанную миссию в качестве частного лица и в случае необходимости скорее отказаться от секретарских обязанностей, чем от этого дела. Кроме того, мою деятельность надо рассматривать не как соперничество с Гриммом, а как стремление своими скромными силами поддержать революционных борцов.

На вопрос председателя, почему ленинцы вдруг захотели устранить Гримма, Платтен ответил, что у ленинцев создалось впечатление, что Гримм саботирует поездку.

Совместная поездка меньшевиков и большевиков не могла состояться потому, что меньшевики

ожидали согласия на поездку русского министерства или же Совета рабочих депутатов, тогда как большевики заявляли, что революционный долг велит им игнорировать эту формальность.

В посольстве Платтен не вел никаких переговоров политического характера, он заявил там, что пришел урегулировать технические детали поездки, так как принципиальная сторона дела была уже до того разрешена. Немецкий посланник фон Ромберг пытался завязать политический разговор на тему о виновниках войны и т. д., однако Платтен воздержался от высказывания каких-либо определенных мнений. Посольство не выставляло никаких требований. Впрочем, всякие требования были бы отвергнуты. Ссылаюсь на свой отчет о переезде Ленина, помещенный в «Volksrecht» («Народное право»), к которому мне нечего прибавить.

В пути русские не вступали в разговор ни с одним немцем. Представитель Генеральной комиссии профессиональных союзов Янсон пытался вступить в беседу с эмигрантами, однако его попытка была отклонена. Эмигранты заявили, что они отказываются от беседы и не задумаются прибегнуть к насилию в случае повторных попыток. Товарищ Платтен из вежливости не мог буквально передать Янсону ответ эмигрантов, но дал ему понять, что к эмигрантам он не будет допущен. Платтен сообщил эмигрантам о приветствии Янсона, однако он поблагодарил последнего только от себя лично. На вопрос, не объясняется ли отвод Гримма ленинцами тем, что было опубликовано письмо Гримма по делу «Гофман — Гримм» 37, товарищ Платтен ответил,

что это возможно, так как он, Платтен, как раз после этого инцидента был приглашен взять на себя руководство поездкой.

На вопрос, кто первый сделал предложение организовать поездку через Германию, Платтен ответил, что не решается назвать имя, однако прибавил, что идея эта исходила от одного очень влиятельного товарища-меньшевика. Этот товарищ предложил на случай, если бы поездка через Англию оказалась невозможной, попытаться организовать поездку через Германию — Стокгольм на принципе обмена эмигрантов на военнопленных, причем Гримму было поручено наладить переговоры.

Товарищу Платтену был прочитан протокол на русском языке, где упоминается имя Мартова, после чего Платтен подтвердил, что действительно это был именно Мартов. У Платтена имеется перевод протокола этого заседания.

На вопрос, имел ли Бронский какое-нибудь отношение к этой поездке, Платтен ответил, что в той фазе, в которой он перенял это дело, Бронский к поездке никакого отношения не имел.хлопотал ли Бронский раньше по поводу поездки, он не знает.

На случай подготовки вторичной поездки т Ба-лабанова спрашивала Платтена, согласился ли бы он руководить ею. На это Платтен ответил, что готов сделать все, чтобы быть полезным русским политическим эмигрантам. Однако ввиду высказанно-

го опасения, что было бы политически нецелесообразным взять на себя руководство дальнейшими поездками после того, как он руководил поездкой Ленина, для Платтена стало очевидным, что ему следует взять свое предложение обратно. Он предложил товарища Фогеля.

На вопрос, была ли принципиальная сторона поездки уже улажена Гриммом в момент его вмешательства в это дело, Платтен ответил, что, по его мнению, все уже было улажено и оставалось только урегулировать некоторые технические вопросы. В посольстве его спросили, будет ли сообщен список уезжающих, на что Платтен ответил, что согласно решению комитета имена не будут сообщены. Впоследствии посольству были названы согласно разрешению Ленина и Зиновьева имена этих двух товарищей. На вопрос о том, было ли выставлено требование, чтобы возвращались только русские, Платтен указывает, что по его предложению условия русского комитета были так сформулированы, что в них не было прямо указано, что ехать могут одни русские. Если бы такая редакция не прошла, Радек не мог бы ехать.

На вопрос, кто первый предложил Платтену взять на себя руководство делом, он объяснил, что это был Радек, действовавший по поручению Ленина и Зиновьева. При первом свидании присутствовал также Мюнценберг.

В посольстве переговоры велись только по поводу условий поездки, впоследствии опубликованных. Платтен полагает, что Германия потому об

легчила эмигрантам проезд, что немцы были убеждены, что пребывание интернационалистов в России будет им на руку. В эмигрантских кругах смеялись над этим взглядом немецкого правительства, однако считали излишним протестовать против него.

На вопрос, не осталось ли у Платтена впечатления, что кто-нибудь еще раньше или независимо от участников поездки дал немецкому посольству кое-какие обещания, Платтен ответил, что ввиду отсутствия каких-либо данных по этому поводу он, естественно, не может сказать ничего определенного. Однако он вынес впечатление, что это не имело места и что уезжавшие эмигранты отклонили бы всякое требование со стороны немецкого правительства. Он сам в посольстве подчеркнул, что эмигранты не согласятся, чтобы им были предъявлены какие-нибудь новые условия. На вопрос, в чем заключались трудности при поездке и почему до последней минуты не знали, состоится ли она, тов. Платтен высказался в том смысле, что трудности состояли в неуверенности, согласится ли Германия принять строгие русские условия. Ожидались также затруднения со стороны швейцарских властей в отношении проверки багажа, съестных продуктов, а также в отношении проверки паспортов. Платтен указал немецкому посольству на необходимость повлиять на швейцарское правительство в смысле предоставления более льготных условий при проезде. Однако на границе багаж строго проверялся и много съестных продуктов было конфисковано.

На вопрос, предполагал ли он, что кто-либо из русских сносился с немецкими властями, Платтен ответил, что он считает это невозможным; по крайней мере, в отношении тех лиц, с которыми он имел дело, например, в отношении Ленина, Зиновьева, Мартова он готов поручиться головою. Кроме того, он убежден, что в тот момент это было излишним, так как этим делом был занят Гримм. Ответы из Германии получались в посольстве, которое в этих случаях каждый раз приглашало Платтена явиться для переговоров. Ответ был получен в субботу, может быть, в воскресенье.

На вопрос, заданный Платтеном, считает ли себя комитет компетентным для производства подобного рода расследования, был дан утвердительный ответ.

На вопрос Платтена, обращенный к представителю большевиков, имеет ли он сделать какие-нибудь возражения против его показаний, последний ответил отрицательно, добавив, что эти показания послужат к выяснению дела.

Правильность этого протокола засвидетельствована:

Председатель комиссии д-р Рейхесберг.

Свидетель Фриц Платтен

5. ДЕЛО ГРИММА

Дело Гримма может быть поставлено в связь с поездкой Ленина лишь постольку, поскольку эта последняя

была результатом усилий всей русской эмиграции, стоявшей на почве Циммервальда.

Однако я оставляю в стороне это соображение и дам здесь описание этого дела, имея в виду, что имя Гримма и деятельность его неразрывно связаны с историей возвращения в Россию из Швейцарии русских эмигрантов. То обстоятельство, что Ленин давно уже относился скептически к политической деятельности Гримма и порвал с ним всякие отношения еще в тот момент, когда не было налицо определенных данных, свидетельствовавших о том, что Гримм сам нарушил принципы Циммервальда, свидетельствует о глубоком внутреннем чутье Ленина. На конференции в Циммервальде Гримм примыкал не к левому крылу, а к центру. И уже тогда можно было констатировать известный политический разрыв между Лениным и Гриммом.

Для того чтобы сейчас составить себе ясную картину о деле Гримма, сошлюсь еще раз на следующие два места настоящей статьи:

1. На беседу с Гриммом в Бернском народном доме
2. На замечание министра Ромберга относительно Гримма во время моих последних переговоров с ним.

Для освещения этого дела я воспользуюсь отчетом, представленным мною правлению Швейцарской социал-демократической партии. Свой отчет я предлагал правлению включить в общий отчет о деятельности партии. Мое предложение было отклонено, так как вообще имелась тенденция избегать в печати вопросов международной политики.

Во время переговоров, которые Семковский вел с правлением Швейцарской социал-демократической пар-

тии 30 апреля 1917 года, он огласил следующие резолюции комитета эмигрантов:

«1 ЦК по возвращению русских политических эмигрантов, живущих в Швейцарии, объединяет огромное большинство русских эмигрантов, притом самого различного партийного направления, а также значительное количество беспартийных, — в то время как вышедшая из состава ЦК группа «русских эмигрантов, стоящих на почве национальной обороны», представляет лишь те немногочисленные элементы, чья политика продолжения войны «до победного конца» обособила их от огромного большинства эмигрантов. Согласно официальным данным, приведенным обеими этими организациями, ЦК насчитывает 564 эмигранта, тогда как обособившаяся организация «социал-патриотов» объединяет всего 166 эмигрантов.

2. Товарищ Гримм, само собою разумеется, был уполномочен ЦК, а не той обособившейся организацией, которой правительства Антанты не делают никаких препятствий при возвращении на родину, предпринять поездку в Петроград для того, чтобы, ввиду трудностей письменного и телеграфного сношения, лично передать Совету рабочих депутатов, а также министру юстиции Керенскому и комитету Веры Фигнер настроения огромного большинства проживающих в Швейцарии эмигрантов. Ввиду того что тов Гримм предпринял это путешествие в Петроград не по собственной инициативе, а по поручению самих русских эмигрантов, не может быть вообще и речи о каком-то «бестактном вмешательстве». Следует еще прибавить, что русское посоль-

ство в Берне накануне отъезда тов Р Гримма было официально поставлено в известность Центральным комитетом о его миссии.

3. Уже после отъезда Р. Гримма ЦК получил от министра иностранных дел Милюкова ответную телеграмму, в которой без всякой мотивировки отклоняется предложение ЦК обменять эмигрантов на интернированных в России немецких граждан. В то же время официально подтверждается существование черных списков Факт ареста известных русских эмигрантов, намеревавшихся вернуться из Америки в Россию на норвежских пароходах, показывает как нельзя более ясно, что возвращение на родину через Англию и Францию для огромного большинства эмигрантов, борющихся за мир, представляется делом невозможным. Эмигранты, конечно, ни за что не захотят помириться с затягиванием осуществления завоеванной революцией амнистии. Невзирая на науськивания шовинистов, они не потерпят, чтобы их лишили священного права занять старое место в рядах революционных борцов и тем самым исполнить свой высший долг перед народом и революцией..

ЦК по возвращению русских политических эмигрантов, живущих в Швейцарии.

По поручению ЦК: председатель Семковский, секретарь Багоцкий».

Накануне своего отъезда товарищ Гримм прислал на имя председателя Швейцарской социал-демократической партии письмо, которое мы здесь приводим:

«Берн, 17 апреля 1917 г

Правлению Швейцарской социал-демократической партии Цюрих.

Уважаемые товарищи!

19 апреля я собираюсь поехать в Россию через Швецию. Во избежание каких-либо недоразумений считаю нужным поставить вас в известность о моей поездке, равно как и о моей миссии, и указать, что я, само собою, взял на себя поручение отнюдь не в качестве члена правления партии, а как частное лицо, к которому обратились с просьбой об этом. Дело заключается в следующем Вам известно, что русские эмигранты в Швейцарии желают вернуться в Россию. Так как ехать через Францию и Англию могут только те из них, кто является сторонником дальнейшего ведения войны, то часть эмигрантов вынуждена оставаться здесь. Для них открыта дорога только через Германию. Оставшиеся, однако, не хотели бы ехать так, как ехала первая партия, которую сопровождал тов. Платтен. Нужно добиться обмена русских эмигрантов в Швейцарии на немецких пленных в России. Созданный для этой цели комитет обратился ко мне с просьбой доложить об этом русскому министру юстиции Керенскому и Совету рабочих депутатов и на месте принять необходимые предварительные меры по этому обмену. Такова цель моей поездки в Россию, о чем я и хотел сообщить вам в настоящем письме.

В случае, если по поводу цели моей поездки проникнут в печать какие-нибудь ложные сведения, то я уполномочиваю вас использовать это письмо.

Я подчеркиваю еще раз, что моя поездка ни в какой степени не обязывает швейцарскую партию.

С партийным приветом Гримм»

Вторую партию русских эмигрантов, ехавших через Германию, сопровождал товарищ Ганс Фогель. Почти все ехавшие с ним эмигранты были меньшевиками, и они считали неудобным привлечь в качестве руководителя поездки доверенное лицо большевиков. Товарищ Римате, к которому они сначала обратились, отказался из-за состояния здоровья. Правление партии получило официальное сообщение, что товарищ Фогель сопровождает партию эмигрантов до Стокгольма. Поездка товарища Гримма, присоединившегося в Стокгольме ко второй партии эмигрантов, закончилась, благодаря деятельности Гримма в Петрограде, уже известным эпилогом.[20] Мы ограничиваемся здесь воспроизведением некоторых документов. Тов. Гримм, которому приезд в Петроград был разрешен благодаря вмешательству тов. Скобелева и Церетели, постарался там использовать свое влияние как циммервальдиста. Не посоветовавшись предварительно ни с кем из ответственных товарищей, он, под влиянием какого-то странного увлечения, решился послать министру Гофману через швейцарского посланника в Петрограде г-на Одье телеграмму следующего содержания:

«Потребность мира ощущается здесь всеми. Заключение мира становится крайней необходимостью с точки зрения политической, хозяйственной и военной. Это осознано в руководящих кругах. Создает затруднения Франция, тормозит Англия. Сейчас ведутся переговоры, и шансы благоприятны. В ближайшие дни предстоит новый, более сильный нажим в этом направлении. Единственное, что гро-

зит сорвать все переговоры, это возможность немецкого наступления на востоке. Если оно не произойдет, то возможна ликвидация в сравнительно короткое время.

Созванная Советом рабочих депутатов международная конференция является только одним из проявлений мирной политики нового правительства. Считают, что конференция эта состоится наверняка, поскольку правительства не будут чинить препятствий с паспортами. Все страны обещали прислать своих представителей. Уведомьте меня, если возможно, какие известные вам военные цели преследуют правительства, так как благодаря этому могут быть облегчены переговоры. Я останусь в Петрограде еще приблизительно десять дней».

Министр Гофман прислал следующий ответ:

«Министр Гофман уполномочивает вас, Гримма, сделать следующее устное сообщение: со стороны Германии не будет предпринято наступления до тех пор, пока имеются шансы на мирное соглашение с Россией. На основании многократных бесед с влиятельнейшими лицами убежден, что Германия, как и Россия, стремится к почетному миру. В будущем имеется в виду установить тесные торговые и экономические связи и оказать финансовую поддержку для восстановления России. Обещается невмешательство во внутренние дела России, дружественное соглашение относительно Польши, Литвы, Курляндии [21] с учетом их национальных особенностей и возвращение занятых территорий в обмен на занятую Россией австрийскую территорию. Убежден, что Германия и ее союзницы готовы тот-

час же приступить к мирным переговорам. Относительно целей войны, — в отношении Германии могу сослаться на сообщение «Северогерманской всеобщей газеты» («Норд Дейтше Альгемейне Цейтунг») 38, где высказывается принципиальное согласие с Асквитом по вопросу об аннексиях и заявляется, что Германия не стремится ни к расширению своей территории, ни к дальнейшему политическому и экономическому усилению».

Эта телеграмма была расшифрована и попала в руки русского Временного правительства. Социалистические министры Скобелев и Церетели, после переговоров с Гриммом, немедленно одобрили его высылку из России [22]

Когда о действиях Гримма стало известно, общественное мнение пришло в сильное возбуждение не только за границей, но в первую голову и в Швейцарии Социал-демократическая фракция Национального совета опубликовала следующее заявление.

«Социал-демократическая фракция Национального Совета обсудила события, приведшие к высылке Роберта Гримма из России и отставке министра Гофмана.

Она прежде всего констатирует, что Гримм действовал в Петрограде исключительно под своей ответственностью, не сносясь ни с одним из членов социал-демократической фракции.

Фракция поэтому единогласно отклоняет какую-либо ответственность за действия Гримма в Петрограде и осуждает их.

Окончательное суждение по поводу этих действий, поскольку они противоречат социал-демократической точке зрения и точке зрения Гримма до его поездки в Россию, фракция предоставляет вынести соответствующим партийным инстанциям».

Прибыв в Стокгольм, Гримм сложил с себя звание председателя Циммервальдской комиссии. Международная социалистическая комиссия назначила комиссию по расследованию дела. В результате трех заседаний эта комиссия опубликовала следующее сообщение.

«Назначенная Международной социалистической комиссией комиссия по расследованию дел тов Гримма, ознакомившись с телеграммами, которыми обменялись Гримм и Гофман, рассмотрела выдвинутые против Гримма обвинения, выслушала Гримма и свидетелей.

Она представляет на рассмотрение третьей Циммервальдской конференции следующие факты и заключения по этому делу.

I

Товарищ Гримм отправил 27 мая из Петрограда телеграмму швейцарскому министру Гофману через швейцарского посланника Одье.

Он предпринял этот шаг, не посоветовавшись предварительно ни с находившимся в Петрограде членом Международной социалистической комиссии тов Анжеликой Балабановой, ни с представителями русских циммервальдских партий.

Позднее, когда делу была дана огласка, он также не сообщил русским товарищам в Петрограде, что им была послана телеграмма Гофману.

II

Гримм показал, что он имел в виду только получение информации о целях войны всех правительств.

Однако тов Гримм не ограничился тем, чтобы запросить у Гофмана сведения только об этом, а в своей телеграмме распространялся об опасности для мирных переговоров немецкого наступления и о необходимости выдачи паспортов делегатам, едущим на международную конференцию, созываемую Советом рабочих депутатов. Эти различные намеки заставляют думать, что Гримм своей телеграммой имел в виду дать толчок мирным переговорам.

При этом речь шла отнюдь не о сепаратном мире между Германией и Россией, а, наоборот, о переговорах об общем мире между всеми государствами.

Комиссия считает, что в ее задачи не входит расследование вопроса о том, какие цели преследовал министр Гофман, посылая свой ответ. Однако она заявляет, что нет никаких доказательств того, что Гримм действовал по предварительному соглашению с Гофманом, что, между прочим, Гриммом также оспаривается. При тех личных отношениях, которые существуют в Швейцарии даже между самыми оппозиционными парламентариями и правительственными органами, Гримм имел возмож-

ность обратиться к Гофману и без предварительного соглашения с ним.

В распоряжении комиссии нет ни одного факта, который указывал бы, что Гримм действовал в интересах и как агент немецкого империализма. Против этого говорит не только трехлетняя чрезвычайно острая борьба, которую Гримм вел против немецкого империализма, и поддержка, которую он всегда оказывал немецкой оппозиции (за что он в течение трех лет подвергался нападкам немецкой прессы, называющей его агентом Антанты), но также и вышеприведенное содержание телеграммы Грима. Главнейшим мотивом, которым Гримм руководствовался в своих действиях, комиссия считает заботу его о судьбах русской революции, которой, по мнению Гримма, угрожала опасность вследствие продолжения войны и которую Гримм хотел спасти мирными переговорами.

III

Следственная комиссия считает, что поступок Гримма, совершенный им без предупреждения остальных находившихся в Петрограде членов Международной социалистической комиссии и без ведома представителей русских циммервальдских партий, которые, наверно, удержали бы его от отправки телеграммы, является самоуправством с его стороны; Циммервальдское объединение должно снять с себя всякую ответственность за этот поступок не только потому, что такой шаг дал врагам Циммервальда повод выставить это течение, направленное против всех империалистических пра-

вительств, как орудие в руках одного из этих правительств, но и потому, что комиссия считает поведение Гримма принципиально недопустимым.

Следственная комиссия заявляет, что вступление на путь тайной дипломатии с целью ускорения мирных переговоров, как это сделал Гримм, противоречит существу Циммервальдской программы.

Стокгольм, 5 июля 1917 г.

Подписали: Хёглунд — Швеция, Кирков — Болгария; Ланг — Швейцария; Линдхаген — Швеция; Олаусен — Норвегия; Орловский — Россия; Ра дек — Польша».

Ближайшие политические друзья Гримма — Павел Аксельрод, Анжелика Балабанова, П Лапинский, Л. Мартов и Раковский, принимавшие участие в Циммервальдской конференции в качестве представителей русской, польской и румынской социал-демократических партий, выступили 30 июня на происходившем в Петрограде Всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов и в социалистической прессе со следующим заявлением по делу Гримма:

«Нижеподписавшиеся, ознакомившись с представленными Гриммом объяснениями в том виде, как они появились в русской печати, констатируют.

а) что признаваемый сейчас Гриммом факт веденных им по собственной инициативе переговоров с министром Гофманом с целью выявить взгляды германского правительства представляет из себя шаг, принципиально недопустимый с точки зрения

интернационализма и особенно недопустимый для председателя Бернской социалистической комиссии. Шаг этот, который был бы понятен со стороны социал-патриота, который верит в возможность ускорить мирные переговоры путем закулисных дипломатических маневров, носит характер какой-то легкомысленной авантюры, раз он предпринят участником циммервальдского движения;

б) авантюристический характер этого шага подчеркивается тем обстоятельством, что свои переговоры с Гофманом через швейцарского посланника Гримм скрыл от организации, которую он возглавлял, и даже нам он ничего не сообщил о своих переговорах, несмотря на то, что мы были единственными людьми, с которыми он советовался при составлении своего ответа социалистическим министрам. Такой образ действия оскорбителен по отношению к товарищам, оказавшим ему доверие, равно как и по отношению к возглавляемой им организации,

в) предоставляя партийному суду выяснить все подробности дела Гримма, мы считаем своим долгом подтвердить, что мы, знающие всю прошлую деятельность Гримма, убеждены в том, что во всем этом деле он не руководствовался какими-либо своекорыстными побуждениями и не играл роли агента немецкой дипломатии;

г) каковы бы ни были результаты партийного суда в этом деле, они никоим образом не смогут набросить тень на циммервальдское движение, которое шовинистическая печать всего мира старается,

использовав это дело, утопить в потоке клеветы. Боевой союз интернационалистов будет продолжать свою деятельность, сильный взаимным доверием входящих в его состав партий и сознанием колоссальности поставленной перед ним историей задачи — восстановить Интернационал и организовать борьбу за мир,

д) теперь, как и раньше, мы держимся того мнения, что высылка иностранцев до судебного приговора принципиально недопустима для русского революционного правительства даже в военное время и может послужить опасным прецедентом».

Еще будучи в Стокгольме, товарищ Гримм письмом сообщил партии, что возвращает обратно свои мандаты, пока швейцарская следственная комиссия не вынесет своего постановления. Доклад этой комиссии, в состав которой вошли товарищи: д-р Клёти, Отто Ланг, Эрнст Нобс, Герман Грейлих, Ф. Шнейдер и Шарль Нэн, — приведен мною в конце статьи в виде приложения*.

Для меня дело это совершенно ясно. У представителя Циммервальда и Кинталя закружилась голова от опьяняющего аромата славы, повеявшего на него на тех высотах, куда вознесли Гримма его дарования и энергия. Но как личность он оказался слаб

ФРИЦ ПЛАТТЕН

Примечания:

[1] См с 61—67

[2] См Приложения, с 79—84

[3] По неизвестным причинам письмо не было включено в первое издание книги В данном издании оно приводится в приложении, с 85—91

[4] См с 35—45

[5] Новый стиль

[6] Нового стиля, по старому стилю — 23 марта

[7] 9 апреля нового стиля

[8] 30 апреля нового стиля

[9] Текст условий см с 48.

[10] Нового стиля

[11] В И Ленин прибыл в Петроград поздно вечером 16 апреля — Прим А И

[12] Эти условия были опубликованы Платтенем в «Народном праве» — органе левых швейцарских социал-демократов

[13] Имеется в виду группа большевиков во главе с Лениным, выработывавшая условия переезда через Германию

[14] Засниц, германский порт — посадка в Швецию, Готмадинген — швейцарская, пограничная с Германией, станция

[15] См фотовкладку

[16] В настоящее время Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

[17] По старому стилю — 27 марта

[18] См Приложения, с 92—100

[19] Торнео и Хапаранда — пограничные местечки с финской и шведской стороны

[20] См с 102—106

[21] Теперешняя Латвия

[22] См объяснение Гримма о его высылке в Приложениях, с 102—106

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ДОКУМЕНТЫ

1. ЛЕНИН О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(Доклад о задачах РСДРП в русской революции) 40

Важнейшей предпосылкой для «чуда» переворота в России был «великий мятеж» 1905–1907 годов, так подло оклеветанный нынешними господами Гучковыми и Милюковыми, которые теперь ликуют по поводу «славной революции» 1917 года. Однако, если бы революция 1905 года не взрыла почвы, если бы она воочию не показала в действии всех классов и партий, если бы она не обнаружила царской банды во всем ее зверстве и дикости, была бы невозможна такая быстрая победа 1917 года.

Это исключительное сочетание условий позволило в 1917 году соединить против царизма воедино все удары самых разнородных общественных сил.

Во-первых, англо-французский финансовый капитал, попирающий и грабящий весь мир. Он был в 1905 году против революции, он помог царизму задушить революцию (миллиардный заем 1906 года!). Теперь он принял деятельное участие в революции, организовал заговор Гучкова, Милюкова и высших военных кругов для смещения Николая II.

С точки зрения мировой политики и международного финансового капитала правительство Гучкова— Милюкова является простым приказчиком банкирской фирмы

Англия — Франция, оружием для продолжения империалистической бойни.

Во-вторых, военные поражения царской монархии основательно истребили старый командующий состав и заменили его свежим, молодым, преимущественно буржуазным кадром.

В-третьих, вся русская буржуазия, которая с 1905 по 1914 год и особенно с 1914 по 1917 год чрезвычайно быстро сорганизовалась, — объединилась с дворянством для борьбы против прогнившего царизма, стремясь обогатиться путем Грабежа Армении, Константинополя, Галиции и т. д.

Наконец, в-четвертых, — и это самое главное — к этим империалистическим силам присоединилось глубокое и неуправляемое пролетарское движение революционного характера за мир, за хлеб, за свободу. У рабочего класса не было ничего общего с империалистической буржуазией, он вел за собой большинство армии, которая ведь состоит из рабочих и крестьян.

Империалистическая война начала превращаться в гражданскую. В этом кроется источник двойственного характера этой революции, которая является первым этапом первой революции, порожденной империалистической войной.

Правительство Гучкова и Милюкова, помещичье-капиталистическое правительство, не может дать народу ни мира, ни хлеба, ни свободы. Оно есть правительство продолжения разбойничьей войны. Оно открыто заявило, что остается верным международным договорам, заключенным царем. Эти договоры — разбойничьи договоры. В лучшем случае этому правительству удастся отсрочить кризис, но оно не может спасти страну от голода. Оно

также не может дать стране свободу, сколько бы оно это ни обещало: ведь оно кровно связано с интересами крупного землевладения и с интересами капиталистов.

Поэтому самым глупым, что можно было бы делать, была бы тактика доверия и поддержки этого правительства, так как оно бессильно порвать с империализмом. И когда друзья Чхеидзе — Туляков и Скобелев — разъезжают по поручению правительства Гучкова и Милюкова для того, чтобы внести успокоение среди солдат, бунтующих против либерально-буржуазных генералов (убийство адмирала Непенина)⁴¹, то Чхеидзе и его друзья ведут самую скверную политику, на руку буржуазии, и этим вредят революции.

Какой тактики должен держаться пролетариат? Мы находимся в переходном моменте от первого этапа революции ко второму, от восстания против царизма к восстанию против буржуазии, против империалистической войны, — в переходном моменте к Конвенту, который сможет развиться из Учредительного собрания, если правительство действительно сдержит свое обещание и созовет его.

Особенно важная задача теперешнего момента состоит в организации пролетариата. Но не в той шаблонной форме организации, которой довольствуются предатели социализма, социал-патриоты, оппортунисты всех стран, а революционной организации. Эта организация должна, во-первых, быть всеобщей и, во-вторых, должна воплощать в себе военные и государственные задачи.

Отсюда самым глупым, что можно было бы делать, была бы тактика доверия и поддержки этого правительства, якобы в интересах «борьбы с реакцией». Для такой борьбы вооружение пролетариата является единственно

серьезной и самой реальной гарантией. Равным образом только оно — гарантия против царистской контрреволюции, как и против попыток Гучкова и Милюкова реставрировать монархию.

Прав социалистический депутат Скобелев, сказавший, что «Россия накануне второй настоящей революции». Организация этой революции — налицо. Она и есть Совет рабочих и солдатских депутатов. Недаром агенты англо-французского капитала, — корреспонденты «Таймса» и «Тана» 42,— стараются залить его грязью.

При ближайшем ознакомлении со сведениями, какие принесла нам пресса о Совете рабочих и солдатских депутатов, можно констатировать, что в нем налицо три течения. Первое течение ближе всего стоит к социал-патриотическому направлению. Оно доверяет министру юстиции Керенскому, этому герою фразы, игрушке в руках Гучкова и Милюкова. Он не жалеет звонких фраз в духе западноевропейских социал-патриотов и социал-пацифистов. В действительности же он пытается «примирить» рабочих с необходимостью продолжать грабительскую войну. Устами Керенского империалистическая буржуазия говорит рабочим следующее: мы даем вам республику, восьмичасовой рабочий день (который фактически уже был проведен в Петербурге), мы обещаем вам всевозможные свободы, но все это только для того, чтобы вы нам помогли ограбить Турцию и Австрию, помогли вырвать у германского империализма награбленную им добычу и обеспечить англо-французскому империализму его добычу. Второе течение представлено нашей партией, Центральным Комитетом Российской социал-демократической рабочей партии. В газетах было опубликовано извлечение из Манифеста нашего Центрального Комитета. Этот Манифест появился в Петербурге 18 марта. В

нем выставлены следующие требования: демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация дворянского крупного землевладения в пользу крестьян, конфискация хлебных запасов, призыв немедленно начать мирные переговоры, которые должны вестись не правительством Гучкова и Милюкова, а Советом рабочих и солдатских депутатов. Этот Совет, как указано в Манифесте, собственно, и является настоящим революционным правительством (корреспонденты «Таймса» и «Тана» все время говорят о существовании в России двух правительств). Мирные переговоры должны вестись не с буржуазными правительствами, а с пролетариатом всех воюющих стран. Манифест призывает всех рабочих, крестьян и солдат посылать уполномоченных в Совет депутатов.

Это единственно возможная социалистическая революционная тактика.

Третье течение представлено Чхеидзе и его друзьями. Они постоянно колеблются, это отражается в отзывах о них «Таймса» и «Тана», то хвалебных, то ругательских. Когда Чхеидзе отказался вступить во второе Временное правительство⁴³, когда он освещает войну как империалистическую, — он ведет пролетарскую политику. Когда же Чхеидзе принял участие в первом правительстве (Думский комитет), когда он в третьем пункте своего воззвания требует достаточного участия представителей российского рабочего класса в правительстве (участия интернационалистов в правительстве империалистической войны!), когда он совместно со Скобелевым приглашает это империалистическое правительство начать мирные переговоры (вместо того, чтобы разъяснить рабочим, что буржуазия с начала до конца связана с интересами финансового капитала, что она не в состоянии порвать с

империализмом), когда друзья Чхеидзе — Туляков и Скобелев — разъезжают по поручению правительства Гучкова и Милюкова для того, чтобы внести успокоение среди солдат, бунтующих против либерально-буржуазных генералов (убийство адмирала Непенина), — Чхеидзе и его друзья ведут самую скверную политику на руку буржуазии и этим вредят революции.

Какой тактики должен держаться пролетариат? Мы находимся в переходном моменте от первого этапа революции ко второму, от восстания против царизма к восстанию против буржуазии, против империалистической войны, — в переходном моменте к Конвенту, который сможет развиваться из Учредительного собрания, если правительство действительно сдержит свое обещание и созовет его.

Особенно важная задача теперешнего момента состоит в организации пролетариата. Но не в той шаблонной форме организации, которой довольствуются предатели социализма, социал-патриоты, оппортунисты всех стран, а в революционной организации. Эта организация должна, во-первых, быть всеобщей, во-вторых, она должна воплощать в себе военные и государственные задачи.

Маркс на основании опыта коммуны 71-го года 44 учит нас тому, что «рабочий класс не может просто завладеть готовой государственной машиной и заставить ее служить своим собственным целям». [1] Пролетариат должен и может сломать эту машину (армию, полицию, бюрократию). Это то, что оппортунисты отрицают или стараются затушевать. Это важнейший практический урок Парижской коммуны и русской революции 1905 года.

Мы отличаемся от анархистов тем, что стоим за необходимость государства для совершения революционного переворота. Но мы отличаемся от оппортунистов и каутскианцев⁴⁵ тем, что говорим: нам не нужна «готовая государственная машина», какой ее создала буржуазия в демократических буржуазных республиках, нет, нам нужна непосредственная власть вооруженных и организованных рабочих. Вот государство, какое нам нужно. Таким государством, по существу, была коммуна 71-го года и Советы рабочих депутатов в России 1905 и 1917 годов. На этом фундаменте мы должны дальше строить.

Наша программа мира такова:

1) Совет рабочих депутатов в качестве революционного правительства тотчас заявил бы, что никакими договорами ни и царской монархии, ни и буржуазных правительств он не связан

2) Он опубликовал бы немедленно все эти разбойничьи договоры

3) Он открыто предложил бы всем воюющим державам тотчас заключить перемирие.

4) Основные условия мира: освобождение всех колоний и всех угнетенных народов.

5) Он заявил бы, что не ждет добра от буржуазных правительств, а предлагает рабочим всех стран свергнуть свои правительства.

6) Военные долги, заключенные буржуазией, должны уплачивать сами капиталисты.

Такая политика могла бы привлечь на сторону социал-демократии большинство рабочих и беднейшего крестьянства. Конфискация дворянского крупного землевла-

дения была бы обеспечена, но это, однако, отнюдь не было бы осуществлением социализма.

За эти условия мира мы готовы вести революционную войну В такой революционной войне мы могли бы рассчитывать на поддержку революционного пролетариата.

2. ПРОЩАЛЬНОЕ ПИСЬМО К ШВЕЙЦАРСКИМ РАБОЧИМ 46

Товарищи швейцарские рабочие!

Уезжая из Швейцарии в Россию для продолжения революционно-интернационалистической работы на нашей родине, мы, члены Российской социал-демократической рабочей партии, объединенной Центральным Комитетом (в отличие от другой партии, носящей то же самое название, но объединенной Организационным комитетом), шлем вам товарищеский привет и выражение глубокой товарищеской признательности за товарищеское отношение к эмигрантам.

Если открытые социал-патриоты и оппортунисты, швейцарские «грютлианцы», перешедшие, как и социал-патриоты всех стран, из лагеря пролетариата в лагерь буржуазии, если эти люди открыто приглашали вас бороться против вредного влияния иностранцев на швейцарское рабочее движение, — если прикрытые социал-патриоты и оппортунисты, составляющие большинство среди вождей швейцарской социалистической партии⁴⁷ вели в прикрытой форме такую же политику, — то мы должны заявить, что со стороны революционных социалистических рабочих Швейцарии, стоящих на интернационалистской точке зрения, мы встречали горячее сочувствие и

извлекли для себя много пользы из товарищеского общения с ними.

Мы были всегда особенно осторожны, выступая по тем вопросам швейцарского движения, для ознакомления с которыми нужна долгая работа в местном движении. Но те из нас, которые, в числе едва ли большем, чем 10–15 человек, были членами швейцарской социалистической партии, считали своим долгом по общим и коренным вопросам международного социалистического движения решительно отстаивать нашу точку зрения, точку зрения «Циммервальдской левой», решительно бороться не только против социал-патриотизма, но и против направления так называемого «центра», к которому принадлежат Р. Гримм, Ф. Шнейдер, Жак Шмид и др. в Швейцарии, Каутский, Гаазе, «Arbeitsgemeinschaft» 48 в Германии, Лонге, Прессман и др. во Франции, Сноуден, Рамсей Макдональд и др. в Англии, Турати, Тревес и их друзья в Италии, названная выше партия «Организационного комитета» (Аксельрод, Мартов, Чхеидзе, Скобелев и др.) в России.

Мы работали солидарно с теми революционными социал-демократами Швейцарии, которые группировались отчасти вокруг журнала «Freie Jugend» 49,— которые составляли и распространяли мотивы референдума (на немецком и французском языке) с требованием созыва на апрель 1917 г. съезда партии для разрешения вопроса об отношении к войне, — которые вносили на цюрихском кантональном съезде в Toss резолюцию молодых и «левых» по военному вопросу, — которые издали и распространили в некоторых местностях французской Швейцарии в марте 1917 г. листок на французском и немецком языках «Наши условия мира» и т. д.

Мы посылаем братский привет этим товарищам, с которыми мы работали рука об руку, как единомышленники.

Для нас не подлежало и не подлежит ни малейшему сомнению, что империалистское правительство Англии ни за что не пропустит в Россию русских интернационалистов, непримиримых противников империалистского правительства Гучкова-Милюкова и КО, непримиримых противников продолжения Россией империалистской войны.

В связи с этим мы должны остановиться вкратце на нашем понимании задач русской революции. Мы тем более считаем необходимым сделать это, что через посредство швейцарских рабочих мы можем и должны обратиться к рабочим немецким, французским и итальянским, говорящим на тех же языках, на которых говорит население Швейцарии, пользующееся до сих пор благами мира и сравнительно наибольшей политической свободой.

Мы остаемся безусловно верны тому заявлению, которое мы сделали в Центральном Органе нашей партии, в газете «Социал-Демократ», издававшейся в Женеве, в № 47 от 13 октября 1915 года. Мы сказали там, что если в России победит революция и у власти окажется республиканское правительство, желающее продолжать империалистскую войну, войну в союзе с империалистской буржуазией Англии и Франции, войну ради завоевания Константинополя, Армении, Галиции и т. д. и т. п., то мы будем решительными противниками такого правительства, мы будем против «защиты отечества» в такой войне.[2]

Приблизительно такой случай наступил. Новое правительство России, которое вело переговоры с братом

Николая II о восстановлении монархии в России и в котором главнейшие, решающие посты принадлежат монархистам Львову и Гучкову, это правительство пытается обмануть русских рабочих посредством лозунга «немцы должны свергнуть Вильгельма» (правильно! но отчего бы не добавить, англичане, итальянцы и пр. своих королей, а русские своих монархистов, Львова и Гучкова??). Это правительство пытается посредством такого лозунга и не публикуя тех империалистских, грабительских договоров, которые царизм заключил с Францией, Англией и пр. и которые подтверждены правительством Гучкова — Милюкова — Керенского, — выдать за «оборонительную» (т. е. справедливую, законную даже с точки зрения пролетариата) свою империалистскую войну с Германией, — выдать за «защиту» русской республики (которой в России еще нет и которую Львовы и Гучковы даже и не пообещали еще учредить!) защиту хищнических, империалистских, грабительских целей капитала русского, английского и проч.

Если правду говорят последние телеграфные сообщения, указывающие на то, что между открытыми русскими социал-патриотами (вроде гг. Плеханова, Засулич, Потресова и т. д.) и партией «центра», партией «Организационного комитета», партией Чхеидзе, Скобелева и пр. произошло нечто вроде сближения на почве лозунга: «пока немцы не свергнут Вильгельма, наша война является оборонительной», — если это правда, то мы с удвоенной энергией поведем борьбу против партии Чхеидзе, Скобелева и др., борьбу, которую мы и раньше всегда вели с этой партией за ее оппортунистическое, колеблющееся, шаткое политическое поведение.

Наш лозунг, никакой поддержки правительству Гучкова-Милюкова! Обманывает народ тот, кто говорит, что

такая поддержка необходима для борьбы против восстановления царизма. Напротив, именно тучковское правительство вело уже переговоры о восстановлении монархии в России. Только вооружение и организация пролетариата способны помешать Гучковым и К^о восстановить монархию в России. Только остающийся верным интернационализму революционный пролетариат России и всей Европы способен избавить человечество от ужасов империалистской войны.

Мы не закрываем себе глаз на громадные трудности, стоящие перед революционно-интернационалистским авангардом пролетариата России. В такое время, как переживаемое нами, возможны самые крутые и быстрые перемены. В номере 47 «Социал-Демократа» мы ответили прямо и ясно на естественно возникающий вопрос: что сделала бы наша партия, если бы революция поставила ее у власти тотчас? Мы ответили (1) мы немедленно предложили бы мир всем воюющим народам, (2) мы огласили бы наши условия мира, состоящие в немедленном освобождении всех колоний и всех угнетенных или неполноправных народов, (3) мы немедленно начали и довели бы до конца освобождение народов, угнетенных великороссами; (4) мы ни на минуту не обманываемся, что такие условия были бы неприемлемы не только для монархической, но и для республиканской буржуазии Германии, и не только для Германии, но и для капиталистических правительств Англии и Франции.

Нам пришлось бы вести революционную войну против немецкой и не одной только немецкой буржуазии. Мы повели бы ее. Мы не пацифисты. Мы противники империалистских войн из-за раздела добычи между капиталистами, но мы всегда объявляли нелепостью, если бы революционный пролетариат зарекался от революцион-

ных войн, которые могут оказаться необходимыми в интересах социализма.

Задача, которую мы обрисовали в № 47 «Социал-Демократа», гигантски велика. Она может быть решена только в длинном ряде великих классовых битв между пролетариатом и буржуазией. Но не наше нетерпение, не наши желания, а объективные условия, созданные империалистской войной, завели все человечество в тупик, поставили его перед дилеммой — или дать погибнуть еще миллионам людей и разрушить до конца всю европейскую культуру или передать власть во всех цивилизованных странах в руки революционного пролетариата, осуществить социалистический переворот.

Русскому пролетариату выпала на долю великая честь начать ряд революций, с объективной неизбежностью порождаемых империалистской войной. Но нам абсолютно чужда мысль считать русский пролетариат избранным революционным пролетариатом среди рабочих других стран. Мы прекрасно знаем, что пролетариат России менее организован, подготовлен и сознателен, чем рабочие других стран. Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России на известное, может быть очень короткое, время застрельщиком революционного пролетариата всего мира.

Россия — крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. Непосредственно в ней не может победить тотчас социализм. Но крестьянский характер страны, при громадном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков, на основе опыта 1905 года, может придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей революции про-

лог всемирной социалистической революции, ступеньку к ней.

В борьбе за эти идеи, всецело подтвержденные и опытом 1905 года и весной 1917 г, сложилась наша партия, непримиримо выступая против всех остальных партий, и за эти идеи будем мы бороться и впредь.

В России не может непосредственно и немедленно победить социализм. Но крестьянская масса может довести неизбежный и назревший аграрный переворот до конфискации всего необъятного помещичьего землевладения. Этот лозунг выставляли мы всегда, и его выставили теперь в Петербурге и Центральный Комитет нашей партии, и газета нашей партии «Правда». За этот лозунг будет бороться пролетариат, нисколько не закрывая себе глаз на неизбежность ожесточенных классовых столкновений между сельскохозяйственными наемными рабочими с примыкающими к ним беднейшими крестьянами и зажиточными крестьянами, которых усилила столыпинская (1907–1914) аграрная «реформа». Нельзя забывать, что 104 крестьянских депутата и в первой (1906) и во второй (1907) Думе выдвинули революционный аграрный проект, требующий национализации всех земель и распоряжения ими через местные комитеты, выбранные на основе полного демократизма.

Подобный переворот сам по себе не был бы еще отнюдь социалистическим. Но он дал бы громадный толчок всемирному рабочему движению. Он чрезвычайно укрепил бы позиции социалистического пролетариата в России и его влияние на сельскохозяйственных рабочих и на беднейших крестьян. Он дал бы возможность городскому пролетариату, опираясь на это влияние, развить такие революционные организации, как «Советы рабочих депу-

татов», заменить ими старые орудия угнетения буржуазных государств, армию, полицию, чиновничество, провести — под давлением невыносимо-тяжелой империалистской войны и ее последствий — ряд революционных мер для контроля за производством и распределением продуктов.

Русский пролетариат не может одними своими силами победоносно завершить социалистической революции. Но он может придать русской революции такой размах, который создаст наилучшие условия для нее, который в известном смысле начнет ее. Он может облегчить обстановку для вступления в решительные битвы своего главного, самого верного, самого надежного сотрудника, европейского и американского социалистического пролетариата.

Пусть малoverы предаются отчаянию по поводу временной победы в европейском социализме таких отвратительных лакеев империалистской буржуазии, как Шейдеманы, Легины, Давиды и К° в Германии, Самба, Гед, Рендель и К0 во Франции, фабианцы и «лабуристы» 50 в Англии. Мы твердо убеждены, что эту грязную пену на всемирном рабочем движении сметут быстро волны революции.

В Германии уже кипит настроение пролетарской массы, которая так много дала человечеству и социализму своей упорной, настойчивой, выдержанной организационной работой в течение долгих десятилетий европейского «затишья» 1871–1914 годов. Будущее германского социализма представляют не изменники Шейдеманы, Легины, Давиды и К° и не такие колеблющиеся, бесхарактерные, придавленные рутинной «мирного» периода политики, как гг Гаазе, Каутский и им подобные.

Это будущее принадлежит тому направлению, которое дало Карла Либкнехта, которое создало «группу Спартакуса»⁵¹, которое вело пропаганду в бременской «Arbeiterpolitik».

Объективные условия империалистской войны служат порукой в том, что революция не ограничится первым этапом русской революции, что революция не ограничится Россией.

Немецкий пролетариат есть вернейший, надежнейший союзник русской и всемирной пролетарской революции.

Когда наша партия выставила в ноябре 1914 года лозунг, «превращение империалистской войны в гражданскую войну» угнетенных против угнетателей за социализм, — этот лозунг был встречен враждой и злобными насмешками социал-патриотов, недоверчиво-скептическим, бесхарактерно-выжидательным молчанием социал-демократов «центра». Немецкий социал-шовинист, социал-империалист Давид назвал его «сумасшедшим», а представитель русского (и англофранцузского) социал-шовинизма, социализма на словах, империализма на деле, господин Плеханов назвал его «грезофарсом» (Mittelding zwischen Traum und Komodie). А представители центра отделялись молчанием или пошлыми шуточками по поводу этой «прямой линии, проведенной в безвоздушном пространстве».

Теперь, после марта 1917 года, только слепой может не видеть, что этот лозунг верен. Превращение империалистской войны в войну гражданскую становится фактом.

Да здравствует начинающаяся пролетарская революция в Европе!

По поручению отъезжающих товарищей, членов Российской с.-д. рабочей партии (объединенной Центральным Комитетом), принявших это письмо на собрании 8 апреля (нов. стиля) 1917 года.

Н. ЛЕНИН

3. ПРОТОКОЛ О ПРОЕЗДЕ ЛЕНИНА ЧЕРЕЗ ГЕРМАНИЮ В 1917 ГОДУ [3]

19 марта [4], по получении первых известий о начале революции в России, состоялась по предложению Международной социалистической комиссии (циммервальдской комиссии) сходка представителей всех русских и польских партий, примкнувших к циммервальдскому объединению. В конце этого собрания состоялось второе совещание, посвященное вопросу возвращения политических эмигрантов в Россию. В ней принимали участие Мартов, Бобров, Зиновьев и Косовский. В числе прочих предложений обсуждался план Мартова о возможности проезда через Германию в Стокгольм на основе обмена на соответствующее число интернированных в России германцев и австрийцев. Всеми участниками совещания план Мартова был признан наиболее благоприятным и приемлемым. Гримму было поручено завязать сношения со швейцарским правительством.

Несколько дней спустя тов. Гримм встретил Багоцко-го, уполномоченного Комитета по возвращению русских эмигрантов на родину (Комитет, в котором представлены были все группы). Эта встреча произошла в присутствии тов. Зиновьева. Гримм сообщил, что он имел беседу с членом Союзного совета Гофманом, ведающим политиче-

ским департаментом Гофман, по словам Гримма, заявил, что швейцарское правительство не имеет возможности играть роль официального посредника, ибо правительства Антанты могут усмотреть в этом шаге нарушение нейтралитета. Но Гримм частным образом принял на себя это поручение и обратился за принципиальным согласием к представителю германского правительства. Багоцкий и Зиновьев заявили, что таким образом цель могла бы быть достигнута, и соответственно тому просили Гримма довести предпринятые шаги до благополучного конца.

Но на следующий день представители некоторых партий в Цюрихе заявили, что они с планом Гримма не согласны. Они обосновывали свое решение необходимостью обождать ответ из Петрограда.

Члены Заграничного бюро Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии заявили, что не берут на себя ответственности за дальнейшую отсрочку возвращения в Россию, и послали Мартову и Боброву следующее заявление:

Заграничное бюро Центрального Комитета Социал-демократической рабочей партии пришло к тому решению, что предложение тов. Гримма об обратном проезде политических эмигрантов в Россию через Германию следует принять.

Заявление устанавливало следующее:

1. Переговоры велись товарищем Гриммом с представителем правительства нейтральной страны — с министром Гофманом, который не считал возможным для Швейцарии официально вмешаться в это дело, ибо английское правительство, несомненно, сочтет это обстоятельство нарушением нейтралите-

та со стороны Швейцарии. Следует считать установленным, что правительство это не допустит проезда интернационалистов.

2. Предложения Гримма вполне приемлемы, ибо они гарантируют свободу проезда и совершенно независимы от какого бы то ни было политического направления и от какого бы то ни было отношения к вопросу о защите отечества, о продолжении войны, о заключении мира и т. д.

3. Это предложение основывается на обмене политических эмигрантов на интернированных в России, и эмигранты не имеют ни малейшего основания противодействовать агитации, поднятой за этот обмен.

4. Тов. Гримм внес это предложение представителям всех групп политических эмигрантов, и он даже заявил, что при создавшемся в настоящий момент положении вещей это предложение является единственным выходом и вполне приемлемо.

5. С другой стороны, сделано все возможное, чтобы убедить представителей всех групп в необходимости принять это предложение, ибо дальнейшая оттяжка абсолютно недопустима.

6. К сожалению, представители некоторых групп высказались за отложение рассмотрения вопроса. Это решение в высшей степени достойно порицания и причиняет величайший вред русскому революционному движению.

Принимая во внимание эти результаты обследования, Заграничное бюро Центрального Комитета постановляет осведомить всех членов нашей партии о том, что предложение немедленного отъезда нами принято, и что все, желающие сопровождать нас в нашем путешествии, должны записаться. Копия настоящего заявления препровождена будет представителям всех групп.

Цюрих, 31 марта 1917 года.

Н. Ленин. Г. Зиновьев.

Когда документ этот, снабженный комментарием групп противников, передан был Гримму, он сделал официальное заявление нижеследующего содержания:

Берн, 2 апреля 1917 г.

Центральному комитету по организации возвращения русских эмигрантов г. Цюриха.

Уважаемые товарищи!

Только что я узнал о циркуляре Заграничного бюро Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии относительно организации возвращения эмигрантов в Россию. Я весьма изумлен содержанием этого циркуляра не только, поскольку он касается моей личности, которой приписывается совершенно неправильная позиция, но и в особенности вследствие крайне (одно слово неразборчиво) упоминания о члене Союзного совета Гофмане, делающего дальнейшие переговоры со швейцарскими властями крайне затруднительными. Я считаю себя вынужденным, во всяком

случае, подтвердить нижеследующие факты и предоставляю на Ваше усмотрение использовать содержание настоящего письма, как Вы найдете нужным:

1. Ведутся переговоры, но переговоры эти не следствие предложения тов Гримма относительно возвращения русских эмигрантов в Россию. Я никогда не делал никакого такого предложения, а служил всего лишь посредником между русскими товарищами и швейцарскими властями.

2. В соответствии с результатами совещания русских товарищей, происходившего 19 марта в Берне, я предложил швейцарскому политическому департаменту выяснить, нет ли возможности произвести своего рода обмен русских эмигрантов Швейцарии на интернированных в России. Предложение было отклонено, принимая во внимание нейтралитет страны, не считаясь с тем или иным правительством и не зная, что Антанта, и в частности Англия, будут чинить препятствия отъезду эмигрантов.

3. В ходе переговоров возникла мысль о возможности создания в Голландии бюро по обмену, но вследствие задержек в отъезде, которые получили бы в результате этого, от мысли этой отказались.

4. Окончательный результат переговоров был следующий: русские товарищи должны были обратиться прямо к Временному правительству через посредство министра Керенского. Его будут держать в курсе дела и докажут ему невозможность

возвращения через Англию, так что, принимая во внимание положение дел, ему придется одобрить возвращение через Германию. Благодаря этому соглашению проезд через Германию сможет произойти, не повлекши за собою впоследствии никаких осложнений. В пятницу, 30 марта, я довел до сведения находившихся в Берне представителей Центрального комитета и присовокупил личное мое мнение, что это предложение, т. е. соглашение с Керенским или Чхеидзе, и организация вслед за тем поездки через Германию мне представляются приемлемыми. Я присовокупил, что делом Вашего Комитета уже будет, как Вы примете предложение, и что я пока что считаю миссию свою исчерпанной.

5. Первого апреля я получил телеграмму тт. Ленина и Зиновьева, в которой они сообщают, что их партия решила безоговорочно принять план проезда через Германию и немедленно организовать отъезд. Я сообщил по телефону, что я охотно готов помочь найти посредника, который довел бы до конца переговоры между соответствующей инстанцией по регулированию условий проезда и телеграфировавшими мне товарищами, но я, однако, ни в коем случае не стану начинать вытекающих отсюда переговоров, ибо я считаю миссию свою исчерпанной и потому, что со швейцарскими властями переговоров вести уже больше не приходилось. Ввиду того что упомянутый в начале настоящих строк циркуляр, по-видимому, дал повод к недоразумениям, я счел необходимым кратко установить эти пункты, дабы сразу предотвратить возможность образования легенд. Я весьма сожалею, что наши старания столь легкомысленным образом стали

предметом циркулярного письма, которое не носило даже секретного характера.

С социалистическим приветом Гримм.

Когда после этого Зиновьев потребовал у Гримма разъяснений, он в присутствии тов. Платтена заявил, что сделать подобное заявление он считает своей обязанностью, и притом главным образом потому, что разглашение роли Гофмана могло бы причинить существенный ущерб швейцарскому нейтралитету. Одновременно Гримм заявил о своей готовности предпринять и дальнейшие шаги по делу отъезда той группы, которая решилась на скорейший отъезд. Но вследствие двусмысленного поведения Гримма, организаторы отъезда сочли более правильным отказаться от его услуг и просить тов. Платтена о доведении начатых переговоров до конца.

Третьего апреля Платтен обратился в германское посольство в Берне и заявил, что он продолжает начатые Гриммом переговоры, и предложил нижеследующие письменно изложенные условия:

Основа переговоров о возвращении швейцарских политических эмигрантов в Россию [5]

1. Я, Фриц Платтен, руковожу за своей полной личной ответственностью переездом через Германию вагона с политическими эмигрантами и легальными лицами, желающими поехать в Россию.
2. Вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности.

3. Ни при въезде в Германию, ни при выезде из нее не должна происходить проверка паспортов или личностей.

4. К поездке допускаются лица совершенно независимо от их политического направления и взглядов на войну и мир.

5. Платтен приобретает для уезжающих нужные железнодорожные билеты по нормальному тарифу.

6. Поездка должна происходить по возможности безостановочно в беспересадочных поездах. Не должно иметь места ни распоряжение о выходе из вагона, ни выход из него по собственной инициативе. Не должно быть перерывов при проезде без технической необходимости.

7. Разрешение на проезд дается на основе обмена уезжающих на немецких и австрийских пленных и интернированных в России. Посредник и едущие обязуются агитировать в России, особенно среди рабочих, с целью проведения этого обмена в жизнь.

8. Возможно кратчайший срок переезда от швейцарской границы до шведской равно как технические детали должны быть немедленно согласованы Берн — Цюрих, 4 апреля 1917 года.

(подпись) Фриц Платтен.

Через два дня тов. Платтен сообщил, что условия эти приняты германским правительством.

2 апреля, прежде чем вопрос доведен был до конца, представители остальных групп приняли следующую резолюцию.

«Принимая во внимание, что ввиду явной невозможности возвращения в Россию через Англию вследствие сопротивления английских и французских властей, все партии признали необходимость испросить у Временного правительства через посредство Совета рабочих депутатов полномочий на обмен политических эмигрантов на соответствующее число германских граждан. Констатируя, что товарищи, представляющие Центральный комитет, решили поехать в Россию через Германию, не дождавшись результатов предпринятых по сему поводу шагов, мы считаем решение товарищей из Центрального комитета политической ошибкой, поскольку не доказана невозможность получения от Временного правительства полномочий на предложенный обмен».

Организаторы поездки согласны были с первой частью этой резолюции, но они не могли признать, будто сопротивление Временного правительства организации возвращения русских эмигрантов в Россию не доказано. Нет ни малейшего сомнения, что Временное правительство при диктатуре Антанты сделает все возможное, чтобы задержать возвращение революционеров, борющихся против грабительской войны империализма. Ввиду этих фактов нижеподписавшиеся видят себя поставленными перед выбором — либо решиться вернуться в Россию через Германию, либо до конца войны остаться за границей. Вопреки этому заявлению представителей прочих групп Платтен считает своим долгом после принятия

условий германским правительством еще раз предложить цюрихским делегатам участвовать в поездке. В момент составления настоящего протокола ответ последних нам еще неизвестен [6].

Нам сообщают, что газета «Petit Parisien»⁵³ объявила о решении Милюкова отдать под суд всех русских граждан, которые поедут через Германию. Поэтому мы заявляем, что если наше путешествие в Россию станет предметом подобных мероприятий, то мы потребуем народного суда над нынешним русским правительством, продолжающим реакционную войну. Правительство это, чтобы доказать тот факт, что оно — противник империалистической политики, продолжает применять методы прежнего правительства, конфискует адресованные рабочим депутатам телеграммы и т. д.

Мы убеждены, что условия, предложенные нам для совершения переезда через Германию, вполне приемлемы для нас. Бесспорно, что Милюковы облегчили бы поездку Либкнехта в Германию, если они находились бы в России. Таково же и отношение Бетман-Гольвегов к русским интернационалистам. Интернационалисты всех стран не только вправе, но обязаны использовать эту спекуляцию империалистического правительства в интересах пролетариата, не отказываясь от своего пути и не делая правительствам ни малейшей уступки. Наша точка зрения по отношению к войне изложена нами в номере 47 «Социал-демократа» 54, а именно: после завоевания рабочим классом политической власти в России мы допускаем революционную войну против империалистической Германии. Эта точка зрения отстаивалась Лениным и Зиновьевым также и публично, а равно и в статье, по-

мещенной Лениным в начале русской революции в газете «Volksrecht» («Народное право»).

Одновременно мы обращаемся с открытым письмом к швейцарским рабочим, в котором мы излагаем нашу точку зрения. С первого до последнего дня мы организовывали нашу поездку в полном согласии с представителями левого крыла циммервальдцев.

Наш поезд от швейцарской границы и вплоть до того места, в направлении к Петрограду, до которого это будет возможно, будет сопровождать тов. Платтен, и мы очень надеемся, что на шведской границе мы встретим шведских интернационалистов Стрема и Линдхагена.

С самого начала мы действовали в полной гласности и мы убеждены, что шаг наш вполне и всецело одобрен будет рабочими-интернационалистами России. Настоящее заявление обязательно для участников переезда, являющихся членами нашей партии. В том случае, если бы в переезде приняли участие лица, не состоящие членами нашей партии, то лица эти делают это за свою собственную ответственность.

Ф. Платтен в Риге 1907 г.

**Ф. Платтен в Президиуме I конгресса
Коминтерна. Март 1919 г.**

**Ф. Платтен выступает на митинге в
Цюрихе, посвященном 15-й годовщине
Октября. 1932 г.**

ЗАЯВЛЕНИЕ 55

Нижеподписавшиеся ознакомились с тем, какие препятствия правительства Согласия ставят отъезду русских интернационалистов на родину. Они ознакомились с тем, на каких условиях германское правительство согласилось пропустить товарищей через Германию в Швецию.

Не сомневаясь в том, что германское правительство спекулирует на одностороннем усилении антивоенных тенденций в России, мы заявляем:

Русские интернационалисты, которые в течение всей войны вели самую резкую борьбу против империализма вообще и германского империализма в особенности, отправляются теперь в Россию, чтобы служить там делу революции, помогут нам поднять и пролетариев других стран, и в особенности пролетариев Германии и Австрии, против их правительств. Пример героической борьбы русского пролетариата послужит лучшим поощрением для пролетариев других стран. Поэтому мы, нижеподписавшиеся интернационалисты Франции, Швейцарии, Польши, Германии (и Швеции. — Ред) 56, считаем не только правом, но и долгом наших русских товарищей воспользоваться той возможностью проехать в Россию, которая им представляется.

Мы желаем им лучших успехов в их борьбе против империалистской политики русской буржуа-

зии, которая является частью нашей общей борьбы за освобождение рабочего класса, за социальную революцию.

Берн, 7 апреля [7] 1917 г.

Павел Хартштейн (Германия) Анри Гильбо (Франция) Ф. Л о р и о (Франция) Бронский (Польша) Ф. Платтен (Швейцария) Линдхаген (городской голова Стокгольма) Стрём (депутат шведского парламента) Туре Нёрман (редактор центр, орг шведск соц «Politiken») 57 Чильбум (редактор «Stormklockan») 58 Хансен (Норвегия)

Примечание Ленина. Первые четыре товарища провожали нас в Берне. Псевдонимом Хартштейна назвался товарищ Павел Леви, после революции в Германии ставший сотрудником «Красного Знамени» 59, газеты спартаковцев. Последние пять товарищей провожали нас в Стокгольме.

ПОДПИСКА УЧАСТНИКОВ ПРОЕЗДА ЧЕРЕЗ ГЕРМАНИЮ

Подтверждаю:

1) что мне были сообщены условия, выработанные Платтенем и германским посольством;

2) что подчиняюсь распорядку, установленному руководителем поездки Платтенем;

3) что я извещен о сообщении «Пти Паризьен» («Petit Parisien»), согласно которому русское Временное правительство грозит отнестись к лицам,

приезжающим через Германию, как к государственным изменникам,

4) что всю политическую ответственность за эту поездку я принимаю исключительно на себя,

5) что Платтеном моя поездка гарантирована только до Стокгольма.

Берн — Цюрих, 9 апреля [8] 1917 г.

Ленин

Ленина

Георгий Сафаров

Валентина Сафарова-Мартошкина

Григорий Усиевич

Елена Кон

Инесса Арманд

Николай Бойцов

ФГребельская

А Константинович

Е Мирингоф

М Мирингоф

А. Сковно

Г Зиновьев

З. Радомысльская (с сыном)

Д. Слюсарев

Б Ельчанинов

Г Бриллиант

М. Харитонов

Д. Розенблюм

А. Абрамович

Шейнесон

Миха Цхакая

М. Гоберман

А. Линде

Айзенхуд

Сулиашвили

Равич

Поговская

4. ЗАЯВЛЕНИЕ ГРИММА 20 ИЮНЯ 1917 ГОДА

19 июня 1917 года в № 9 Стокгольмского корреспондентского листка Циммервальдской международной комиссии Гримм опубликовал следующее объяснение:

ВЫСЫЛКА ТОВАРИЩА ГРИММА ИЗ РОССИИ

Заявление Гримма:

«Вечером 9 июня ко мне явились товарищи Аксельрод и Мартов и сделали мне ошеломляющий запрос, — не было ли передано мне швейцарским посланником в Петрограде мирное предложение германского правительства в целях прямой или косвенной передачи такового русскому правительству или не делал ли он относительно меня каких-нибудь попыток, направленных к этой цели. Существует подобный документ, в котором упоминается мое имя, документ, пересланный русским агентом в Берне министерству иностранных дел в Петроград

В согласии с истиной я ответил отрицательно на оба вопроса. Исполняя обращенную ко мне просьбу, я письменно подтвердил это отрицание для вручения обоим социалистическим министрам, Церетели и Скобелеву. К этому я прибавил, что вообще принципиально отклоняю от себя роль посредника мирных планов империалистических правительств.

Это заявление должно было на другой день появиться в «Известиях». Дело спешное. Желательно было предупредить нападки буржуазной прессы

и в то же время своевременным предупреждением избежать вмешательства гостившего еще тогда в России французского министра А Тома. Эта спешка была мне несколько непонятна, но так как товарищи знали лучше обстоятельства дела, то я согласился.

Тем более велико было мое изумление, когда я на следующий день раскрыл «Известия». О моем заявлении — ни слова. Указанные накануне вечером причины как будто более не существовали. Теперь заявлялось, что будут предприняты дальнейшие исследования о наличии такого документа.

Тогда я потребовал, чтобы мне был предъявлен документ, чтобы я мог занять по отношению к нему какую-нибудь позицию. Это было исполнено. Четыре дня спустя, 13 июня, я получил через посредников министров Церетели и Скобелева копию бернской телеграммы швейцарскому посланнику в Петрограде, с которой Временное правительство уже тем временем ознакомилось.

Одновременно с этим министр Скобелев упомянул, что телеграмма будет завтра опубликована в Берне, а затем в Петрограде и что мне будет дана возможность сделать — перед опубликованием — заявление.

Я согласился. На вечер было назначено совещание, предметом которого был проект моего заявления.

Я констатировал, что мне подобная телеграмма не была передана ни прямо, ни косвенно, толковал телеграмму как попытку со стороны Германии использовать мое пребывание в Петрограде для целей германского империализма и германского сепаратного мира и поэтому считал такую попытку провокацией.

Оба министра пожелали большего. Они требовали более резкой колкости по отношению к германскому правительству и резкого выпада по адресу швейцарского правительства, образ действий которого является грязной услужливостью германскому империализму и нарушением швейцарского нейтралитета.

Это требование я отклонил. У меня имелись для этого различные основания. Их не могла даже поколебать угроза, что со мною придется поступить точно так же, как со всяким агентом враждебной державы, т е подвергнуть, быть может, аресту и позорной высылке. Мое впечатление было таково, что я — сознательно или бессознательно для себя и самих двух министров — должен был служить орудием одного буржуазного правительства против другого. Это впечатление— безразлично, было ли оно правильно или нет, — могло только усилиться, когда мне сказали, что министр иностранных дел [9] обязуется облегчить мне возможность возвращения в Швейцарию через Англию или Францию в случае, если германские власти из-за этого дела откажут мне в проезде через Германию.

При таких обстоятельствах я не мог выполнить поставленного мне требования еще и потому, что повод к телеграмме отнюдь не был установлен в то время. Телеграмма могла быть одинаково и ответом на запрос, и самостоятельным действием [10] в ответ на неоднократно повторявшиеся со стороны социал-демократических и буржуазных парламентских кругов требования о выступлении с предложением мирного посредничества.

Впредь до выяснения фактического положения я не имел никакого права без всяких околичностей брать на себя упрек в нарушении нейтралитета. На это я тем менее мог решиться, что, казалось, не исключена возможность к тому, что мое заявление может в один прекрасный день, если Антанте покажется это полезным, послужить для нее поводом произвести против Швейцарии такой же маневр и принять по отношению к ней такие же меры, какие были приняты в начале войны Германией против Бельгии. И наконец, я привык сам формулировать подписываемые мною заявления и никоим образом не позволять предписывать мне их содержание.

В этой плоскости оставались переговоры в среду. Они возобновились на другой день после обеда. Тем временем я обсудил дело, которое, само собой понятно, вышло далеко за рамки чисто личного дела, с несколькими политическими друзьями. Мы уговорились относительно нового проекта, который и был предъявлен министрам. Текста я при себе не имею, — из цензурных соображений я должен был до поры до времени оставить это заявление, как и остальные документы, относящиеся к де-

лу, в России. Поэтому я привожу на память содержание этого заявления, которое должно было появиться в русской прессе вместе с телеграммой и которое, однако, каким-то странным образом не было сообщено текстуально в иностранную прессу. Содержание являлось подтверждением первого моего заявления с следующим добавлением -

1. Что я при получении в Берне германской визы на паспорт избегал всяких политических бесед и во время переезда в Стокгольм избегал вступать в сношения с германскими социалистами большинства [11]

2. Что участие в этом деле швейцарского правительства может быть установлено только на месте.

3. Что я как социал-демократ уклоняюсь от использования меня в качестве посредника империалистических мирных планов между правительствами.

Это заявление вызвало дебаты. Точку зрения мою и моих политических друзей защищали товарищи Мартов и Аксельрод. Министры остались при своем мнении. Это заявление их опять не удовлетворило. В конце концов разошлись, не достигнув соглашения.

Все переговоры велись до сих пор строго конфиденциально. Особенно важное значение придавали этому министры, ибо они были также лишь конфиденциально осведомлены о деле. Между тем для нас, после неудачи переговоров, конфиденци-

альность уже больше не могла существовать. Мартов заявил от нашего имени, что мы более не чувствуем себя связанными тайной и возвращаем себе свободу действий, использование которой, впрочем, определится дальнейшими переговорами с министрами. Я сам останусь в распоряжении русского правительства еще 2–3 дня, после чего уеду обратно, причем моя поездка, независимо от всего дела, еще раньше по соглашению с моими друзьями была назначена на 15 июня. В пятницу поздно после обеда я был вызван на квартиру министра Скобелева. Дело казалось чрезвычайно спешным, так как меня разыскивали на автомобиле и вручили мне приглашение на квартире товарища Аксельрода, где я находился в тот момент. В то время как все предшествующие переговоры велись в присутствии свидетелей, на этот раз приглашение было адресовано только лично мне. Это показалось мне подозрительным, так что я предусмотрительно попросил товарища Аксельрода быть свидетелем также и этих переговоров.

В квартире Скобелева мы нашли только Церетели. Скобелев явился позже. Здесь удар разразился со всей силой. Без всяких дальнейших переговоров мне теперь было объявлено через Церетели, что оба министра должны были признать мое заявление недостаточным. Не будучи в состоянии ручаться за меня в дальнейшем пред правительством, они должны теперь представить дело его ходу. Телеграмма была на следующий день опубликована в Стокгольме и Петрограде вместе с моим заявлением».

Гримму было после этого дано понять, что он должен немедленно покинуть Россию. Он протестует против признания его германским агентом. Он слагает с себя пост председателя Циммервальдского объединения и предоставляет швейцарской партии решить вопрос, располагает ли он мандатом или нет. 20 июня Хеглунд заявил, что он, Карльсон и Нёрман временно займутся делами Международной социалистической комиссии. Балабанова была вызвана по телеграфу.

5. ДОКЛАД СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО ДЕЛУ ГРИММА, СДЕЛАННЫЙ 28 АВГУСТА 1917 ГОДА ПРАВЛЕНИЮ И ПРЕЗИДИУМУ ШВЕЙЦАРСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Избранная правлением Швейцарской социал-демократической партии следственная комиссия по делу Гримма выслушала товарища Гримма, рассмотрела протокол Стокгольмской следственной комиссии, ознакомилась с докладом товарища Гримма на имя члена правительства Адора и с другими документами. На основании всего этого материала она установила следующее:

А. Товарищу Гримму было поручено 17 апреля 1917 года Центральным комитетом по возвращению на родину русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии, поехать в Россию и там сделать устный доклад Временному правительству и Совету рабочих депутатов о положении русских эмигрантов и о мерах, которые надлежит принять для эвакуации их на родину. Он выехал из Берна 20 апреля и прибыл в Стокгольм 24-го. Перед своим отъездом Гримм хлопотал в русском посольстве о получении визы на паспорте; но там ему объяснили, что

будет сделан запрос у Временного правительства, и ответ он сможет получить в русском посольстве в Стокгольме. В Стокгольме ему пришлось ожидать ответа до 18 мая. В этот день он получил разрешение на переезд через русскую границу 22 мая тов. Гримм прибыл в Петроград. На покрытие расходов по поездке он получил от своих доверителей 1000 франков, кроме того, в виде аванса ему было выдано 500 франков из циммервальдской кассы. От Швейцарской социал-демократической партии Гримм не имел никакого поручения. Гримм письмом своим от 17 апреля на имя председателя партии поставил его в известность относительно цели своей поездки в Россию, подчеркнув, что речь идет о поручении чисто личного характера.

По категорическому заверению тов. Гримма, между ним и членом правительства Гофманом перед отъездом не состоялось никакого соглашения о посылке информации посредничества по ведению мирных переговоров и т. п. Он ограничился лишь тем, что однажды после краткой беседы, касающейся разрешения на провоз провизии в дорогу, обратился к министру Гофману с вопросом, может ли он обратиться за содействием к швейцарскому посольству в случае, если у него за границей возникнет какое-либо затруднение в пути или если ему понадобится какая-либо информация из Швейцарии. Министр Гофман сейчас же согласился, на этом и закончился краткий разговор.

Б. 25 мая тов. Гримм обратился к швейцарскому посольству в Петрограде и попросил атташе посольства телеграфировать министру Гофману следующее:

«Потребность мира ощущается здесь всеми.
Заключение мира становится крайне необходимым

с точки зрения политической, хозяйственной и военной. Это осознано в руководящих кругах. Создает затруднения Франция, тормозит Англия. Сейчас ведутся переговоры и шансы благоприятны. В ближайшие дни предстоит новый, более сильный нажим в этом направлении. Единственное, что грозит сорвать переговоры, это возможность немецкого наступления на востоке. Если оно не произойдет, то возможна ликвидация в сравнительно короткое время.

Созванная Советом рабочих депутатов международная конференция является только одним из проявлений мирной политики нового правительства. Считают, что конференция эта состоится наверняка, поскольку правительства не будут чинить препятствий с паспортами. Все страны обещали прислать своих представителей. Уведомьте меня, если возможно, какие известные вам военные цели преследуют правительства, так как благодаря этому могут быть облегчены переговоры. Я останусь в Петрограде еще приблизительно десять дней».

Атташе не возражал и обещал доложить просьбу послу. Вслед за тем посольство переслало 26–27 мая в зашифрованном виде запрос Гримма Гофману. 3 июня швейцарское посольство в Петрограде получило следующий зашифрованный телеграфный ответ от Гофмана:

«Министр Гофман уполномочивает вас, Гримма, сделать следующее устное сообщение со стороны Германии не будет предпринято наступления до тех пор, пока имеются шансы на мирное соглашение с Россией. На основании многократных бесед с влиятельнейшими лицами, убежден, что Германия,

как и Россия, стремится к почетному миру. В будущем имеется в виду установить тесные торговые, экономические связи и оказать финансовую поддержку для восстановления России. Обещается невмешательство во внутренние дела России, дружественное соглашение относительно Польши, Литвы, Курляндии с учетом их национальных особенностей, и возвращение занятых территорий в обмен на занятую Россией австрийскую территорию. Убежден, что Германия и ее союзницы готовы тотчас же приступить к мирным переговорам. Относительно целей войны — в отношении Германии могу сослаться на сообщение «Северогерманской всеобщей газеты» («Norddeutsche Allgemeine Zeitung»), где высказывается принципиальное согласие с Асквитом по вопросу об аннексиях и заявляется, что Германия не стремится ни к расширению своей территории, ни к дальнейшему политическому и экономическому усилению».

Это сообщение министра Гофмана было согласно инструкции устно передано посольством товарищу Гриму. Вскоре после этого русское Временное правительство, по-видимому, узнало об этой телеграмме Гофмана. Оно потребовало, через министров-социалистов Церетели и Скобелева, подробных объяснений от Грима. Гримм заявил, что ему ничего не известно о телеграмме и скрыл как от обоих социалистических министров, так и от других поддерживавших с ним связь партийных товарищей, что телеграмма Гофмана является ответом на посланный им запрос. Он высказал предположение, что это — попытка со стороны немецкого правительства использовать его пребывание в Петрограде в интересах немецкого империализма и в целях сепаратного мира. После

этого министры- социалисты потребовали от Гримма, чтобы он подтвердил свои слова письменным объяснением, которое бы содержало резкое разоблачение немецкого правительства и обвинение швейцарского правительства в готовности служить грязным орудием немецкого империализма Тогда Гримм дал следующее объяснение -

«1. Незадолго перед моим отъездом министры Церетели и М И. Скобелев сообщили мне о том, будто швейцарский посол в Петрограде получил телеграмму из Берна, содержащую поручение — поставить меня в известность насчет некоторых германских планов о мире.

Я констатирую, что швейцарский посол ни прямо, ни косвенно не делал мне подобных сообщений.

2. Содержание телеграммы должно рассматриваться как попытка Германии использовать мою деятельность в Петрограде, имеющую целью восстановить прерванные международные социалистические связи и содействовать всеобщему миру в интересах германского правительства, его дипломатических планов и сепаратного мира. Эту попытку следует охарактеризовать как грубый маневр.

3. Еще в Берне, визируя перед отъездом паспорт в немецком посольстве, я избегал разговоров на политические темы, точно так же я избегал во время проезда в Стокгольм какого-нибудь контакта с представителями немецкого социалистического большинства.

4. Что касается роли швейцарского правительства в этом деле, то я смогу это выяснить только на месте.

5. Будучи социал-демократом, я никому не позволю использовать себя в качестве посредника между правительствами для проведения империалистических планов мира. Всякую попытку подобного рода я буду беспощадно разоблачать.

Петроград, 31 мая (12 июня) 1917 г.

Роберт Гримм».

Оба министра нашли это объяснение недостаточно категорическим, а потому неудовлетворительным. Они потребовали, чтобы Гримм покинул Россию. Он уехал из Петрограда 16 июня.

Перед отправлением своего запроса министру Гофману товарищ Гримм не поставил в известность о предпринимаемом им шаге ни находившегося в тот момент в Петрограде члена Международной социалистической комиссии товарища Балабанову, ни кого-либо из партийных товарищей-циммервальдцев. Он действовал совершенно самостоятельно.

Заключение

1. Высказанное в отношении товарища Гримма подозрение, что он предпринял свой шаг в интересах немецкого империализма или что он даже является германским агентом, не было подтверждено ни в малейшей степени. Из содержания телеграммы, посланной Гофману, вытекает, что Гримм стремился ускорить всеобщий мир. Трехлетняя борьба, ко-

торию он вел против немецкого империализма, и поддержка, всегда оказываемая им немецкой оппозиции, говорят против подобного подозрения.

Стокгольмская следственная комиссия пришла к такому же заключению.

2. Возникает вопрос, какими же мотивами руководствовался Гримм. На основании показаний Гримма комиссия пришла к такому объяснению его поведения:

Как и многие другие, Гримм находился под впечатлением той мысли, что в случае продолжения войны завоеваниям революции угрожает опасность. Поэтому еще до посылки своей телеграммы он проводил в Совете рабочих и солдатских депутатов и на других собраниях ту мысль, что необходимо потребовать от Временного правительства, чтобы оно настояло перед союзниками на заключении немедленного и всеобщего перемирия, и что в случае отказа со стороны Временного правительства нужно потребовать выхода социалистических министров из состава правительства. Гримм заявляет, что еще до своего приезда в Петроград он задавал себе вопрос, который позже с разных сторон ему задавали в Петрограде: можно ли взять на себя ответственность и повести агитацию за немедленное и общее прекращение военных действий, если налицо имеется опасность, что Россия может подвергнуться нападению со стороны центральных держав и революция будет раздавлена военной силой? Эта тревога за судьбу русской революции побудила его решиться выяснить вопрос, насколько имеются объ-

ективные основания для подобного рода опасений, чтобы в зависимости от положения дела выбрать ту или иную тактику в борьбе за мир. В этом смысле он формулировал свой запрос министерству иностранных дел в Берне и просил посольство переслать таковой. Он обратился к министру иностранных дел потому, что ему было известно, что этот последний, в силу своих частых ответов на запросы о мире в швейцарском парламенте, лучше всех осведомлен насчет намерений правительства и военных целей воюющих держав, а также и потому, что от официального органа нейтральной державы можно было рассчитывать получить наиболее объективные информации. В качестве гражданина демократического государства он считал себя вправе обратиться в министерство иностранных дел этого государства с таким запросом. Для обоснования своей просьбы сообщить о целях войны он предположил своей телеграмме краткое изложение своих петербургских впечатлений.

Комиссия имеет тем меньше оснований игнорировать эти показания товарища Гримма, что и стокгольмская комиссия, лучше ее осведомленная, пришла к тому же заключению: «Главнейшим мотивом поведения Гримма следственная комиссия считает его заботу о судьбах русской революции, которой, по мнению Гримма, грозила опасность в случае дальнейшего продолжения войны и которую он хотел спасти при помощи переговоров о мире».

В силу сказанного необходимо констатировать, что мотивы, по которым Гримм совершил свои действия, безупречны.

3. Обращение Гримма к министру Гофману с тем, чтобы получить информацию о целях, преследуемых воюющими державами, следует признать необдуманном шагом с его стороны. Опубликованные правительствами, их министрами и их прессой цели войны были так же хорошо известны в Петрограде, как и в Берне. Поскольку товарищ Гримм дипломатическим путем пытался получить более подробные сведения, он впадал в противоречие с циммервальдским движением.

4. Но независимо от этого Гримм должен был самому себе сказать, что запрос его, адресованный министру Гофману, имеет важное значение, так как он, Гримм, имел намерение использовать ответ Гофмана для дальнейшей борьбы в защиту своей точки зрения. Его долг поэтому был посоветоваться с товарищем Балабановой и с другими товарищами, которых он впоследствии привлек на совещание для составления затребованного социалистически-ми министрами ответа, насколько допустим и не оппортунистичен такой шаг. Комиссия находит также, что тов. Гримм после предъявления копии телеграммы Гофмана не должен был дольше скрывать от своих партийных друзей истинное положение вещей.

Гримм оправдывает свой образ действий тем, что он имел в виду помешать правительствам Антанты применить в связи с телеграммой Гофмана

какие-либо репрессивные меры по отношению к Швейцарии. Комиссия, однако, находит, что, благодаря тому, что Гримм умолчал о посланной им телеграмме Гофману, международное положение Швейцарии скорее ухудшилось.

5. Если, с одной стороны, поведение Гримма справедливо заслуживает порицания, то, с другой стороны, не следует упускать из виду, что он своими действиями преследовал только одну цель, — служить русской революции и делу мира.

6. Нужно указать, кроме того, что тов. Гримм своей неустанной и бескорыстной деятельностью оказал партии столь ценные услуги, что кратковременные и случайные отклонения не должны иметь решающего значения.

Принимая во внимание все эти соображения, комиссия пришла к заключению, что тов. Гримм может снова вернуться к своей партийной работе, сохранив все политические мандаты и ответственные должности, на которые он поставлен своими избирателями и социал-демократическими партиями.

Грейлих, Клёти, Ланг, Г Мюллер, Нобс, Шнейдер

Товарищ Нэн вносит от имени меньшинства следующее предложение:

«Президиум Швейцарской социал-демократической партии порицает шаг Гримма, выразившийся в сношениях с министром Гофманом, так как он противоречит взглядам социалистов на диплома-

тию и так как Гримм этим самым подверг опасности мир и нарушил нейтралитет Швейцарии.

Он также порицает Гримма за недостаток искренности, проявленный им при даче объяснений по поводу его образа действий.

Президиум партии не компетентен решить вопрос о мандатах Гримма. Этот вопрос должен быть решен теми избирателями, которые выставили его кандидатуру или которые захотят выставить ее в будущем.

Нэн».

Доклад следственной комиссии и внесенные предложения подробно обсуждались в президиуме партии на заседании 1 сентября 1917 года в Аарау. При голосовании за предложение большинства было подано 18 голосов, за предложение меньшинства — 15 голосов. Президиум партии высказался, таким образом, за предложение большинства комиссии

Примечания:

[1] Гражданская война во Франции / Пер под ред Ленина// Красная новь 1923 С 36

[2] В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т.27. С. 50

[3] Приложение к брошюре А Гильбо «Ленин» Л, Прибой, 1924

[4] Новый стиль

[5] См. также с. 48

[6] Несколько дней спустя Мартов сообщил, что он остается при своем решении

[7] 25 марта старого стиля

[8] 27 марта старого стиля

[9] Милюков

[10] Гофмана

[11] Шейдемановцами

II. ВОСПОМИНАНИЯ

Н. Крупская

ИЗ ЭМИГРАЦИИ В ПИТЕР

Последнюю зиму (1916–1917 гг.) мы жили в Цюрихе. Жилось невесело. Рвалась связь с Россией: не было писем, не приезжали оттуда люди. От эмигрантской колонии — очень немногочисленной, впрочем, в то время в Цюрихе — мы держались, по заведенному обычаю, немного в стороне. Только каждый день, идя из эмигрантской столовой, забежал на минутку Гриша Усиевич, милый, погибший потом на фронте, молодой товарищ. По утрам довольно регулярно приходил к нам «племянник Землячки», сошедший с ума на почве голода большевик. Он ходил до такой степени оборванный и забрызганный грязью, что его перестали пускать в швейцарские библиотеки. Он старался поймать Ильича, чтобы что-то обсудить с ним, какие-то принципиальные вопросы, и приходил до 9 часов, пока еще Ильич не ушел в библиотеку. Так как эти интервью с сумасшедшим человеком приводили обычно к тому, что потом болело «все на свете», как выражалась одна знакомая девчурка, то мы стали

уходить до библиотеки погулять вдоль озера. Мы нанимали комнату в швейцарской рабочей среде. Комната была не очень целесообразная. Старый мрачный дом, постройки чуть ли не XVI столетия, окна можно было отворять только ночью, так как в доме была колбасная и со двора нестерпимо несло гнилой колбасой. Можно было, конечно, за те же деньги получить гораздо лучшую комнату, но мы дорожили хозяевами. Это были заправские рабочие, ненавидевшие капитализм, инстинктивно осуждавшие империалистическую войну. Квартира у нас была поистине «интернациональная»: в двух комнатах жили хозяева — по профессии столяр и сапожники, в одной — жена немецкого солдата-булочника с детьми, в другой — какой-то итальянец, в третьей — австрийские актеры, с изумительной рыжей кошкой, в четвертой — мы, россияне. Никаким шовинизмом не пахло, а однажды во время того, как мы с хозяйкой поджаривали в кухне на газовой плите каждая свой кусок мяса, хозяйка возмущенно воскликнула: «Солдатам надо обратить оружие против своих правительств!». После этого Ильич и слышать не хотел о том, чтобы менять комнату, и особо ласково раскланивался с хозяйкой.

К сожалению, швейцарские социалисты были настроены менее революционно, чем жена рабочего В. И. попробовал одно время повести работу в интернациональном масштабе. Стали собираться в небольшом кафе «Zum Adler» на ближайшей улочке. Несколько русских и польских большевиков, швейцарские социалисты, кое-кто из немецкой и итальянской молодежи. На первое собрание пришло что-то около 40 человек. Ильич изложил свою точку зрения на войну, на необходимость осудить вождей, изменивших делу пролетариата, излагал программу действий. Иностранная публика, хотя собрались

интернационалисты, была смущена решительностью Ильича. Помню речь одного представителя швейцарской молодежи, говорившего на тему, что стену нельзя пробить лбом. Факт тот, что наши собрания стали таять, и на четвертое собрание явились только русские и поляки. Пошутили и разошлись по домам. Впрочем, к этому времени относится возникновение более тесной связи с Фрицем Платтенем и Вилли Мюнценбергом.

Помнится мне одна сцена из несколько более позднего времени. Забрели мы однажды в другую, более фешенебельную часть Цюриха и неожиданно наткнулись на Нобса, редактора цюрихской социалистической газеты, ходившего тогда в левых Нобс, завидя Ильича, сделал вид, что хочет сесть в трамвай. Ильич все же захватил его и, крепко держа за пуговицу, стал излагать свою точку зрения на неизбежность мировой революции. Комична была фигура, не знавшего как улизнуть от неистового русского, левого оппортуниста Нобса, но фигура Ильича, судорожно сжимавшего пуговицу Нобса и стремившегося его распропагандировать, показалась мне трагической. Нет выхода колоссальной энергии, гибнет безвестно бесконечная преданность трудящимся массам, ни к чему ясное осознание совершающегося. И почему-то вспомнился мне белый северный волк, которого мы видели с Ильичем в лондонском зоологическом саду и долго стояли перед его клеткой. «Все звери с течением времени привыкают к клетке: медведи, тигры, львы, — объяснил нам сторож. — Только белый волк с русского севера никогда не привыкает к клетке — и день и ночь бьется о железные прутья решетки». Разве пропагандировать Нобса не значило биться о прутья решетки.

Мы собирались уходить в библиотеку, когда пришел тов. Бронский и рассказал нам о Февральской рево-

люции. Ильич как-то растерялся. Когда Бронский ушел и мы несколько опомнились, мы пошли к озеру, где под навесом каждый день расклеивались все швейцарские газеты. Да, телеграммы говорили о революции в России.

Ильич метался. Он попросил Вронского разузнать, нельзя ли как-нибудь через контрабандиста пробраться через Германию в Россию. Скоро выяснилось, что контрабандист может довести только до Берлина. Кроме того, контрабандист был как-то связан с Парвусом, а с Парвусом, нажившимся на войне и превратившимся в социал-шовиниста, В. И. никакого дела иметь не хотел. Надо искать другого пути. Какого? Можно перелететь на аэроплане, не беда, что могут подстрелить. Но где этот волшебный аэроплан, на котором можно донестись до делающей революцию России? Ильич не спал ночи напролет. Раз ночью говорит: «Знаешь, я могу поехать с паспортом немого шведа». Я посмеялась. «Не выйдет, можно во сне проговориться. Приснятся ночью кадеты, будешь сквозь сон говорить: сволочь, сволочь. Вот и узнают, что не швед». Во всяком случае, план ехать с паспортом немого шведа был более осуществим, чем лететь на каком-то аэроплане. Ильич написал о своем плане в Швецию Ганецкому. Но из этого, конечно, ничего не вышло. Когда выяснилось, что при помощи швейцарских товарищей можно будет получить пропуск через Германию, Ильич сразу взял себя в руки и старался обставить дело так, чтобы ничто не носило характера самомалейшей сделки не только с германским правительством, но и с немецкими социал-шовинистами, старался все юридически оформить. Шаг был смелый не только потому, что грозила клевета, обвинение в измене отечеству, но и потому, что не было никакой уверенности, что Германия действительно пропустит, не интернирует большевиков. Потом, следом

за большевиками, двинулись тем же путем и меньшевики и другие группы эмигрантов, но сделать первый шаг никто не решался. Когда пришло из Берна письмо, что дело улажено и можно двинуться оттуда в Германию, Ильич сказал «Поедем с первым поездом». До поезда оставалось два часа. Я усомнилась. Надо было ликвидировать «весь дом», возвратить книги в библиотеку, расплатиться с хозяйкой и т. п. «Поезжай один, я приеду завтра». — «Нет, поедем» «Дом» был ликвидирован, уложены книги, уничтожены письма, отобрано кое-какое бельишко и самые необходимые вещи. Мы уехали. С первым поездом. Мы могли и не спешить, так как была Пасха и из-за этого вышла какая-то задержка с нашей отправкой.

В Бернский народный дом стали съезжаться едущие большевики: ехали мы, Зиновьевы, Усиевичи, Инесса Арманд, Харитонов, Сокольников, Миха Цхакая и другие. Ехала бундовка с прелестным кудрявым четырехлетним сынишкой, Робертом, не умеющим говорить по-русски, а только по-французски. Под видом россиянина ехал с нами Радек. Сопровождал нас Платтен.

Во всю дорогу мы ни с кем из немцев не разговаривали, около Берлина в особое купе сели немецкие с.-д., но с ними никто из наших говорить не стал, и только Роберт, заглянув к ним в купе, стал их допрашивать: «Le conducteur, qu'est-ce qu'il fait?» Не знаю, ответили ли немцы Роберту, что делает кондуктор, но своих вопросов большевикам им так и не удалось предложить. Мы смотрели в окно вагона, и нас поражало полное отсутствие мужчин: одни женщины, подростки и дети, и в городе, и в деревне. Нам давали обед в вагон — котлеты с горошком. Очевидно, желали показать, что в Германии всего в изобилии. Проехали благополучно.

В Стокгольме нас встретили речами, в зале вывесили красное знамя и устроили собрание. Как-то плохо помню Стокгольм, все мысли уже были в России. На финских вейках переехали границу. Было уже все милое, свое — плохенькие вагоны третьего класса, русские солдаты. Ужасно хорошо было. Немного погодя Роберт уже очутился на руках какого-то пожилого солдата, обнял его ручонкой за шею и что-то лопотал по-французски, и ел творожную пасху, которой кормил его солдат. Наши прильнули к окнам. На перронах станций, мимо которых проезжали, стояли гурьбой солдаты Усиевич высунулся в окно. «Да здравствует мировая революция!» — крикнул он. Недоуменно посмотрели на едущих солдаты. Мимо нас прошел несколько раз бледный поручик, и, когда мы с Ильичем перешли в соседний пустой вагон, подсел к нему и заговорил с ним. Поручик был оборонцем, Ильич защищал свою точку зрения — был тоже ужасно бледен. А в вагон мало-помалу набирались солдаты. Скоро набился полный вагон. Солдаты становились на лавки, чтобы лучше слышать и видеть того, кто так понятно говорит против грабительской войны. И с каждой минутой росло их внимание, напряженнее делались их лица.

В Белоострове нас встретили Мария Ильинична, Шляпников, Сталь и другие. Были работницы. Сталь все убеждала меня сказать им несколько приветственных слов, но у меня пропали все слова, я ничего не могла сказать. Товарищи сели с нами и стали рассказывать. Скоро мы приехали в Питер.

Питерские массы, рабочие, солдаты, матросы встречали своего вождя. Как узнали они о нем? Не знаю. Кругом народное море, стихия.

Тот, кто не пережил революции, не представляет себе ее величественной, торжественной красоты.

Красные знамена, почетный Караул из кронштадтских моряков, рефлекторы Петропавловской крепости, освещающие путь от Финляндского вокзала к дому Кшесинской, — броневики, цепь из рабочих и работниц, охраняющая путь. Ильича ставят на броневик. Он что-то говорит. А кругом те, кто ближе ему всех на свете, народные массы.

Революционный народ одинаково торжественно и встретил своего вождя, и проводил его в могилу.

Г. Зиновьев

ПРИЕЗД В. И. ЛЕНИНА В РОССИЮ

Весть о Февральской революции застала пишущего эти строки в Берне В. И. жил в это время в Цюрихе. Помню, я возвращался из библиотеки, ничего не подозревая. Вдруг вижу на улице большое смятение. Нарасхват берут какой-то экстренный выпуск газеты «Революция в России».

Голова кружится на весеннем солнце. С листком с еще не обсохшей типографской краской спешу домой Там застаю уже телеграмму от В. И., зовущую «немедленно» приехать в Цюрих

Ждал ли Владимир Ильич столь быстрой развязки? Кто перелистает наши писания тогдашнего времени (сборник «Против течения»), тот увидит, как страстно призывал В. И. русскую революцию и как ждал он ее. Но такой быстрой развязки событий все же никто не ждал. Весть пришла неожиданно.

Итак, царизм пал! Лед тронулся. Империалистской бойне нанесен первый удар. С пути социалистической революции убрано одно из важнейших препятствий. То, о чем мечтали целые поколения русских революционеров, наконец свершилось.

Помню несколько часов ходьбы по залитым весенним солнцем улицам Цюриха. Мы бродили с В. И. бесцельно, находясь под впечатлением нахлынувших событий, строя всевозможные планы, поджидая новых телеграмм у подъезда редакции «Новой цюрихской газеты», строя догадки на основании отрывочных сведений. Но, конечно, не прошло и нескольких часов, как мы взяли себя в руки.

Надо ехать. Что сделать, чтобы вырваться отсюда поскорей, — вот главная мысль, которая господствует над всем остальным.

Чуя приближение грозы, В. И. особенно томился последние месяцы. Точно не хватало воздуха для легких. Тянуло к работе, тянуло к борьбе, а в швейцарской «дыре» ничего не оставалось больше, как сидеть в библиотеках. Вспоминаю, с какой «завистью» (именно, завистью, не нахожу другого слова) смотрели мы на швейцарских с — д, которые как-никак жили среди своих рабочих, с головой ушли в рабочее движение своей страны. Между тем как мы были отрезаны от России в небывалой еще степени. Никогда раньше не тянуло в Россию с такой силой. Истосковались по русской речи, по русскому воздуху. Предчувствие революционной грозы заставляло томиться с особенной силой В. И. в это время прямо напоминал льва, запертого в клетке.

Надо ехать. Дорога каждая минута. Но как проехать в Россию? Империалистская бойня достигла апогея. Шо-

винистские страсти бушуют во всю мочь. В Швейцарии мы отрезаны от всех воюющих государств. Все пути заказаны, все дороги отрезаны. Вначале мы как-то не отдавали себе в этом отчета. Но уже через несколько часов стало ясно, что мы сидим за семью замками, что прорваться будет нелегко. Рванулись в одну, в другую сторону, послали ряд телеграмм, — ясно не вырваться. В. И. придумывает планы, один другого неосуществимее: проехать в Россию на аэроплане (не хватает малого, аэроплана, нужных для этого средств, согласия властей и т. п.), проехать через Швецию по паспортам глухонемых (увы, мы не знаем ни слова по-шведски), добиться обмена на немецких военнопленных, попробовать проехать через Лондон, и т. п. Ряд эмигрантских совещаний (с меньшевиками, эсерами и т. п.) по вопросу о том, как реализовать амнистию и двинуться всем желающим в Россию. В. И. сам на эти совещания не ходит, посылает меня, больших надежд на все это не возлагает.

Как только выяснилось, что в ближайшие дни, во всяком случае, уехать не удастся, В. И. садится за свои известные «Письма из далека». В нашей маленькой группе начинается интенсивная работа по определению нашей линии в начавшейся революции. Ряд писаний В. И., относящихся к этому времени, достаточно известен. Вспоминаю несколько горячих споров в Цюрихе, в небольшом рабочем ресторанчике и однажды в квартире В. И. по вопросу о том, можем ли мы уже сейчас дать лозунг низвержения правительства Львова. Некоторые тогдашние «левые» настаивают на том, что большевики обязаны выступить немедленно с этим лозунгом. В. И. решительно против. «Терпеливо и настойчиво разъяснять», сказать народу всю правду, но вместе с тем уметь до-

ждаться завоевания большинства революционного пролетариата и т. д. — вот наша задача.

...Решено. Другого выбора нет. Мы едем через Германию. Будь, что будет, но ясно, что В. И. должен, как можно скорей, очутиться в Ленинграде*. Впервые высказанная мысль о порядке проезда через Германию встретила, как и следовало ожидать, бурю негодования со стороны меньшевиков, эсеров и всей вообще небольшевистской эмиграции. Были некоторые колебания даже среди большевиков. И понятно: риск был немалый.

Помню, на Цюрихском вокзале, когда мы все сели уже в вагон, чтобы двигаться к швейцарской границе, небольшая группа меньшевиков и эсеров устроила Владимиру Ильичу нечто вроде враждебной демонстрации. В последнюю минуту, буквально за пару минут до отхода поезда, тов. Рязанов в большом возбуждении отзывает пишущего эти строки в сторону и говорит: «В. И. увлекся и забыл об опасностях; вы — хладнокровнее. Поймите же, что это безумие. Уговорите В. И. отказаться от плана ехать через Германию».

Однако через несколько недель к тому же «безумному» решению вынуждены были прийти и Мартов, и другие меньшевики.

Уехали. Помню жуткое впечатление замершей страны, когда мы ехали по Германии. Берлин, который мы видели только из окна вагона, напоминал кладбище

Волнение, которое все мы переживали, как-то стерло впечатление времени и пространства. Слабый след остался в памяти от Стокгольма. Машинально ходили по улицам, машинально что-то закупали из самого необходимого для поправления неказистого туалета В. И. и

других и чуть ли не каждые полчаса справлялись о том, когда же уходит поезд в Торнео.

Картина русских событий и в Стокгольме крайне еще неясна. Двусмысленная роль Керенского не вызывает уже сомнений. Но что делает Совет? Так ли уже вселился в Совете Чхеидзе и К°? За кого большинство рабочих? Какую позицию заняла большевистская организация? Все это еще неясно.

Торнео. Помнится, это было ночью. Переезд по замерзшему заливу на санях. Длинная узенькая лента саней. На каждых из этих саночек по два человека. Напряжение достигает максимальной степени. Наиболее экспансивные из молодежи (покойный Усиевич) нервничают необычайно. Сейчас мы увидим первых революционных русских солдат. В. И. внешне спокоен. Его прежде всего интересует то, что делается там, в далеком Петербурге. Через замерзший залив, занесенный глубокими снегами, он напряженно смотрит вдаль, и глаз его как будто видит на полторы тысячи верст вперед то, что происходит в революционной столице.

Мы на русской стороне границы (нынешняя граница Финляндии со Швецией). Наша молодежь прежде всего набросилась на русских солдат-пограничников (было их, вероятно, только несколько десятков человек), с которыми начинает зондирующие беседы. В. И. прежде всего набросился на русские газеты. Отдельные номера питерской «Правды» — нашей «Правды.» В. И. впился в газетные столбцы. Качает головой, с укором разводит руками: прочел известие о том, что Малиновский оказался-таки провокатором. Дальше, дальше. Настоящую тревогу вызывают у В. И. некоторые недостаточно выдержанные с точки зрения интернационализма статьи в первых номе-

рах «Правды». Неужели? В «Правде» недостаточно ясна интернационалистская позиция! Ну, мы с ними «повоюем», линия будет исправлена скоро.

Первые встречи с «керенскими» поручиками, «революционными демократами». Затем — с первыми русскими революционными солдатами, которых В. И. уже через час беседы окрестил «добросовестными оборонцами», которым надо особенно «терпеливо разъяснять». По приказанию властей группа солдат сопровождает нас до столицы. Сели в вагоны. В. И. «впился» в этих солдатиков. Пошли разговоры о земле, о войне, о новой России. Особая, достаточно хорошо известная манера В. И. подходить к рядовым рабочим и крестьянам сделала то, что через самое короткое время установилось великолепное товарищеское взаимоотношение. Беседа идет всю ночь напролет. Но солдаты-оборонцы стоят на своем. Первый вывод, который делает В. И.: оборончество — еще большая сила. В борьбе с ним нам нужна твердая настойчивость. Но столь же необходимы терпение и умелый подход.

Все мы были твердо уверены, что по приезде в Ленинград мы будем арестованы Милюковым и Львовым. Больше всех в этом уверен был В. И. И к этому он готовил всю группу товарищей, следовавших за ним. Для большей верности мы отобрали даже у всех ехавших с нами официальные подписки в том, что они готовы пойти в тюрьму и отвечать перед любым судом за принятое решение поехать через Германию.

Чем ближе к Белоострову, тем больше возрастает волнение. В Белоострове, однако, власти встречают нас достаточно дружелюбно. Один из керенских офицеров,

исполняющий должность коменданта Белоострова, даже «рапортует» Владимиру Ильичу.

В Белоострове нас встречают ближайшие друзья. Среди них Каменев, Сталин и многие другие. В тесном полутемном купе третьего класса, освещенном огарком свечи, происходит первый обмен мнениями. В. И. забрасывает товарищей рядом вопросов.

— Будем ли мы арестованы в Ленинграде?

Встречающие нас друзья определенного ответа не дают, но загадочно улыбаются. По дороге, на одной из станций, ближайших к Сестрорецку, сотни сестрорецких пролетариев приветствуют В. И. стой сердечностью, с которой рабочие относились только к нему. Его подхватывают на руки. Он произносит первую короткую приветственную речь.

Перрон Финляндского вокзала в Ленинграде. Уже ночь. Только теперь мы поняли загадочные улыбки друзей. В. И. ждет не арест, а триумф. Вокзал и прилегающая площадь залиты огнями прожекторов. На перроне длинная цепь почетного караула всех родов оружия. Вокзал, площадь и прилегающие улицы запружены десятками тысяч рабочих, восторженно встречающих своего вождя. Гремит «Интернационал». Десятки тысяч рабочих и солдат горят энтузиазмом.

В течение нескольких секунд В. И. «перестраивает ряды». В так называемой императорской комнате В. И. ждет «сам» Чхеидзе, во главе целой делегации от Совета. От имени «революционной демократии» лиса Чхеидзе приветствует В. И., «выражает надежду» и т. д. Не моргнув бровью, В. И. отвечает коротенькой речью, которая от первого до последнего слова хлещет, как бичом, по лицу почтенной «революционной демократии». Речь кон-

чается возгласом: «Да здравствует социалистическая революция!»»

С этой минуты нахлынула могучая человеческая волна. Первое впечатление: мы — щепочки в этой волне. Владимира Ильича подхватили, посадили на броневой автомобиль. В броневике он совершает свой первый въезд в революционную столицу, объезжая густые ряды рабочих и солдат, воодушевлению которых нет границ. Произносит коротенькие речи, бросая в массы лозунги социалистической революции.

Через час мы все во дворце Кшесинской, где собралась почти вся большевистская партия. До утра льются речи товарищей, которым в конце отвечает В. И. Рано утром, чуть брезжит свет, мы расходимся, с наслаждением вдыхая воздух родного Петербурга. Идем через Неву, которой не видели уже столько лет. В. И. бодр и весел. Для каждого у него находится доброе слово. Всех помнит. Со всеми завтра же встретится на начинающейся новой работе.

Кругом бодрые лица. Приехал вождь. С нескрываемой радостью, восторгом и любовью все смотрят на Владимира Ильича и регистрируют этот факт.

В. И. в России, в революционной России, после долгих лет изгнания. Первая из первого ряда революций началась. Революционная Россия обрела настоящего вождя. Начинается новая глава в истории международной пролетарской революции.

* В то время Петроград

К. Радек

В ПЛОМБИРОВАННОМ ВАГОНЕ

(Маленькие дополнения к рассказам тов. Зиновьева и тов. Крупской о том, как Ильич проехал через Германию)

Прошлые события теряются в нашей памяти, приобретают характер теней, многое конкретное улетучивается. Эта судьба постигла и воспоминания тов. Зиновьева и Крупской о том, как Владимир Ильич проезжал через Германию. Поэтому я дополню несколько штрихов, которые стоит закрепить.

Во-первых, насчет переговоров с Германией о пропуске наших. Когда Владимир Ильич пришел к убеждению, что нечего и мечтать о том, чтобы союзники пропустили его с товарищами, ему оставалось выбрать одно из двух: либо попытаться переехать нелегально через Германию, либо сделать то же самое с ведома властей. Нелегальный проезд был связан с громадным риском. Риск состоял не только в том, что очень легко было провалиться, но и в том, что неизвестно было, где кончаются контрабандисты, услугами которых предстояло воспользоваться, и где начинаются шпионы правительства. Если большевики могли решиться на сделку с германским правительством насчет своего переезда, то эта сделка должна была быть открытой, ибо только тогда уменьшалась возможность использования ее против вождя пролетарской революции. Поэтому мы все были за открытую сделку. По поручению Владимира Ильича я и Леви, тогдашний член союза Спартака, находившийся проездом в Швейцарии, обратились к знакомому нам представителю

франкфуртской газеты: если не ошибаюсь, фамилия его была доктор Дейнгард. Через него мы запросили германского посланника Ромберга, пропустит ли Германия русских эмигрантов, возвращающихся в Россию. Ромберг, в свою очередь, запросил министерство иностранных дел и получил принципиальное согласие. Тогда мы выработали условия, на которых соглашались ехать через Германию. Главнейшие из них состояли в следующем: германское правительство пропускает всех желающих ехать, не спрашивая их фамилий. Проезжающие пользуются экстерриториальностью, и никто по дороге не имеет право вступать с ними в какие бы то ни было переговоры. С этими условиями мы послали к Ромбергу швейцарского социалистического депутата Роберта Гримма, секретаря Циммервальдского объединения, нашего единомышленника тов. Платтена. Мы встретились с ними после их свидания с Ромбергом в Народном Доме. Гримм рассказывал, как удивлен был германский посол, когда ему прочитали наши условия проезда через Германию. «Извините, — сказал германский посол, — кажется, не я прошу разрешения проезда через Россию, а господин Ульянов и другие просят у меня разрешения проехать через Германию. Это мы имеем право ставить условия». Но он, тем не менее, передал наши требования в Берлин. На следующие переговоры мы послали уже тов. Платтена. На этом настоял Владимир Ильич по следующим причинам: Роберт Гримм в разговоре обронил фразу, что он бы предпочитал один вести переговоры, ибо Платтен, хотя и хороший товарищ, но плохой дипломат. «А никто ведь не знает, что еще из этих переговоров может выйти». Владимир Ильич посмотрел очень внимательно на Гримма, прижмурился одним глазом, а после его ухода сказал: «Надо во что бы то ни стало устранить Гримма от этих перегово-

ров. Он способен из-за личного честолюбия начать какие-нибудь разговоры о мире с Германией и впутать нас в грязное дело». Мы поблагодарили Гримма за его услуги, заявив ему, что он перегружен работой, и мы его не хотим беспокоить. Предчувствие Ильича, как известно, оправдалось полностью. Гримм, который продолжал вести переговоры от имени группы Мартова, безусловно, уже в Швейцарии впутался в разговоры об условиях мира, и после, пробравшись в Петроград, сообщал «своему» правительству о видах на мир, что, в свою очередь, вероятно, передавалось немцам. Попытки представить его в качестве германского шпиона или агента нелепы. Его подмывало стремление сыграть крупную роль, которую Ильич всегда считал пружиной его действий. Немцы, которые надеялись, что мы, большевики, в России сыграем роль противников войны, согласились на наши условия. Господам, которые по этому поводу по сегодняшний день хулят большевиков, предлагаю прочесть воспоминания Людендорфа, который до сих пор рвет волосы на своей голове, поняв, что, пропустив большевиков, он оказал этим услугу не германскому империализму, а мировой революции.

Итак, мы выехали. Приехали мы швейцарским поездом в Шафхаузен, где надо было пересесть в германский поезд. Это был жгучий момент, который остро врезался в мою память. Нас ожидали германские офицеры. Они указали нам зал таможни, в котором должны были пересчитать число живых «снарядов», транспортируемых ими в Россию. Паспорта спрашивать на основе договора они не имели права. Поэтому в таможне мужчин разделили по обе стороны стола, чтобы по дороге кто-нибудь из нас не улетучился или, подменив русского большевика немецкой барышней, не оставил в Германии зародыш рево-

люции. (Я имел большое влечение проделать это, к чему, как австриец, имел даже моральное право, но Ильич был против). Мы стояли молча, и чувство было очень жуткое. Владимир Ильич стоял спокойно у стены, окруженный товарищами. Мы не хотели, чтобы они к нему присматривались. Бундовка, которая везла с собой четырехлетнего сынишку, поставила его на стол. На мальчика, видно, подействовало общее молчание, и он вдруг спросил острым ясным детским голосом: «Мамеле, вуси дуэс?» Знатоки французского языка увидят, насколько ошибается т. Крупская, считая, что наш маленький друг Роберт говорил только по-французски. Я не помню, насколько он владел французским языком, но помню очень хорошо этот его разрядивший атмосферу выкрик на... минско-английском наречии.

Когда мы устраивались в вагоне, началась возня с Владимиром Ильичом. Мы его с Надеждой Константиновной поместили в особом купе (против чего он протестовал), чтобы дать ему возможность спокойно работать. Но не очень-то мы давали ему работать по дороге! В соседнем купе находились тов. Сафаров с женой, тов. Ольга Равич, Инесса Арманд и я. Мы с Сафаровым тогда не ссорились насчет оппортунизма, но все-таки в вагоне было очень шумно. Поздним вечером Ильич ворвался в наше купе, дабы увести тов. Ольгу Равич, считая ее и меня главными зачинщиками шума. Для установления правды перед историей и контрольной комиссией, я должен здесь засвидетельствовать, что т. Ольга была всегда серьезным партийным товарищем, что анекдоты рассказывал исключительно я, являясь, таким образом, виновником шума. Поэтому наше купе доблестно отстояло товарища Ольгу. Но должен одновременно заметить, что и моего исключения никто не требовал...

Ильич всю дорогу работал. Читал, записывал в тетрадки, но кроме того занимался и организационной работой. Это дело очень деликатное, но я его все-таки расскажу. Шла постоянная борьба между курящими и некурящими из-за одного помещения в вагоне. В купе мы не курили из-за маленького Роберта и Ильича, который страдал от курения. Поэтому курящие пытались устроить салон для курения в месте, служащем обыкновенно для других целей. Около этого места поэтому происходило непрерывное скопление народа и перепалки. Тогда Ильич порезал бумагу и раздал пропуска. На три ордера одной категории, на три билета категории А, предназначенных для законно-пользующихся оным помещением, следовал 1 билет для курящих. Это вызывало споры о том, какие потребности человеческие имеют большую ценность, и мы очень жалели, что не было с нами тов. Бухарина, специалиста по теории Бем-Баверка о предельной полезности.

Кажется, в Карлсруэ пришел сопровождавший нас Платтен и известил нас, что в поезде находится Янсон, член германской комиссии профессиональных союзов, который передает привет от Легина и хочет нас приветствовать от имени германских профсоюзов. Ильич приказал прогнать его «к чортовой бабушке» и отказался его принять. Так как Янсон меня знал, а я ехал, как австриец, — зайцем, то товарищи побоялись, что мой проезд сделается известным. Видно, мне с самого начала суждено было создавать затруднения тов. Чичерину в его дипломатических отношениях с Германией. Меня спрятали в купе, в котором находился багаж, дав мне, как прожиточную норму, около 50 газет, чтобы я молчал и не делал скандала. Бедняжка Янсон был Платтеном отослан в вагон, где помещались сопровождавшие нас немецкие офи-

церы. Несмотря на полученную пощечину, он очень старался и на всякой станции покупал для нас германские газеты и обижался, когда Платтен возмещал ему их стоимость.

Во Франкфурте поезд стоял дольше, и платформа, на которой он задержался, была оцеплена военной стражей. Вдруг цепь была прорвана, и к нам ворвались германские солдаты, услышавшие о том, что проезжают русские революционеры, стоящие за мир. Всякий из них держал в обеих руках по кувшину пива. Они набросились на нас с неслыханной жадностью, допрашивая, будет ли мир, и когда. Это настроение солдат сказало нам о положении больше, чем это было полезно для германского правительства. Настроение было тем более характерно, что все солдаты были шейдемановцами. Больше никого мы всю дорогу не видели. В Берлине платформа, на которой стоял поезд, была оцеплена штатскими шпионами. Так мы доехали до Засница, где сели на пароход. Там от нас требовали выполнения обыкновенных формальностей — заполнения анкет. Ильич видел в этом какую-то коварную хитрость врага, и приказал подписываться разными псевдонимами, что позже привело к комичному недоразумению. Пароходное радио получило запрос из Треллеборга, едет ли на этом пароходе Ульянов. Это наш товарищ Ганецкий, ожидавший нас в шведской гавани уже несколько дней, притворившись представителем русского Красного Креста, добился права пользования правительственным радио. Капитан знал из анкет, что никакого Ульянова нет, но на всякий случай спросил, нет ли случайно между нами господина Ульянова. Ильич долго косился, пока, наконец, признался, что он и есть Ульянов, после чего Ганецкий был извещен, что мы едем.

В Треллеборге мы произвели потрясающее впечатление. Ганецкий заказал для всех нас ужин, которому предшествовали по шведскому обычаю закуски. Наша голытьба, которая в Швейцарии привыкла считать селедку обедом, увидев громадный стол, заставленный бесконечным количеством закусок, набросилась как саранча и вычистила все до конца к неслыханному удивлению кельнеров, которые до этого времени привыкли видеть за закуочным столом только цивилизованных людей. Владимир Ильич ничего не ел. Он выматывал душу из Ганецкого, пытаясь от него узнать про русскую революцию все... что Ганецкому было неизвестно. Утром мы прибыли в Стокгольм. Ожидали нас шведские товарищи, журналисты, фотографы. Впереди шведских товарищей шагал в цилиндре доктор Карльсон, большой дутый болван, который благополучно оставил уже коммунистическую партию и вернулся в берлогу к Брантингу. Но тогда он, как самый солидный из шведских левых социалистов, принимал нас и председательствовал совместно с честным сентиментальным бургомистром Стокгольма, Линдхагеном, на завтраке в нашу честь. (Швеция отличается от всех других стран тем, что там по всякому поводу устраивается завтрак, и когда в Швеции произойдет социальная революция, то будет сначала устроен завтрак в честь уезжающей буржуазии, а после — завтрак в честь нового революционного правительства.) Вероятно, добропорядочный вид солидных шведских товарищей вызвал в нас страстное желание, чтобы Ильич был похож на человека. Мы уговаривали его купить хотя бы новые сапоги. Он уехал в горских сапогах с гвоздями громадной величины. Мы ему указывали, что если полагается портить этими сапогами тротуары пошлых городов буржуазной Швейцарии, то совесть должна ему запретить с такими инстру-

ментами разрушения ехать в Петроград, где, быть может, теперь вообще нет тротуаров. Я отправился с Ильичом в стокгольмский универсальный магазин, сопровождаемый знатоком местных нравов и условий еврейским рабочим Хавиным. Мы купили Ильичу сапоги и начали его прельщать другими частями гардероба. Он защищался, как мог, спрашивая нас, думаем ли мы, что он собирается по приезду в Петроград открыть лавку готового платья, но все-таки мы его уломали и снабдили парой штанов, которые я, приехав в октябре в Питер, на нем и открыл, несмотря на бесформенный вид, который они приняли под влиянием русской революции. В Стокгольме пытался познакомиться с Лениным от имени ЦК германской социал-демократии Парвус, но Ильич не только отказался его принять, но приказал мне, Воровскому и Ганецкому совместно с шведскими товарищами запротоколировать это обращение. Весь день прошел в суетне, беготне, но перед отъездом Ильича состоялось еще деловое совещание. Ганецкий и Воровский, живущие постоянно в Стокгольме, и я, не могущий ехать в Петроград из-за своего грешного австрийского происхождения, были назначены заграничным представительством ЦК (это назначение должно было быть подтверждено из Петрограда). Ильич давал последние советы о постановке связи с нашими единомышленниками в других странах и связи с русским ЦК. Наконец, он торжественно вручил нам весь капитал заграничной группы ЦК, кажется, 300 шведских крон и какие-то шведские бумаги государственного займа той же стоимости. Смутно вспоминаем, что наши капиталы в этих займах помещал Шляпников, когда сидел в Швеции в качестве агента ЦК.

Приближается момент отъезда. Мы совместно с шведскими товарищами и частью русской колонии в

Стокгольме отправились из гостиницы «Регина» на вокзал. Когда наши уже погрузились, какой-то русский, сняв шляпу, начал речь к Ильичу. Пафос начала речи, в которой Ильич чувствовался, как «дорогой вождь», заставил Ильича приподнять немножко котелок, но «оратор» перешел в наступление. Дальнейший смысл его речи был приблизительно таков: смотри, дорогой вождь, чтобы ты там в Петрограде не наделал никаких гадостей. Смущение, с которым Ильич прислушивался к первым лестным фразам речи, уступило место лукавой улыбке. Поезд тронулся, мы еще момент видели эту улыбку...

Ганецкий

ПРИЕЗД ТОВ. ЛЕНИНА ИЗ ШВЕЙЦАРИИ В РОССИЮ

(1917 г.)

«Ильич должен во что бы то ни стало скорее добираться в Россию», — вот рефлекс после первых сообщений о февральской революции... Помню, когда я на вызов тов. Пятакова и Коллонтай приехал к ним из Стокгольма в Христианию*, мы, помимо всяких других планов, в первую голову коснулись этого вопроса. И длинную телеграмму к Владимиру Ильичу, где мы представили нашу оценку положения и просили Владимира Ильича высказаться, заканчиваем: «Вашу поездку в Россию считаем необходимой, поезжайте хотя бы в Финляндию»...

Наша телеграмма была довольно наивной. Вопрос поездки не меньше волновал самого Владимира Ильича.

Но как его провезти — вот самое главное. Вначале казалось, что Владимиру Ильичу следует ехать, как и всем эмигрантам, — на Англию. Ведь дана амнистия, политические дела ликвидированы, приезжают свободно эмигранты, возвращаются каторжане... Но то, что казалось ясным для многих, не всегда удовлетворяло Владимира Ильича. На сделанное в этом направлении предложение и от нас из Скандинавии, и от товарищей из Питера Владимир Ильич прислал мне 30 марта из Цюриха следующую телеграмму в Стокгольм:

«Англия никогда меня не пропустит, скорее интернирует.

Милюков надует. Единственная надежда — пошлите кого-нибудь в Петроград, добейтесь через совет рабочих депутатов обмена против интернированных немцев. Телеграфируйте.

Ульянов».

(Телеграмма составлена на немецком языке.)

Вскоре мы убедились, как прав был Владимир Ильич. Тов. Троцкого, возвращавшегося из Америки, англичане задержали в Галифаксе. И только благодаря сильному напору красного Питера удалось добиться его освобождения и пропуска в Россию после месячного заключения.

Но план Владимира Ильича не так легко было провести. Не так легко было убедить почтенное Временное правительство «помочь» приезду Владимира Ильича, при этом через Германию: — что сказала бы на это ее величество Антанта?

Время проходило, а Владимир Ильич все томился в Швейцарии. Да, томился, — и эти муки подсказали ему довольно курьезный план поездки. Получаю вдруг телеграмму от Владимира Ильича с сообщением, что выслано мне важное письмо, получение которого просит подтвердить по телеграфу. Через три дня приходит конспиративное письмо. В нем маленькая записка Владимира Ильича и 2 фотографии — его и тов. Зиновьева. В записке приблизительно следующее: «Ждать больше нельзя. Тщетны все надежды на легальный проезд. Нам с Григорием необходимо во что ни стало немедленно добраться в Россию. Единственный план следующий: найдите двух шведов, похожих на меня и Григория. Но мы не знаем шведского языка, поэтому они должны быть глухонемые. Посылаю вам на всякий случай наши фотографии...» Прочтя записку, я почувствовал, как томится Владимир Ильич, но, сознаюсь, очень хохотал над этим фантастическим планом. Только отчаяние и горе могли создать подобный план... Да зачем были фотографии? Обоих я знал с 1903 года, мы весьма часто встречались, а два года подряд жили в одном городе, в Кракове... Однако, фотографию Владимира Ильича я сейчас же использовал. Через два дня она красовалась в ежедневной газете наших шведских товарищей «Политикен», а под ней передовица: «Вождь русской революции».

А пока в швейцарской колонии шли горячие дебаты, — можно ли ехать через Германию и на каких условиях. Из Питера же приходили сбивчивые инструкции по вопросу о приезде Владимира Ильича. Так, 5 апреля я получаю от тов. Шляпникова следующую телеграмму:

«Ульянов должен приехать немедленно. Все эмигранты приезжают свободно. Для Ульянова имеется специальное разрешение.

Беленин»**.

А на следующий день, 6-го, получаю от него же такую:

«Не форсируйте приезда Владимира Ильича. Избегайте риска.

Беленин».

Когда оказались напрасны все надежды на помощь Временного правительства обеспечить проезд через Англию, швейцарские эмигранты решили приступить к переговорам с германским правительством. Переговоры вел швейцарский товарищ Платтен. Выработанные всей колонией условия были приняты германским правительством. Условия эти были следующие:

1. Едут все эмигранты, без различия взглядов на войну.

2. Вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности, никто не имеет права входить в вагон без разрешения тов. Платтена. Никакого контроля, ни паспортов, ни багажа.

3. Едущие обязуются агитировать в России за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число австро-германских интернированных.

Несмотря на эти условия, меньшевики, хотя и сами их приняли, не решались выехать. Они все ждали благословения на поездку от совета депутатов.

6 апреля я получаю от Владимира Ильича из Берна следующую телеграмму:

«У нас непонятные задержки. Меньшевики требуют санкции совета рабочих депутатов. Пошлите немедленно кого-нибудь в Финляндию или Петроград для выяснения с Чхеидзе, осуществимо ли это. Желательно мнение Беленина. Телеграфируйте народный дом Берн.

Ульянов».(Текст на немецком языке.)

Но, не дожидаясь ответа, Владимир Ильич, очевидно, убедил меньшевиков, и 7 апреля я получил следующую срочную телеграмму:

«Завтра уезжает 20 человек. Линдхаген и Стрем*** пусть обязательно ожидают в Треллеборге****. Закажите срочно Беленина, Каменева в Финляндию.

Ульянов».

Итак, «едут»... В Стокгольме у нас был создан эмигрантский комитет. Но я ему не особенно доверял и решил сообщить о приезде Владимира Ильича после того, как последний очутился в пределах Швеции... Я решил съездить в Мальмё (оттуда час езды до порта Треллеборг). Хотя Линдхаген и Стрем были излишни, я — в виду 2-х телеграмм Владимира Ильича — решил пригласить с собой Стрема...

Весь день, взволнованный, бродил я по Мальмё... «Приедут ли? Не причинят ли им немцы по дороге каких-нибудь пакостей?» Мысли эти сильно тревожили меня... Наконец, под вечер едем в Треллеборг... Пароход приближается к берегу... Но какая досада, — ни Ильича, ни других нет... Высчитал ли я плохо день приезда, или что-нибудь случилось с ними в пути... Выяснить ничего нельзя, приходится ждать следующего дня. Едем обратно в Мальмё. Тов. Стрем уезжает, — выборная кампания требует его присутствия в Стокгольме. Я остаюсь один, в помощь получаю одного местного товарища... Медленно тянется ночь, еще медленнее следующий день... Опять еду в Треллеборг... Но пароход опять не привозит наших путешественников. Еду обратно в Мальмё. За ночь придумываю всякие планы для выяснения. Утром говорю по телефону с женой в Стокгольме, — там никаких сведений. Даю срочную телеграмму в Швейцарию — никакого ответа. Товарища шведа оставляю в Мальмё, где он должен ждать моего телефона, а сам в третий раз еду в Треллеборг.

На мое предложение дать телеграмму в Засниц начальник станции объясняет, что пароход оттуда ушел уже... «Нельзя ли дать радио на пароход?» — спрашиваю я. — «Можно, но принимаются лишь служебные телеграммы». Заметив на станции объявление царского Красного Креста, я разъясняю начальнику, что я командирован Красным Крестом принять партию эмигрантов, а потому прошу запросить капитана, едет ли эта партия, сколько мужчин, женщин и детей, дабы я мог заблаговременно заказать места в вагоне. Мне удалось убедить начальника, и он дает капитану телеграмму: «Г-н Ганецкий спрашивает, едет ли г-н Ульянов, сколько с ним мужчин, женщин». — Минут через 20 получается ответ «г-н

Ульянов приветствует г-на Ганецкого и просит его заготовить билеты», — и тут указывается количество каждого пола.

Я ожил. Начальник не понимает перемены во мне. Первым делом бросаюсь к телефону, сообщаю товарищу в Мальмё о приезде и прошу закрепить заказанный условно вагон, а также ужин в ближайшей возле вокзала гостинице. Переговорил с женой в Стокгольме и просил исполнить оставленный план относительно гостиниц и т. п. Жена, между прочим, сообщает о полученной телеграмме из Засница от 12 апреля:

«Сегодня 6 часов Треллеборг

Платен

Ульянов».

Заказываю билеты и предупреждаю таможенные власти, что приезжает партия эмигрантов... Я прямо в испуге. Начинаю агитировать таможенников в пользу нашей революции. Объясняю значение ее и роль в ней Ленина. Чиновники слушают внимательно, обещают вещей не осматривать, просят лишь... показать им Ленина...

Вот приближается пароход. Эти несколько минут показались мне вечностью... Наконец, он причаливает. Постепенно появляются фигуры Платтена, Владимира Ильича, Зиновьева, Надежды Константиновны и многих знакомых товарищей... Тут же и Радек. Рассчитывая на добросовестное исполнение немцами наших условий о неосмотре паспортов, он решил воспользоваться и «незаконно» пробраться в Россию (Радек, как известно, был «австрийским подданным»).

Горячие приветствия, вопросы, суета, крик ребят. У меня от радости слезы на глазах... Минуты нельзя терять, — через четверть часа едет поезд в Мальмё. Таможенники багажа не осматривают, просят лишь исполнить обещание и показать им вождя революции... Мы сидим уже в вагоне. Радек со свойственным ему темпераментом рассказывает, в каких условиях они получили мою телеграмму на пароходе. Дело в том, что шведы во время войны ввели для всех въезжающих в Швецию детальнейшие, скучнейшие анкеты (наши бесчисленные могли бы все же с ними конкурировать). Владимиру Ильичу преподносят в каюту сию бумажку... Ильич засуетился. Переговорил с Зиновьевым, Радеком и другими, — анкеты уже у всех на руках. Что сие обозначает? И тут Владимир Ильич приходит к заключению, что немцы надули: сами пропустили, но сообщили шведской полиции — и та теперь возьмется... Создается тут же «военный совет». Как быть, написать ли Ильичу настоящую фамилию или фиктивную... Вдруг появляется с бумажкой в руке капитан и спрашивает, кто из них г-н Ульянов... Ильич не сомневается, что его предположение оказалось правильным, и вот его пришли задержать. Скрывать уже нечего, — в море не выскочишь, Владимир Ильич называет себя. Тут капитан сообщает текст моей телеграммы...

Мы уже в Мальмё. Товарищ-швед ждет нас... Вблизи заготовлен великолепный ужин. Усталая от 4-дневной поездки, проголодавшаяся эмигрантская братия с жадностью бросается на шведские смэргосы (закуски). Один из товарищей замечает: «теперь я верю, что в России революция, раз эмигрантов можно так угощать»...

Специальный вагон подан. Через 15 минут мы уже катимся в Стокгольм. В отдельном купе уселись Владимир Ильич, Надежда Константиновна, Зиновьев, Радек и я.

Беседа затянулась до поздней ночи. Владимир Ильич все расспрашивал о последних сведениях из России. Он указывал на предстоящую упорную борьбу пролетариата, на перспективы развивающейся революции, форму, которую она должна принять. Владимир Ильич указывал на грядущую опасность, угрожающую со стороны Керенского, хотя последний особенной роли еще тогда не играл. Владимир Ильич указывал на необходимость оставления за границей партийной ячейки для сношений между партией в России и внешним миром и вообще «на всякий случай». Намечается создание заграничного бюро ЦК партии в составе тов. Воровского, Радека и меня... Лишь в 4 часа удалось нам уговорить Владимира Ильича поспать немножко.

Утром, в 8 часов, не доезжая до Стокгольма, на какой-то станции в вагон нагрянула целая ватага стокгольмских корреспондентов, получивших телеграфное сообщение от своих коллег из Мальмё о приезде Ленина, Владимир Ильич их не принял. Им ответили, что в Стокгольме будет дано сообщение для прессы... В 9 часов мы уже в Стокгольме. На станции делают кинематографические снимки, и Владимиру Ильичу никак не удастся пройти незамеченным... Весь день Владимир Ильич и минуты не отдохнул. Он и слушать не хотел, чтобы отдохнуть в Стокгольме хотя бы один день... Каждая минута для него дорога. Весь день он суетился, опасаясь забыть что-нибудь. Вот собрание приехавших (принадлежат они к разным партиям, — большевики, меньшевики, эс-эры, бундовцы, анархисты). Составляется и подписывается всеми точный протокол о поездке... Идет организация заграничного бюро. Владимир Ильич оставляет нам точные инструкции. Он спешит закупить последние новинки-книги и подбирает еще кое-какие партийные материалы.

Не успели мы оглянуться, как уже надо ехать к поезду. Снова вокзал, сутолока, шум, гам, крик и плач ребят. Владимир Ильич о всех заботится, спрашивает, хорошо ли устроены товарищи, особенно дети... Поезд движется... С затаенным дыханием шлем мы великому вождю последние приветствия и думаем: он направит революцию на правильные рельсы...

Вечером в воскресенье 16 апреля Владимира Ильича восторженно приветствует на вокзале в Питере необъятная масса рабочих. Он тут же, взобравшись на броневик, произносит свою знаменитую речь, доказывая, что борьба должна вестись под лозунгом:

«Вся власть Советам!»

Примечания:

* В настоящее время г. Осло. — Прим. ред.

** Беленин — партийный псевдоним А. Г. Шляпникова.

*** Оба — шведские товарищи, члены парламента.

**** Шведский порт, а на другой стороне — германский Засниц.

Е. Усиевич

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О В. И. ЛЕНИНЕ

В Цюрих я приехала 1 марта 1915 года, тотчас по освобождении из тюрьмы в Берлине, где сидела за... Но это другая, притом длинная история, и ее здесь рассказывать не стоит. Она имеет лишь очень косвенное отно-

шение к тому, к чему я здесь с волнением и робостью хочу вернуться в воспоминаниях.

Да, с робостью. Потому что — боже мой! — какими крохами могу поделиться я с читателем. Но речь идет о Ленине, о некоторых эпизодах из его жизни, которым почти не осталось живых свидетелей, и я решаюсь рассказать то немногое, что я о нем знаю. Ведь каждая деталь, каждая мелкая подробность его жизни, каждый штрих есть драгоценное достояние истории.

Впервые я увидела Владимира Ильича Ленина в фойе Цюрихского оперного театра, на представлении вagnerовской «Валькирии». Меня тут же и познакомил с ним Владислав Германович Краевский, член Польской социал-демократической партии, профессиональный революционер Краевский был большой поклонник Вагнера. Последнего в то время среди знатоков музыки было принято бранить, и меня поразило тот серьезный и уважительный интерес, с которым Ленин, страстно любивший Бетховена, разговаривал с Краевским о произведениях Вагнера, расспрашивал его о некоторых особенностях творчества этого композитора. После этого я несколько раз слышала выступления Владимира Ильича на собраниях, выступления, которые совершенно меня захватили. Познакомилась и с Надеждой Константиновной Крупской, с которой мне довелось работать в Союзе помощи заключенным.

Но вот в 1916 году в Цюрих из австрийской крепости Куфштейн прибыл член партии с 1908 года Григорий Александрович Усиевич, с которым мы быстро сдружились. Гриша Усиевич, как его многие называли, несмотря на свой молодой возраст (ему уже в Цюрихе исполнилось 26 лет), был закаленным большевиком, членом Питерско-

го комитета партии, судился, сидел и был сослан в Сибирь, бежал оттуда перед самой мировой войной и угодил в австрийскую крепость. Как говорится, из огня да в полымя.

Владимир Ильич заинтересовался Усиевичем, которого знал по некоторым опубликованным работам, и скоро очень привязался к нему; через Усиевича ближе познакомилась с Владимиром Ильичем и я. Начались долгие прогулки вдоль Цюрихского озера с длинными беседами, преимущественно, конечно, на политические темы.

В этот период знакомства мне приходилось бывать на квартире Владимира Ильича и Надежды Константиновны. Мы все в то время жили очень скромно, чрезвычайно скромно, заработки были редки и ничтожны, приходилось считать каждую копейку. Однако скромность жизни Владимира Ильича и Надежды Константиновны поражала даже нас, выделялась даже на фоне нашего скромного существования. Мы, по крайней мере, жили в новых районах города, где было много зелени, садов. Жили, правда, в мансардах, но это были чистенькие, уютные мансарды, с цветами в ящиках на подоконниках, с чистым воздухом. А Владимир Ильич, чтобы не терять ни минуты времени, искал квартиру поближе к городской библиотеке-читальне, а она помещалась в старом городе с узкими, лишенными зелени улицами, душными и темными.

В комнате, которую они с Надеждой Константиновной снимали в семье рабочего, поддерживалась безупречная чистота. Но меблировка была до того скудна, что комната напоминала тюремную камеру. Две узкие кровати, простой стол, ни кушетки, ни даже какого-нибудь кресла. Питались Владимир Ильич с Надеждой Константиновной тоже чрезвычайно скудно. Дешевый обед в

эмигрантской столовой, утром и вечером — чай с какой-нибудь недорогой колбасой.

Это была жизнь аскета. А между тем ничто не было так чуждо характеру Владимира Ильича, как аскетизм. Он был крепкий, веселый и жизнерадостный человек, страстно любящий жизнь. Ильич был чрезвычайно общителен, полон живого интереса к людям, впечатлителен и, я бы сказала, даже смешлив. Во всяком случае, смеялся он часто и заразительно. Иной раз мне в то время даже и понять было трудно, что кажется Ильичу таким невыразимо комичным в выступлении того или иного меньшевика или другого «научного марксиста», как пышно именовали себя всяческие оппортунисты и ревизионисты. А между тем Владимир Ильич смеялся от всей души, как-то по-детски самозабвенно, откинув голову, и иногда даже хлопал себя по затылку, слушая иного путаника.

Читал Владимир Ильич чрезвычайно много, можно бы даже сказать неправдоподобно много, если не знать одну особенность чтения Ленина. Когда я впервые увидела, как читает Владимир Ильич, мне показалось, что он просто перелистывает книгу, поверхностно просматривая ее содержание. Но потом он заговорил об этой книге, и оказалось, что он досконально освоил, прямо-таки проштудировал прочитанное. Мне это показалось чудом. Но впоследствии я узнала, что Ильичу свойственно так называемое «партитурное чтение» — в то время как обычный читатель охватывает зрением одну-две строки, в лучшем случае целое предложение, при партитурном чтении в поле зрения читающего попадает сразу пол-страницы, а то и страница.

Впоследствии мне случалось, хотя и очень редко, встречать людей, наделенных такой особенностью зре-

ния. У них уже через час-два чтения обычно начиналась невыносимая головная боль. Мозг не в состоянии был переработать того, что передавало ему зрение. Нужен был мощный воспринимающий аппарат Ильича, чтобы сразу усваивать и перерабатывать таким образом прочитанное.

Конечно, когда литератор говорит о том, как читал Ильич, то от него ждут рассказа о том, что читал в то время Ленин из художественной литературы, что говорил о прочитанном. Но вот как раз тут я и не могу поделиться ничем толковым. Прямых разговоров Ленина о художественной литературе я не слышала, хотя из множества отдельных словечек, цитат, шуток видела, что он ее прекрасно знает и любит. Его упоминания о литературе, о музыке, живописи были всегда чрезвычайно осторожны, скромны, он не считал себя специалистом в этой области. А между тем его тонкий вкус во всех областях искусства, полное соответствие литературных взглядов его общему мировоззрению, сам метод его подхода к искусству делали его мнение неизмеримо более ценным, основополагающим, нежели мнение других, даже наиболее компетентных в этой области марксистов, как, скажем, Г. В. Плеханов или А. В. Луначарский, человек огромного таланта и прямо-таки энциклопедической образованности. Что уж говорить о других.

* * *

Осенью 1916 года нам с Григорием Александровичем пришлось уехать из Цюриха в Кларан. Кларан — это модный курорт на берегу Женевского озера. Там находилась знаменитая русская библиотека Н. А. Рубакина, в которую он пригласил нас работать.

Разумеется, жить в самом Кларане нам было не по средствам, мы поселились высоко над ним, в настоящем орлином гнезде, на высокой горе. Балкон домика, где мы жили, висел высоко над поросшим виноградником склоном горы, спускающейся к озеру, за которым сияли снежные вершины Дандю Миди. С другой стороны из окна нашей квартирki виднелся расположенный на другой горе старинный замок Шателяр. В Кларане жила Инесса Арманд, в трех четвертях часа ходьбы в Сен-Лежье под Веве, — Анатолий Васильевич Луначарский, в Божи — Александр Антонович Трояновский.

Теплая, многоснежная швейцарская зима оканчивалась. Как-то раз, под вечер, когда в зеркальные окна библиотеки Рубакина виднелись горящие на темнеющем небе, как раскаленные угли, верхушки Альп и все комнаты наполнились их розоватыми отблесками, из кабинета Николая Александровича Рубакина раздался его полузадушенный голос — «Все ко мне!» Мы кинулись, не зная, что подумать.

Лежа в кресле, прерываемым от волнения голосом он сообщил, что из Лозанны ему позвонили по телефону о революции в России, об отречении Николая Романова, о том, что народ вышел на улицы, создано Временное правительство.

В этот вечер мы долго не могли разойтись по домам, а вернувшись домой — уснуть. Свершилось то, ради чего жил, боролся и погибал цвет нескольких поколений в России. И вот в такой-то момент нет в России Владимира Ильича Ленина — единственного, кто (в этом мы прекрасно отдавали себе отчет) мог повести восставшие массы по правильному пути. В Советах верховодили соглашатели. Власть явно попала в руки буржуазии, ловко

укрывавшейся за фигурой позирующего на первом плане «министра революционной театральности», как окрестил Керенского Ленин после первых же сообщений из России.

Потянулись недели мучительных метаний в поисках выхода. Мы знали, что каждый день из Франции, из Скандинавии и других стран уезжали в Россию меньшевики, эсеры и прочие социал-оборонцы, стоявшие за «войну до победного конца», за поддержку в войне отечественной империалистической буржуазии. Но нам пути в Россию не было. Англия и Франция, через которые надо было бы кружным путем ехать, разумеется, были прямо заинтересованы в том, чтобы Ленин и большевики, позиции которых им были хорошо известны, не попали в Россию. Прямо заинтересовано в том, чтобы не впустить нас в Россию, было и Временное правительство.

Вскоре нам стало известно о разосланной министерством Временного правительства своим посольствам за границей циркулярной телеграмме:

«При выдаче паспортов эмигрантам можете руководствоваться засвидетельствованием их военной благонадежности другими достойными эмигрантами или комитетами, образованными на основании нашей телеграммы».

Разумеется, свидетельствовать перед капиталистами «военную благонадежность» тех, кто призывал народ не воевать за их интересы, никто из «достойных» не рвался, да об этом никто из большевиков и просить бы не стал. И уж конечно Ленин был явно «военно неблагонадежен». Приходилось искать какого-то другого пути, минуя страны Антанты. Но где он был, этот путь?

В воспоминаниях Надежды Константиновны Крупской подробно рассказано, как метался в поисках выхода.

Ленин, до каких проектов он не доходил, вплоть до предположения проехать через Германию под видом «глухонемого шведа». Конечно, этот полушутливый проект был просто плодом безнадежности и многих бессонных ночей. Но ясно было одно. Иного пути, как путь через Германию, не было. Однако как проехать через эту, воюющую с Россией страну так, чтобы не дать возможности ни по ту, ни по другую сторону фронта заподозрить нас в сочувствии германской воюющей группе? И вот начались переговоры, которые нам казались бесконечными.

Ежедневно по окончании рабочего дня мы заходили пить чай к Инессе или захватывали ее на чай в свое орлиное гнездо и обменивались сведениями, новостями о том, как подвигаются переговоры, которые вел по уполномочию Ленина революционный швейцарский социал-демократ Фридрих Платтен, депутат швейцарского парламента, с германским посольством о проезде через Германию русских эмигрантов.

Разумеется, Владимир Ильич отдавал себе отчет в том, какой вой поднимут буржуазия и ее подпевалы из меньшевиков и эсеров, как они будут пытаться использовать проезд большевиков через Германию, чтобы ввести в заблуждение и оттолкнуть от них массы. Поэтому все переговоры велись с максимальной открытостью, публично, с максимальным привлечением внимания всех интернационалистски настроенных заграничных слоев. Таким образом, свой проезд через Германию Ленин согласовал с рядом западных интернационалистов, которые вынесли по этому вопросу следующее решение.

«Нижеподписавшиеся осведомлены о затруднениях, чинимых правительствами Антанты к отъезду русских интернационалистов и о тех условиях, какие приняты гер-

манским правительством для проезда их через Германию. Они отдают себе полный отчет в том, что германское правительство разрешает проезд русских интернационалистов только для того, чтобы тем самым усилить в России движение против войны. Нижеподписавшиеся заявляют.

Русские интернационалисты, во все время войны неустанно и всеми силами боровшиеся против всех империализмов, и в особенности против германского, возвращаются в Россию, чтобы работать на пользу революции, этим своим действием они помогут пролетариату всех стран, и в частности пролетариату Германии и Австрии, начать свою борьбу против своего правительства. Пример, подаваемый героической борьбой русского пролетариата, является лучшим и сильнейшим стимулом к подобной борьбе. Из всех этих соображений нижеподписавшиеся интернационалисты Швейцарии, Франции, Германии, Польши, Швеции и Норвегии находят, что их русские товарищи не только вправе, но даже обязаны использовать предлагаемую им возможность возвращения в Россию».

Такая документация предстоящего путешествия была совершенно необходима, как мы уже говорили. Однако такого рода публичность требовала времени, и шли неделя за неделей. А у Владимира Ильича, как и у нас, земля так и горела под ногами. Наконец, было выработано соглашение с германскими представителями, по которому

- 1) пропуск давался всем эмигрантам, независимо от их отношения к войне,

- 2) вагон эмигрантов не подвергался обыску, контролю или проверке,

3) эмигранты по прибытии в Россию обязуются агитировать за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число австро-германских военнопленных.

И вот в один прекрасный день, когда я была одна дома, на лестнице послышались торопливые шаги мужа, перескакивающего сразу через три ступеньки.

— Собирайся, через полтора часа выезжаем в Берн, Ильич уже там. Завтра едем в Россию.

На станции Кларан мы встретились с Инессой и к вечеру очутились в гостинице бернского Фольксхауза — Народного дома. Владимир Ильич с Надеждой Константиновной были уже здесь. Собрались и другие товарищи, съехавшиеся из Цюриха, Лозанны, Женевы, из всех уголков Швейцарии. Шли последние совещания перед поездкой, составлялись еще какие-то документы — насколько мне память не изменяет, обращение к швейцарским рабочим, еще что-то.

Кроме того, все мы, едущие, должны были поставить свои подписи под следующим документом.

«Я подтверждаю:

1) что переговоры, которые велись Платтенем с германским посольством, мне сообщены,

2) что я подчиняюсь всем распоряжениям руководителя поездки — Платтена,

3) что мне известно сообщение «Пти паризьен» о том, что русское Временное правительство проезжающих через Германию угрожает объявить государственными изменниками,

4) что всю политическую ответственность за эту поездку я беру исключительно на себя,

5) что мне поездка моя гарантирована Платтенном только до Стокгольма».

Все это продолжалось до поздней ночи. А рано утром мы сели в предоставленный нам вагон «микст», то есть наполовину жесткий, наполовину мягкий, в котором нам предстояло ехать до Швеции, где уже можно было следовать в обычном порядке. Мы сели в этот пресловутый вагон, о котором было создано столько легенд, в частности смешная побасенка о «запломбированном вагоне», в коем якобы были ввезены в Россию. Ленин и сопровождающие его большевики. Единственным «основанием» для такой легенды послужило то обстоятельство, что, по договоренности Платтена с германским посольством, при проезде через Германию никто из немцев не имел права входить в наш вагон, равно как и мы обязывались не выходить из него. Таким образом, мы ехали на основах полной экстерриториальности. Вагон, в котором мы следовали, считался как бы клочком швейцарской территории. Насколько я помню, даже обслуживающего персонала, даже проводника при вагоне не было.

Подойдя к швейцарско-германской границе, наш поезд остановился на совсем пустынной станции — ни других поездов, ни публики. Наш вагон отцепили, чтобы прицепить его к другому поезду, но прежде была проделана церемония приема нас, заключающаяся в том, что каждый из нас выходил с задней площадки вагона, держа в руках клочок бумаги с начертанным на нем порядковым номером — первый, второй, третий — и так все тридцать. Показав этот клочок, мы входили в свой вагон с передней площадки. Никаких документов никто не спрашивал, ни-

каких вопросов не задавал. Этим вся церемония и ограничилась.

Правда, немецкие власти, желая, очевидно, показать едущим в Россию русским, что к концу третьего года войны у них еще есть неисчерпаемые запасы продовольствия, распорядились, чтобы нам подан был ужин. Худенькие, изжелта-бледные, прямо-таки прозрачные девушки в кружевных наколках и передничках разносили на тарелках огромные свиные отбивные с картофельным салатом. Но ведь мы знали из газет и из сообщений изредка приезжавших в Швейцарию из Германии людей, как голодает немецкий народ, до какой степени физического истощения он доведен. Да и достаточно было взглянуть на дрожащие от голода руки девушек, протягивающих нам тарелки, на то, как они старательно отводили глаза от еды, на их страдальческие лица, чтобы убедиться, что давно уж в Германии не видят ничего подобного. Запас провизии мы забрали с собой из Швейцарии на несколько дней. И мы совали в руки официанткам нетронутые тарелки с кушаньем. Пусть бедняжки хоть раз поедят досыта, пусть хоть раз уснут не на голодный желудок.

Все сношения с германскими железнодорожными властями велись через Платтена.

На больших станциях поезд наш останавливался преимущественно по ночам. Днем полиция отгоняла публику подальше, не давая ей подходить к вагону. Но поодаль народ все же собирался группами и днем, и даже по ночам и жадно смотрел на наш вагон. Нам махали издали руками, показывая обложки юмористических журналов с изображением свергнутого царя. Очевидно, эти истощенные до предела люди с землистыми лицами, а таковы были в то время все виденные нами немцы, связы-

вали с проездом через их страну русских революционеров затаенные надежды на скорый конец ужасающей бойни, на мир и отдых от непосильного трехлетнего напряжения.

Вот то небольшое, что мы видели сквозь окна нашего «микста». В вагоне шла своя жизнь. Владимир Ильич большей частью сидел один или с кем-нибудь из более близких товарищей в своем купе, обсуждая план действий в России или читая, обдумывая предстоящие статьи и выступления. Мы по своим купе тоже обсуждали положение в России, гадали, как нас встретят, вели бесконечные споры о том, решится ли Временное правительство арестовать нас. Но большинство было настроено оптимистически. Рабочие не допустят ареста!

Иногда кто-нибудь вдруг пускался в ребяческие шалости, не лишённые, впрочем, некоторой дозы яда. Так, один из товарищей, учитывая некоторую склонность к революционной романтике многих из нас и нашу привязанность к Фрицу Платтену, такому надёжному, верному товарищу, такому заботливому другу*, вдруг пустил по рукам «документ», в котором говорилось, что так как есть опасность, что Фридрих Платтен не будет впущен в Россию, то, мол, в этом случае нижеподписавшийся обязуется также не въезжать до тех пор, пока не впустят Платтена. Мы читали этот «документ» один за другим и, не рассуждая (какие могут быть рассуждения, когда речь идет о благородном акте солидарности), подписывали. Уже с несколькими подписями документ дошел наконец до Владимира Ильича. Едва бросив на него взгляд, он спокойно спросил: «Какой идиот это писал?» И тут только мы, без всяких дальнейших объяснений, поняли, до чего это было глупо: ведь Временное правительство не то, что не приглашало нас в Россию, а делало все, чтобы

помешать нам туда попасть, а мы вдруг сделаем ему такой приятный сюрприз, что сами откажемся!

Иногда мы вдруг собирались по несколько человек, у кого голоса были получше и слух не слишком подводил, и шли в купе Владимира Ильича — «давать серенаду Ильичу». Для начала мы пели обычно: «Скажи, о чем задумался, скажи, наш атаман». Ильич любил хоровое пение, и нас не всегда просили удалиться. Иногда он выходил к нам в коридор, и начиналось пение всех подряд любимых песен Ильича: «Нас венчали не в церкви», «Не плачьте над трупами павших бойцов» и так далее.

И снова и снова мне приходилось удивляться той необычайной простоте, скромности и естественности поведения, которые отличали Владимира Ильича. Никогда мне не приходилось видеть человека, до того естественного и простого в каждом своем слове, в каждом движении. Сам он, казалось, совершенно не чувствовал своей исключительности, не то чтобы дать ее почувствовать другим. Мы же знали, с каким необыкновенным человеком имеем дело, знали, что такие рождаются не каждое столетие. Понимали, что сопутствуем человеку, который призван стать во главе восставшего народа. И все-таки никто не чувствовал себя подавленным его личностью, даже смущения перед ним не испытывал. Он внушал лишь беспредельную любовь, с ним было радостно и счастливо. Человек чувствовал себя способным на гораздо большее, чем был способен до знакомства с ним, а главное, и сам становился проще, естественней.

Рисовка в присутствии Ильича была невозможна. Он не то чтобы обрывал человека или высмеивал его, а просто как-то сразу переставал тебя видеть, слышать, ты точно выпадал из поля его зрения, как только переставал

говорить о том, что тебя действительно интересовало, а начинал позировать. И именно потому, что в его присутствии сам человек становился лучше и естественней, было так свободно и радостно с ним.

Впрочем, должна сказать, что был такой единственный момент в моей жизни, когда мне от присутствия Владимира Ильича не только не стало радостно, а даже наоборот. Дело было так. В вагоне, где мы ехали, недоставало нескольких спальных мест и приходилось спать по очереди. И вот однажды, когда я в мою очередь бдения весело болтала с товарищами в коридоре, из своего купе вдруг вышел Ильич и потребовал, чтобы я шла спать, так как теперь-де его очередь бодрствовать. И тут уж никакие протесты, никакие мольбы и уговоры не помогли. Ильич не ушел. Разумеется, не пошла ложиться на его место и я. Однако и сидя в коридоре, я чувствовала себя достаточно смущенной.

* * *

Так прошло трехдневное путешествие по Германии. Но для нас эта дорога оказалась самой легкой ее частью, и именно потому, что в наш вагон никто не входил, сами мы не выходили и, таким образом, ни с кем посторонним не сталкивались.

Дело в том, что путешествие наше вызывало повышенный интерес в прессе и воюющих, и нейтральных стран. И вот, чтобы избежать всяческих кривотолков, пересудов и газетных уток, было решено, что никто из нас, едущих, ни в какие объяснения с репортерами, корреспондентами, интервьюерами и прочее не вдается, ни на какие вопросы не отвечает. Все необходимые сведения о

нашей поездке и дальнейших намерениях, все интервью дает один Владимир Ильич.

Во время путешествия по Германии не было ничего легче, как соблюдать это условие. Мы чувствовали себя свободно, как в одной из наших швейцарских квартирок. Но вот в Заснице наш поезд въехал в трюм огромного парома, сами мы разместились по каютам и после четырехчасового путешествия очутились в шведском городе Мальмё, откуда уже в шведском вагоне направлялись в Стокгольм. И тут началось. Уже с раннего утра в наш вагон стали ломиться репортеры. Они врывались в двери вагона, вскакивали в окна. На каждого из нас набрасывалось по двое, по трое.

Строго выполняя решение не отвечать ни на какие вопросы, мы не говорили даже «да» и «нет», а лишь мотали головами и тыкали пальцами в направлении Ильича. Полагая, что мы не понимаем вопросов, представители прессы пытались заговаривать с нами на французском, немецком, английском, даже на итальянском языках. Нашлись, наконец, и такие, которые, справляясь со словарем, задавали вопросы на русском или польском языках. Мы мотали головами и тыкали пальцами в Ильича. Боюсь, что у западной прессы создалось впечатление, будто знаменитый Ленин путешествует в сопровождении глухонемых.

Нет, право, это был нелегкий путь. Наконец, поезд прибыл в Стокгольм. Здесь Ленина встретил мэр города, левый социал-демократ, и несколько его товарищей, и в сопровождении их мы отправились в расположенную неподалеку довольно комфортабельную гостиницу. По дороге наше шествие с обоих тротуаров обстреливали фоторепортеры. Приученные годами к конспирации да к то-

му же памятуя о заметке в «Пти паризьен», где нам угрожали расправой, как с государственными изменниками, мы, как могли, отворачивались от объективов, и в результате в печати появилось, насколько мне известно, не очень много снимков, да и на тех мало кого можно было узнать.

Мы немного отдохнули, те, кто уж очень обносился за годы скитаний, купили кое-что в магазинах, а вечером мы двинулись в дальнейший путь, теперь уже прямо к русской границе.

Ранним морозным утром мы высадились в маленьком рыбацьем городке Хапаранда и через несколько минут столпились на крылечке небольшого домика, где за гроши можно было получить чашку черного кофе, бутерброд. Но нам было не до еды. Перед нами простирался замерзший еще в это время года залив, а за ним — за ним территория России, город Торнео и развевающийся на здании вокзала красный флаг Да, вот он свободно и весело развевается в стране, где пролилось за него столько крови. Мы молчали от волнения, устремив на него глаза. Конечно, впереди еще борьба, еще много жертв, много всего, но все же вот оно развевается, красное знамя, сзывая борцов Россия, с которой мы столько времени разлучены, Россия, куда так мучительно рвались.

К крылечку подъехало десятка полтора саней с впряженными в них маленькими мохнатыми лошадками. Мы стали попарно рассаживаться, чтобы переехать через залив. Я вдруг вспомнила, что в чемодане у меня лежит маленький красный платочек с вышитым серебром на уголке названием швейцарской деревни Champregu. Я достала его, привязала к взятой у мужа альпийской палке и

сидела в санях, не сводя глаз с красного флага над вокзалом в Торнео и сжимая в руках свое самодельное знамя. В это время сани Владимира Ильича объезжали наши, чтобы стать впереди процессии. Владимир Ильич, не глядя, протянул руку, я вложила в нее свой флаг. Все сани сразу тронулись Владимир Ильич высоко поднял над головой красный флаг, и через несколько минут, со звоном бубенчиков, с поднятым над головой Ленина маленьким флажком, мы въехали на русскую территорию.

На перроне в Торнео каждого из нас окружила толпа рабочих, солдат, матросов, посыпались вопросы, ответы, разъяснения. С первой минуты начался горячий, живой разговор. «Смотрите, дорвались!» — сказала мне Надежда Константиновна, кивая на нескольких наших особенно горячих агитаторов, казалось забывших о том, что надо ехать дальше, отдаваясь счастьем общения с революционной массой.

Дальше мы ехали, как в счастливом сне. В Белоострове рабочие прямо из вагона вынесли на руках Владимира Ильича к импровизированной трибуне. Митинг продолжался и в вагоне, где народ толпился около каждого из нас.

В Петроград мы приехали поздно ночью. На перроне был выстроен почетный караул матросов. Это ошеломило. Этому мы себе как-то не представляли. Ведь впервые войска организованно перешли на сторону народа, этого мы еще не видели никогда. Не помню, кто проводил Владимира Ильича и нас вслед за ним в царские комнаты Финляндского вокзала. Но там он, словно на неожиданную помеху, натолкнулся на пришедшего скрепя сердце встречать его одного из лидеров меньшевиков — Чхеидзе, который тотчас начал свою «приветственную речь»,

сводившуюся, в сущности, к кисло-сладким комплимен-там и назиданиям о том, что не должно нарушать «единство революционной нации», «омрачать ликование бескровной революции», и прочее в этом роде. Ильич не только не отвечал на это, он даже и не дослушал, кинувшись к группе рабочих, стоявших где-то позади Чхеидзе. Мгновение спустя, толпа уже вынесла его на броневик на площади, и под темным низким небом Петрограда зазвучала речь Ленина. Прямо оттуда — во дворец Кшесинской, где, несмотря на то, что было уже около трех часов ночи, собрались питерские рабочие-большевики. Толпа стояла и под окнами дворца. И снова выступление Ленина перед замершей в напряженном внимании толпой.

А выйдя утром на улицу, мы увидели и приветствие буржуазии: стены главных улиц Питера были оклеены плакатами: «Ленина и компанию — обратно в Германию». Но, как говорится, «сие от нее не зависело». Питерский пролетариат сказал свое слово достаточно громко и внушительно.

Несколько дней спустя почти все мы разъехались по разным городам России, неся в массы ленинские идеи, призывая превращать войну империалистическую в войну гражданскую, выбивать власть из рук захватившей ее буржуазии. Мы с Г. Усиевичем уехали в Москву, где и встретили Октябрьскую революцию. Впоследствии, уже после гибели моего мужа от рук белогвардейцев, мне еще не раз случалось видеть Владимира Ильича — на площадях Москвы и у него на квартире. И при этих встречах мне бросался в глаза все тот же скромный до бедности образ жизни человека, которому страна с радостью дала бы все, что у нее было самого лучшего и что он упорно отвергал, пока голодали миллионы рабочих и крестьян. Обо всем этом лучше и больше могут рас-

сказать другие, те, кто в то время стоял несравненно ближе к нему, лучше знал все это. Я старалась говорить лишь о том, чему уже почти не осталось живых свидетелей, могущих рассказать об этом лучше.

Впервые опубликовано в журнале «Новое Время» 1958 № 16. С 3—8

* Наша всеобщая любовь и доверие к Платтену были и последствию вполне оправданы жизнью 1(14) января 1918 года Паттен прикрыл Ленина от пули стрелявшего вслед машине террориста И сам уцелел лишь благодаря счастливой случайности

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Имеются в виду знаменитые «Апрельские тезисы» В. И. Ленина, изложенные им в статье «О задачах пролетариата в данной революции» (См Ленин В И Полн собр соч Т 31 С 113–118) Эта статья, по-видимому, была написана В. И. Лениным в поезде накануне прибытия в Петроград.

Эти тезисы Ленин прочитал на двух собраниях 4(17) апреля 1917 г на собрании большевиков и на объединенном собрании большевиков и меньшевиков — делегатов Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов в помещении Таврического дворца.

2 Имеется в виду участие Г А Алексинского в клеветнической кампании против В. И. Ленина и большевиков Их обвиняли в его воре с германскими властями, вследствие чего они смогли вернуться из Швейцарии в Россию через воюющую с Россией Германию.

3 Июльские дни — события начала июля 1917 г, когда политика Временного правительства на продолжение

империалистической войны и подавление массовых демонстраций вызвала широкий отпор народных масс Солдаты и матросы, рабочие вышли на демонстрацию, которая грозила перерасти в вооруженное выступление против Временного правительства Партия большевиков в тот момент была против вооруженного выступления Но оно фактически уже началось, и остановить его уже было нельзя.

В демонстрации 4 июля приняло участие более 500 тысяч человек Она проходила под лозунгами большевиков: «Вся власть Советам!», «Долой войну!» и др. Временное правительство с ведома и согласия меньшевистско-эсеровского ЦИК бросило против мирной демонстрации юнкерские и казачьи части. Они открыли стрельбу по демонстрантам С фронта были вызваны контрреволюционные воинские части для разгрома демонстрации.

На совещании членов ЦК и Петроградского комитета, проходившем под руководством В. И. Ленина в ночь с 4 на 5 июля, было принято решение об организованном прекращении демонстрации.

После июльских дней власть в стране полностью перешла в руки контрреволюционного Временного правительства.

4 После получения известия о Февральской буржуазно демократической революции в России в Швейцарии был образован Центральный комитет по возвращению русских политических эмигрантов на родину Временно он объединял большое количество русских эмигрантов, представлявших самые различные политические направления, а также беспартийных Председателем комитета

стал Семковский (С Ю Бронштейн), секретарем — С Ю Баюцкий.

5 «Будущее» («Zukunft») — еженедельник, основанный немецким публицистом и писателем Максимилианом Гарденом в 1892 г.

6 В годы гражданской войны на юге Украины орудовал Симон Петлюра — главарь контрреволюционных украинских националистов. В сентябре 1919 г столицей «самостийной» Украины был г Каменец Подольский, где располагался штаб Петлюры.

7 Под «ударами судьбы» Ф. Платтен имеет в виду свои скитания по тюрьмам Финляндии, Румынии и Литвы в 1919–1920 гг А было это так в феврале 1919 г Платтен нелегально отправился из Швейцарии в Москву по партийным делам Неожиданно ему посчастливилось принять участие в учредительном конгрессе III, Коммунистического Интернационала в Москве После окончания I конгресса Коминтерна Ф Платтен отправился домой, имея при себе удостоверение за подписью В. И. Ленина, в котором говорилось, что «предъявитель сего швейцарский товарищ Фриц Платтен возвращается на родину — в Швейцарию» и что все гражданские и военные власти РСФСР обязываются оказывать ему всяческое содействие по пути следования Однако в Финляндии его задержала белофинская полиция и заточила в тюрьму в качестве «русского заложника» В начале мая 1919 г он был обменен на белофинского офицера и вернулся в Москву.

В начале июня 1919 г Платтен на самолете полетел домой через Венгрию. Но самолет сделал вынужденную посадку на территории Румынии, и снова Платтен оказался в тюрьме. Продержав Платтена в тюрьме несколько месяцев, румынские власти передали его Петлюре, а Пет-

люра отпустил Платтена «под честное слово», что он передаст Ленину письмо от Петлюры с предложением о перемирии.

Таким образом, в октябре 1919 г Платтен снова оказался в Москве. Исполнив эту миссию, Платтен вернулся к Петлюре, но зимой 1920 г бежал от него и вновь прибыл в Москву. В середине марта 1920 г. Платтен вылетел на самолете через Литву в Германию, чтобы оттуда направиться домой в Швейцарию. И снова ему не по везло. Вынужденная посадка в Литве недалеко от г. Вильно (теперь г. Вильнюс), арест и заключение в тюрьму. После трехмесячного пребывания в заключении литовские власти передали Платтена германским властям.

Больше года странствовал Фриц Платтен, прежде чем в июле 1920 г вернулся в Швейцарию.

8 Здесь речь идет о том, что якобы между Лениным и Людендорфом — начальником генштаба германских войск и одним из основных руководителей всех операций на фронте — состоялось секретное соглашение об условиях проезда через Германию группы политических эмигрантов. Далее в книге подробно говорится о том, что никакого тайного соглашения между Лениным и Людендорфом не было и не могло быть.

9 Февральская буржуазно-демократическая революция в России совершилась в последние дни февраля (по ст. стилю) 1917 г. Первые сведения о ней В. И. Ленин получил 2 (по нов ст. 15) марта 1917 г. Телеграммы о победе революции и приходе к власти октябристско-кадетского правительства капиталистов и помещиков были напечатаны в швейцарских газетах. Временное буржуазное правительство было сформировано 2(15) марта 1917 г. В его состав вошли князь Г. Е. Львов (председа-

тель совета министров и министр внутренних дел), П. Н. Милюков (лидер кадетов — министр иностранных дел), А. И. Гучков (лидер октябристов — военный министр и морской министр), А. Ф. Керенский (трудовик — министр юстиции).

10 После того как в России произошла Февральская буржуазно-демократическая революция, перед всеми политическими эмигрантами встал вопрос о возвращении в Россию. Возвращению в Россию эмигрантов интернационалистов, противников империалистической войны, препятствовало Временное правительство и его союзники Англия и Франция Зато те, кто стоял на позициях «защиты отечества», имели возможность беспрепятственно вернуться домой через союзные страны. Г. В. Плеханов занимал в годы первой мировой войны оборонческие позиции, поэтому вместе с сорока своими единомышленниками смог вернуться в Россию через Англию, получив даже вооруженную охрану и сопровождение в виде военного корабля.

11 Известие о Февральской революции в России застало Троцкого в США 27 марта 1917 г он выехал с семьей из Нью-Йорка на норвежском пароходе «Христиания-фиорд». В Галифаксе (Канада) пассажиры парохода подверглись досмотру английских военно-морских властей. Особое внимание было уделено русским пассажирам. 3 апреля английские офицеры от имени местных властей потребовали, чтобы Троцкий с семьей и еще пять пассажиров покинули пароход, объявив им, что причина будет выяснена в Галифаксе.

Задержанных отправили из Галифакса в лагерь Амхерст, где им наконец объяснили причины фактического

ареста. «Вы опасны для нынешнего русского правительства», «Вы опасны для союзников вообще».

Троцкий провел в этом лагере почти месяц и только после вмешательства Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов министр иностранных дел Временного правительства Милюков был вынужден принять меры по освобождению Троцкого. 29 апреля 1917 г. Троцкий был освобожден и в мае вернулся в Россию.

12 Циммервальдисты — участники и сторонники первой международной социалистической конференции в Циммервальде (Швейцария), состоявшейся 5–8 сентября 1915 г

В. И. Ленин назвал конференцию в Циммервальде первым шагом в развитии интернационального движения против войны. На конференции присутствовало 38 делегатов от 11 европейских стран: Германии, Франции, Италии, России, Польши, Румынии, Болгарии, Швеции, Норвегии, Голландии, Швейцарии.

ЦК РСДРП представляли на конференции В. И. Ленин и Г. Е. Зиновьев.

На конференции развернулась острая борьба между революционными интернационалистами во главе с Лениным и каутскианским большинством конференции. Конференция приняла выработанный комиссией манифест — воззвание «К пролетариям Европы», а также общую декларацию, резолюцию симпатий жертвам войны и борцам, преследуемым за политическую деятельность, избрала Интернациональную социалистическую комиссию.

13 Имеются в виду поездки в Россию представителей Франции и Англии, особенно после Февральской революции, с целью агитации за продолжение войны.

и Речь идет о попытке Парвуса посодействовать возвращению русских эмигрантов из Швейцарии в Россию. Выходец из России Парвус (А Л Гельфанд) во время первой мировой войны обосновался в Германии, занимался коммерцией и одновременно являлся осведомителем германских властей по русским вопросам. Парвус «нашептывал» Людендорфу, что самое выгодное дело для Германии в сложившейся обстановке это как можно быстрее доставить Ленина — яростного противника войны — в Россию.

15 «Народное Право» («Volksrecht») — ежедневная газета, официальный орган Социал-демократической партии Швейцарии, с.—д. организации кантона Цюриха и рабочих союзов Цюриха, издается в Цюрихе с 1898 г. до настоящего времени. В годы первой мировой войны газета редактировалась Э Нобсом, входившим в организацию циммервальдских левых, но занимавшим позицию, близкую к центру. Газета давала правдивую, хотя и недостаточную ин формацию о рабочем движении в годы войны, помещала статьи левых циммервальдистов. В этой газете печатались некоторые статьи В. И. Ленина. В настоящее время газета почти ничем не отличается от буржуазных газет.

16 Бунд («Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России») был организован в 1897 г на учредительном съезде еврейских социал-демократических групп в Вильно, объединял преимущественно полупролетарские элементы западных областей России, на I съезде РСДРП (1898 г) вошел в состав РСДРП.

Бунд являлся носителем национализма и сепаратизма в рабочем движении России Внутри РСДРП занимал

оппортунистические позиции, поддерживая сначала «экономистов», а затем меньшевиков и ликвидаторов.

Бундовцы постоянно вели борьбу против большевиков и большевизма. Во время первой мировой войны они стояли на позициях социал-шовинизма. В 1921 г. Бунд самоликвидировался, часть его членов была принята в РКП (б).

17 Фракция «Наше слово» — социалисты-интернационалисты, объединявшиеся вокруг своего печатного органа — газеты «Наше слово», меньшевистская газета, издавалась при ближайшем участии Троцкого в Париже с января 1915 г по сентябрь 1916 г вместо газеты «Голос».

18 Фракция «Вперед» — группа социалистов интернационалистов, объединявшихся вокруг издания «Вперед». Это периодическое издание выходило в Женеве с 25 августа 1915 г. (№ 1) по 1 февраля 1917 г (№ 6) В издании принимали участие А. В. Луначарский, П. И. Лебедев, Д. З. Мануильский и др.

19 Речь идет о представителях Польской социалистической партии (ППС). Это реформистская националистическая партия, создана в 1892 г. Выступая под лозунгом борьбы за независимую Польшу, вела сепаратистскую, националистическую пропаганду среди польских рабочих и стремилась отвлечь их от совместной с русскими рабочими борьбы против самодержавия и капитализма.

На протяжении всей истории ППС под воздействием рядовых рабочих внутри партии возникали левые группы. Некоторые из них примыкали впоследствии к революционному крылу польского рабочего движения.

В 1906 г ППС раскололась на ППС-«левицу» и на правую, шовинистскую, так называемую ППС-«правицу».

ППС-«левица» под влиянием большевиков, а также под воздействием СДКПил (Социал демократия Королевства Польского и Литвы) постепенно переходила на последовательные революционные позиции.

В годы первой мировой войны большая часть ППС «левицы» заняла интернациональную позицию, в декабре 1918 г. она объединилась с СДКПил. Объединенные партии образовали Коммунистическую рабочую партию Польши.

20 Латышские социал-демократы — члены Латышской социал-демократической рабочей партии, которая была создана в июне 1904 г на своем первом съезде. На II съезде ЛСДРП в июне 1905 года была принята Программа партии и вынесено решение о необходимости объединения с РСДРП.

На IV (Объединительном) съезде в 1906 г вошла в состав РСДРП как территориальная организация После съезда стала называться социал-демократией Латышского края.

21 Еврейские социалисты-территориалисты — представители одного из направлений еврейской мелкой буржуазии и полупролетарских элементов европейских стран в конце XIX века. Это движение возникло как ответ на резкое усиление антисемитизма. Важнейшим направлением сионизма с момента его возникновения стал политический сионизм, или «территориализм».

22 Поалей Цион (Рабочие Сиона — Еврейская социал-демократическая рабочая партия) — мелкобуржуазная националистическая партия, пытавшаяся соединить сию-

низм с марксизмом, основана в Екатеринославе в 1901 г. Центральный орган — журнал «Еврейская рабочая хроника», выходил в Петрограде в 1917–1918 гг.

По общеполитическим вопросам партия примыкала к меньшевикам-интернационалистам осуждала Октябрьскую революцию требовала перехода власти к Учредительному собранию, но отвергала насильственные методы борьбы против Советской власти.

В ходе гражданской войны партия перешла на платформу примирения с Советской властью, объявила мобилизацию своих членов в Красную Армию, но продолжала выражать несогласие по некоторым вопросам политики Советского правительства (особенно по национальному вопросу). Летом 1928 г партия прекратила свое существование.

23 Анархисты — сторонники мелкобуржуазного политического течения, основные идеи которого — отрицание всех форм государственной власти, политической борьбы, организация общества путем «вольной федерации», абсолютная «свобода» индивидуума.

Анархисты-коммунисты — члены одного из двух основных течений анархизма (анархисты коммунисты и анархисты-синдикалисты).

В 1917 г. часть анархистов-коммунистов поддержала Октябрьскую социалистическую революцию и помогала большевикам в свержении Временного правительства и защите молодой Советской Республики.

В ходе гражданской войны большинство анархистов развернуло контрреволюционную деятельность, участвуя в террористических актах, мятежах, антисоветских движениях В 1921–1922 гг анархизм выродился в бандитизм.

Перешедшие на сторону Советской власти анархисты в конечном итоге были вынуждены признать руководящую роль РКП (б) в социалистическом строительстве. Логическим завершением эволюции многих анархистов был отказ от догм анархизма и вступление в РКП (б).

24 Вскоре после прихода к власти Временное правительство выступило с обращением к гражданам России. В области внутренней политики оно обещало, в частности, введение политических свобод, в том числе упразднило каторгу и ссылку, объявило политическую амнистию всем борцам против царизма.

25 Речь идет о том, с какими трудностями пришлось столкнуться политическим эмигрантам, особенно интернационалистам, противникам империалистической войны, чтобы вернуться в Россию. Об этих трудностях на заседании исполкома Петроградского Совета депутатов говорил А. Г. Зурабов, депутат II Государственной думы, сам вернувшийся в Россию через Копенгаген. Он констатировал факт препятствий, которые по распоряжению министра иностранных дел П. Н. Милюкова чинились возвращению на родину эмигрантам-интернационалистам, занесенным в так называемые «черные списки» и не имевшим никаких шансов вернуться домой через Францию и Англию. Поэтому ставился вопрос на исполкоме, чтобы добиться согласия Временного правительства о проезде всех эмигрантов через Германию в обмен на интернированных в России немецких и австрийских граждан.

26 Комитет Веры Фигнер — организация, созданная в 1917 г. бывшей террористкой, а затем эсеркой Верой Фигнер в помощь бывшим политическим заключенным и ссыльным.

27 «Франкфуртская газета» («Frankfurter Zeitung») — ежедневная газета, орган крупных немецких биржевиков, издавалась во Франкфурте-на-Майне с 1856 по 1943 г. Вновь начала выходить с 1949 г под названием «Франкфуртская всеобщая газета» («Frankfurter Allgemeine Zeitung»), является рупором западногерманских промышленных кругов.

28 Имеется в виду Интернациональная социалистическая комиссия — исполнительный орган Циммервальдского объединения, была основана на первой Международной социалистической конференции в сентябре 1915 г в Циммервальде. Ее председателем являлся Р. Гримм — швейцарский социал-демократ. Местопребыванием ИСК был г Берн — столица Швейцарии, поэтому иногда ИСК называют еще Бернской социалистической комиссией.

29 Так как Карл Радек по рождению поляк и имел польский паспорт, а его подданство было австрийское, то, конечно, он не мог ехать в Россию с русскими политэмигрантами, его наверняка задержали бы в Германии. Поэтому в условиях проезда была специальная фраза — «легальные лица», которая брала под защиту и других едущих в этой группе. К. Радек ехал под чужой фамилией, предположительно под фамилией Н. Бойцов.

10 Относительно количества эмигрантов, ехавших в составе группы, которую сопровождал Ф. Платтен, называются разные цифры. Так Ф. Платтен указывает на число 32, включая в него двух детей и самого себя. В. И. Ленин в статьях, посвященных переезду, указывает иногда цифру 30 человек. Если посмотреть сфотографированный список отъезжавших, то в нем значится всего 29 фамилий. Так что если к этим 29 фамилиям добавить двоих детей и Ф. Платтена, то получается цифра 32. В. И. Ленин,

указывая число 30, по-видимому, имел в виду взрослых людей, ехавших в этой группе.

31 «Новая цюрихская газета» («Neue Zürcher Zeitung») — буржуазная газета, издается в Цюрихе с 1780 г, выходит и в настоящее время, является наиболее влиятельной газетой Швейцарии.

32 Между немецким городом Засниц и шведским городом Треллеборг курсировал морской паром, на который полностью въезжал железнодорожный состав. Паром, на котором переезжала группа русских эмигрантов во главе с В. И. Лениным, назывался «Королева Виктория».

33 Имеются в виду представители Социал-демократической партии Швеции, члены ее левого крыла Карл Линдхаген, Карл Карльсон, Фредернк Стрем, Туре Нёрман, Карл Чильбум, журналисты и другие лица, пришедшие встретить русских эмигрантов.

34 Речь идет о том времени, когда Фриц Платтен нелегально приехал в Ригу в 1906 г, чтобы принять участие в первой русской революции. Установив связь с революционным подпольем латышской социал-демократии, Платтен помогал подпольщикам вооружаться, готовить документы и проводить различные мероприятия.

Однако полиции удалось выследить подпольщиков и на одной из явок 16 мая 1907 г Платтен был арестован и заключен в тюрьму. Но благодаря тому что он имел швейцарское подданство, а также поддержку латышских товарищей, он был выпущен из тюрьмы под крупный залог. После этого Платтену удалось скрыться и вернуться в Швейцарию.

35 Имеются в виду родители Ольги Николаевны Корзлинской. Платтен встретился с О. Н. Корзлинской в 1912 г. в Цюрихе, где она продолжала свое музыкальное образование. Вскоре после встречи с Платтенем она стала его женой.

36 Товарищ Б. — польский социал демократ, затем большевик М. Г. Бронский, его знакомая — госпожа Д. — Дора Долин (как указывает швейцарский историк Вилли Гаучи). Ее знакомым являлся также Георг Скларц — агент Парвуса, который в конце марта 1917 г. прибыл в Цюрих по поручению Парвуса, чтобы установить контакты с Лениным и Зиновьевым и организовать их переезд в Россию через Германию. Дора Долин помогла встретиться Скларцу с Бронским, которые должны были обсудить условия проезда.

37 О деле «Гофман — Гримм» см Приложения с 67—77

38 «Северогерманская всеобщая газетях («Norddeutsche Allge meine Zeiung») — газета, правительственный орган Германии, вы ходила в Берлине с 1861 по 1918 г

39 Бернская социалистическая комиссия — см примечание 28

40 Имеется в виду автореферат В. И. Ленина «О задачах РСДРП в русской революции», который был прочитан им на немецком языке 14 (27) марта 1917 г в Цюрихском народном доме на собрании швейцарских рабочих Автореферат был написан Лениным для галеты «Volkrecht», а затем 31 марта (13 апреля), при проезде через Стокгольм в Россию, передан редакции газеты «Politiken» — органу шведских левых социал-демократов 15 апреля с небольшими сокращениями автореферат был напечатан

в № 86 газеты «Politiken» на шведском языке под заголовком «Ленин о русской революции. Непосредственные переговоры о мире между народами, а не правительствами».

По-видимому, Платтен, включая этот автореферат Ленина в свою книгу, взял его текст из газеты «Volkrecht» и изложил довольно свободно, так как при сравнении с подлинным текстом, напечатанным в 31-м томе Полн. собр соч, с 72–78, обнаруживаются значительные расхождения.

41 Адмирал Непенин был убит 4 марта 1917 г восставшими матросами. Непенин был сторонником политики Гучкова — Милюкова, которые проводили курс на продолжение империалистической войны на стороне Антанты.

42 «Таймс» («The Times» — «Времена») — ежедневная газета, основанная в 1785 г в Лондоне, главный орган консервативной английской буржуазии. Одна из влиятельных, хорошо осведомленных газет. Через своих корреспондентов газета была в курсе событий в России в 1905 и 1917 гг.

«Тан» («Le Temps» — «Время») — ежедневная газета, издавалась в Париже с 1841 по 1942 г. Отражала интересы правящих кругов Франции и фактически являлась официальным органом министерства иностранных дел.

43 После отречения от престола Николая II первым правительством страны стал Думский комитет. В. И. Ленин называет его первым Временным правительством. На самом деле первое Временное правительство было образовано 2 (15) марта 1917 г. Краткую справку о нем см в

примечании 9. Именно это правительство В. И. Ленин называет вторым.

44 Имеется в виду Парижская коммуна 1871 г.

15 Каутскианцы — сторонники одного из лидеров германской социал-демократии, деятеля II Интернационала Карла Каутского. Идеолог одного из оппортунистических течений в рабочем движении — центризма, которое часто называлось каутскианством. Во время первой мировой войны каутскианцы во главе со своим идеологом переходят в лагерь открытых врагов революционного марксизма, прикрывая свой социал-шовинизм фразами об интернационализме.

4б «Прощальное письмо к швейцарским рабочим» было написано в середине марта 1917 г., до того как 19 марта (1 апреля по нов. ст.) выяснилось, что Р. Grimm, начавший хлопоты о возвращении русских политических эмигрантов на родину через Германию, занимает двусмысленную позицию. Первоначальный текст был написан, когда еще Grimm вел переговоры и строки, связанные с его посредничеством, были вычеркнуты Лениным после разрыва с ним и передачи дела в руки Фрица Платтена (См Поли собр соч Т 31 С 87–94).

47 Ленин имеет в виду Социал демократическую партию Швейцарии (во французских и итальянских кантонах партия называется Швейцарской социалистической партией).

48 «Arbeitsgemetschajt» («Трудовое содружество», «Социал-демократическая трудовая группа») — организация германских центристов, образована в марте 1916 года.

49 «Freie Jugend» («Свободная молодежь») — орган швейцарской социал-демократической организации молодежи, издавался в Цюрихе с 1906 по февраль 1918 г. В годы мировой империалистической войны примыкал к Циммервальдской левой.

50 Ленин имеет в виду Фабианское общество — английскую реформистскую организацию, основанную в 1884 г, членами Фабианского общества были преимущественно представители буржуазной интеллигенции — ученые, писатели, политические деятели. Они отрицали необходимость классовой борьбы пролетариата и социалистической революции и утверждали, что переход от капитализма к социализму возможен только путем мелких реформ, постепенных преобразований общества.

В годы мировой империалистической войны фабианцы занимали позицию социал-шовинизма.

Лабуристы (лейбористы) — члены рабочей партии, основанной в 1900 г как объединение профсоюзов — тред-юнионов, социалистических организаций и групп в целях проведения рабочих представителей в парламент. Члены тред-юнионов автоматически являются членами партии при условии уплаты членских взносов. С момента возникновения лейбористская партия проводит политику классового сотрудничества с буржуазией. Во время мировой империалистической войны лидеры лейбористской партии, занимая социал-шовинистическую позицию, вошли в королевское правительство.

51 Группа Спартакуса — революционная организация германских левых социал-демократов, образована в начале первой мировой империалистической войны. К. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Мерингом, К. Цеткин, Ю. Мархлевским, Л. Иогиесом (Тышка) и В. Пиком.

В апреле 1915 г Р Люксембург и Ф Меринг основали журнал «Die Internationale», вокруг которого сплотилась основная группа левых социал-демократов Германии С 1916 г, когда группа «Интернационал» начала нелегально издавать и распространять «Политические письма» за подписью «Спартак», она стала называться группой «Спартак» Спартаковцы вели революционную пропаганду в массах, организовывали массовые антивоенные выступления, руководили стачками, разоблачали империалистический характер мировой войны и предательство оппортунистических лидеров социал-демократии

Однако спартаковцы допускали серьезные ошибки в вопросах теории и политики отрицали возможность национально освободительных войн в эпоху империализма, преуменьшали роль пролетарской партии как авангарда рабочего класса, боялись решительного разрыва с оппортунистами

В апреле 1917 г спартаковцы вошли в центристскую Независимую социал-демократическую партию Германии, сохранив в ней свою организационную самостоятельность В ноябре 1918 г, в ходе революции в Германии, спартаковцы оформились в «Союз Спартака» и, опубликовав 14 декабря 1918 г свою программу, порвали с «независимцами» На Учредительном съезде, состоявшемся 30 декабря 1918-1 января 1919 г, спартаковцы создали Коммунистическую партию Германии

52 «Arbeiterpolitik» («Рабочая политика») — еженедельный журнал научного социализма, орган бременской группы левых радикалов, возглавляемой И Книфом и П Фрелихом и вошедшей в 1918 году в Коммунистическую партию Германии, издавался в Бремене с 1916 по 1919 г

Журнал вел борьбу против социал-шовинизма в германском и международном рабочем движении

53 «Petit Pansien» («Маленький парижанин») — ежедневная бульварная газета, издавалась в Париже с 1876 по 1944 г В годы первой мировой войны занимала крайне шовинистическую позицию После Великой Октябрьской социалистической революции вела анти советскую кампанию Когда Гитлер пришел к власти в Германии, эта газета выступила за сближение Франции с Германией В период оккупации Франции гитлеровскими войсками во время второй мировой войны вела профашистскую агитацию Закрота в августе 1944 г

54 «Социал-демократ» — нелегальная газета, центральный орган РСДРП, издавалась с февраля 1908 по январь 1917 г Первый номер вышел в России, с № 2 по № 32 выходила в Париже, с № 33 по № 58—в Женеве в Швейцарии С декабря 1911 г «Социал-демократ» редактировался В. И. Лениным В газете было опубликовано более 80 статей и заметок Ленина, он руководил всем делом издания газеты, определял содержание номеров, занимался вопросами оформления и печатания газеты

55 Данное заявление, подписанное социалистами интернационалистами из разных стран, явилось одним из основных условий по подготовке и организации проезда эмигрантов через Германию По приезде в Россию В. И. Ленин и Г. Е. Зиновьев сделали сообщение исполкому «по поручению товарищей, приехавших из Швейцарии», которое было опубликовано в газетах «Правда» и «Известия» (5 апреля 1917 г) под заголовком «Как мы доехали» (См Полн собр соч Т 31 С 119–121) В этом сообщении заявление интернационалистов называется протоколом

56 Здесь от редакции добавлено «и Швеции», поскольку заявление подписывалось в Швейцарии и там не было шведских представителей По приезде в Швецию заявление подписали шведские товарищи и норвежский представитель Хансен

57 «Politiken» («Политику») — газета шведских левых социал-демократов, образовавших в 1917 г Левую социал-демократическую партию Швеции, издавалась в Стокгольме с 27 апреля 1916 г

С ноября 1917 г стала называться «Folkets Dagblad Politiken» («Ежедневная народная политическая газета») Ее редактором в 1916–1918 гг был Туре Нёрман В газете сотрудничали левые циммервальдисты Германии, России, Франции и других стран В 1921 г, после того как Левая социал-демократическая партия вошла в Коминтерн и стала называться Коммунистической партией, газета стала ее органом После раскола Коммунистической партии в октябре 1929 г перешла в руки ее правого крыла Издание газеты прекращено в мае 1945 г

58 «Stormklockan» («Набат») — ежемесячный прогрессивный журнал, орган шведского союза молодежи, издавался в Стокгольме с 1908 г В 1913–1917 гг редактором журнала был К Чильбум В годы первой мировой войны журнал занимал интернационалистские позиции, выступал за мир, демократию и в защиту прав молодежи

59 «Красное знамя» («Die Rote Fahne») — газета, основанная К Либкнехтом, Р Люксембург в качестве центрального органа «Сою за Спартака», позднее — центральный орган Коммунистической партии Германии Газета выходила в Берлине с 9 ноября 1918 г, неоднократно подвергалась репрессиям и запрещениям со стороны германских властей

«Die Rote Fahne» сыграла большую роль в борьбе за превращение Коммунистической партии Германии в массовую пролетарскую революционную партию и очищение ее от оппортунистических элементов Газета энергично боролась против милитаризации страны, выступала за единство действий рабочего класса в борьбе с фашизмом В газете активно сотрудничал председатель КПГ Э Тельман После установления в Германии фашистской диктатуры «Die Rote Fahne» была запрещена, но продолжала выходить нелегально, решительно выступая против фашистского режима В 1935 г издание газеты было перенесено в Прагу (Чехословакия), с октября 1936 г до осени 1939 г издавалась в Брюсселе (Бельгия)

6 °Спартакoвцы — см примечание 51

«БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ШПИОНАЖ»: КРАХ МИФА

Книга(1) представленная на суд читателей, чрезвычайно интересна. Дело в том, что мы из первых рук получаем информацию о событиях весны 1917 г., когда группа российских социал-демократов во главе с В. И. Лениным возвращалась из Швейцарии в Россию через объятые пожаром мировой войны просторы Европы. Фриц Платтен сопровождал Владимира Ильича и его товарищей до российской границы, проделав весь путь в известном «запломбированном вагоне». И закономерным представляется тот факт, что именно он — видный швейцарский коммунист, талантливый литератор — взял па себя миссию написать книгу о возвращении Ленина и его спутников в Петроград.

Сама идея подобного издания, основанного на большом документальном материале, была весьма актуальной. Ведь уже в 1917 г. вокруг проезда революционеров-эмигрантов через территорию воевавшей с Россией Германии возникли многочисленные слухи и сплетни, активно подогреваемые буржуазными газетами. Большевиков обвиняли во всевозможных преступлениях, начиная со сговора с правительством Германии и кончая утверждениями о шпионаже в пользу противника или о финансировании Вильгельмом всей большевистской революционной деятельности.

Политические противники большевиков не утруждали себя подбором каких либо доказательств «государственной измены» Ленина, однако использовать возможность формирования общественного мнения в анти-

большевистском духе с помощью раздуваемых сплетен они смогли в полной мере. Шпионобольшевистские сюжеты появились на страницах таких буржуазных газет, как «Русская воля». «Речь». По поручению Временного правительства выяснением подозрительных сношений большевиков с центрами германского шпионажа за границей занялась петроградская контрразведка. Весьма бурная деятельность руководителя контрразведки Б. Никитина и его сотрудников реальных результатов не дала, но по просторам России, особенно в прифронтной полосе, поползли слухи, суть которых можно было бы сформулировать одной фразой: «Ленин — немецкий шпион». Шквал сплетен был так силен, что даже перехлестнул границы воюющих стран и докатился до Швейцарии, где Ф. Платтена. как доверенное лицо «немецкого шпиона», стали попросту травить. Платтен официально потребовал от руководства Швейцарской социал-демократической партии опровергнуть клевету и подтвердить его непричастность к каким бы то ни было тайным соглашениям с немецкой стороной, что и было сделано специальным решением правления партии.

Но если за границей скандальные слухи утихли сравнительно быстро, то по России, объята гражданской войной, они с разной степенью интенсивности циркулировали до 1921 г. Последний всплеск «шпионогерманских» обвинений против большевиков произошел во время трагического Кронштадтского мятежа, однако широкого хождения не получил. С уходом участников белого движения в эмиграцию центр распространения слухов переместился на Запад.

Следует отметить, что многие западные исследователи добросовестно пытались обнаружить в архивах хоть какие-нибудь следы сотрудничества Ленина или других

видных большевиков с германскими разведывательными органами в период первой мировой войны, однако их поиски были тщетны. Зато многочисленные воспоминания «очевидцев», по преимуществу из среды белой эмиграции, продолжали периодически появляться в печати. Но прежний скандальный интерес к ним уже прошел.

Тем не менее Ф. Платтен начал кропотливую работу по сбору документальных свидетельств тех событий. Он подобрал все данные о ходе переговоров с германским посланником в Швейцарии Ромбергом, причем это не составило большого труда, так как обсуждение возможности переезда революционных эмигрантов в Россию велось совершенно открыто. Правда, еще тогда Ленин предполагал, что вокруг этого вопроса возникнут самые противоречивые толки. Именно поэтому он заручился специальным заявлением иностранных социалистов, которые засвидетельствовали, что единственный путь возвращения из эмиграции весной 1917 г. мог проходить только через Германию, Все эти документы и материалы были приведены в книге Ф. Платтена. Он же подробно объяснил, каким образом Временному правительству удалось фактически нейтрализовать попытки революционеров приехать в Россию через страны Антанты.

Убедительны и суждения Ф. Платтена о причинах самого пристального внимания средств массовой информации к проезду Ленина через Германию. Он отмечал, что «теперь можно считать доказанным, что поездка Ленина в Россию через Германию произвела столь огромное впечатление не потому, что он первый из эмигрантской массы вместе с ближайшими своими соратниками рискнул совершить эту поездку, а потому, что у всех было убеждение, что этот человек с огромной силой воли вмешается в события русской революции. Произведенная

поездкой Ленина сенсация, вызванное ею возбуждение находились в резком противоречии с позицией, занятой той же европейской печатью по отношению ко второй партии эмигрантов, хотя при этом через Германию ехало приблизительно 500 русских эмигрантов» (с. 54).

Большое внимание Ф. Платтен уделил анализу возникших уже в 1917 г «шпионских» слухов. В частности, он изучил и ту роль в возвращении большевиков в Россию, которую сыграл Парвус. Большой фактический материал, многочисленные документы позволили автору очень точно и аргументированно доказать непричастность большевиков и лично Ленина к каким бы то ни было связям с германской разведкой.

Весьма удачным явилось и то, что Ф Платтен. готовя первое издание своей работы, не ограничился собственными соображениями о событиях весны 1917 г. и анализом документов, но привел некоторые принципиально важные материалы в приложении к книге. Кроме ленинских работ, где оценивалась начавшаяся в России революция и перспективы скорейшего возвращения из эмиграции, автор опубликовал уникальные по тем временам свидетельства. Среди них «Протокол о проезде Ленина через Германию в 1917 году» и документы о деятельности Р. Гримма, принявшего участие в подготовке эвакуации русских революционеров на родину после начала революции и поэтому обвиненного в прогерманской деятельности. Все эти материалы не только дополняют работу Ф. Платтеиа, но и позволяют читателю самостоятельно изучить детали сложной политической игры, которая началась вокруг проезда Ленина и его спутников через Германию. В документах хорошо прослеживается попытка тотальной компрометации большевиков со стороны российских буржуазных партий. Временного правительства,

которая в конечном счете провалилась, хотя ее отголоски слышны и поныне.

Во второй части приложений автор привел воспоминания ряда видных большевиков, находившихся в том же «запломбированном вагоне», что и Ленин. Ф. Платтен включил в первое издание воспоминания Н. К. Крупской «Из эмиграции в Питер», впечатления о тех днях Г. Е. Зиновьева. «В пломбированном вагоне. (Маленькие дополнения к рассказам тов Зиновьева и тов Крупской о том, как Ильич проехал через Германию)» К. В. Радека и чрезвычайно интересную и информативную статью Я. С. Ганецкого «Приезд тов. Ленина из Швейцарии в Россию», написанную им по свежим следам событий 1917 г.

На последней работе стоит остановиться подробнее по двум причинам. Во-первых, и против Ганецкого выдвигались традиционные обвинения в прогерманском шпионаже, но так как он не был участником знаменитого переезда, то попал в разряд «немецких агентов в Скандинавии» и его восприятие происходивших весной 1917 г. событий вызывает определенный интерес — как взгляд со стороны. Во-вторых, он приводит значительный объем документов, которые доказывают, что все многочисленные попытки переговоров о переезде большевиков через страны Антанты не увенчались успехом. Противоречивые сведения приходили и из Петрограда. С одной стороны социал-демократы настаивали на скорейшем возвращении из эмиграции Ленина и других революционеров, тогда как Временное правительство и ряд деятелей в Советах были категорически против проезда большевиков через территорию противника. Статья Ганецкого дает точное представление о той крайне напряженной

обстановке, которая сложилась вокруг русской эмиграции.

Предисловие к первому изданию книги было написано Н. К. Крупской, высоко оценившей работу, проделанную Ф. Платтенем. Она отмечала, что после смерти Ильича, «когда так тщательно собирается все, касающееся Ленина, необходимо было также собрать все документы, относящиеся к проезду через Германию» (с. 25).

Книга Ф. Платтена увидела свет в 1925 г.⁽²⁾ Однако уже с 30-х годов, после прихода Сталина к неограниченной власти, эта работа была изъята из библиотек, и лишь редкие экземпляры попали в «спецхраны», став практически недоступными не только для широкого круга читателей, но и для многих специалистов. Причиной трагической судьбы книги было то, что она без каких-либо купюр и недомолвок поведала правду. В ней имена Зиновьева, Радека и других соседствуют с именем Ленина, тогда как политическая конъюнктура сталинской эпохи требовала безоговорочного осуждения «оппозиционеров» и «врагов народа».

Впрочем, и сам Фриц Платтен — один из главных организаторов переезда Ленина и его спутников из Швейцарии, старый коммунист, работавший и в Коммунистическом Интернационале, в конце 30-х годов был арестован и необоснованно репрессирован, исключен из партии за связь с «врагом народа» — своей женой Б. Г. Циммерман. Сам факт ареста автора автоматически приводил к изъятию его книг. Так что работа Платтена была заведомо обречена на забвение.

И даже то, что в условиях сталинского несправедливого суда арестованному удалось доказать абсурдность обвинений в политических преступлениях (а ему предъявили

обвинения в участии в контрреволюционных организациях, в дононительстве, шпионаже, совершении террористических акций), не могло изменить отношение к его книге. Причем обвинение в том, что Платтен — немецкий шпион и по заданию германской разведки должен был совершить террористический акт против Ленина(3), прозвучало насмешкой. Однако на суде ему посчастливилось избежать осуждения по печально известной 58-й статье, и он получил всего четыре года северных лагерей за «незаконное хранение оружия».

С севера Ф. Платтен уже не вернулся. Формально срок его ссылки завершился в начале 1942 г., но освобождения так и не последовало. В официальном сообщении указывалось, что «Платтен Фриц Петрович умер 22 апреля 1942 года». Юридическая реабилитация Ф. Платтена произошла 26 мая 1956 г. по определению Военной коллегии Верховного суда СССР. Однако вопрос о политической реабилитации его книги в период хрущевенной «оттепели» не ставился, так как исторические персонажи, представленные в работе, оставались «врагами народа». И лишь в 1988 г. появилась реальная надежда вернуть в научный оборот книгу Ф. Платтена. Теперь советские люди имеют возможность без сталинских идеологических шор взглянуть на свое прошлое, получить достоверную информацию о тех сложных явлениях отечественной истории, которые раньше были преданы забвению как не вписывающиеся в схемы «Краткого курса истории ВКП(б)».

Новое издание книги Платтена несколько отличается от первоначального. Составитель, автор вступительной статьи, примечаний и именного указателя — старший научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС А. Е. Иванов провел большую научно-исследова-

тельскую работу, сумел обогатить издание рядом материалов. Прежде всего он приводит в приложении ленинское «Прощальное письмо к швейцарским рабочим», хорошо иллюстрирующее ту политическую ситуацию, которая сложилась в Европе с началом буржуазно-демократической революции в России. Эта ленинская работа весьма удачно легла в общий контекст книги, и ее включение представляется вполне закономерным.

Кроме того, в книге появилась статья Е. Ф. Усиевич «Из воспоминаний о В. И. Ленине», в которой она рассказывает не только о своих впечатлениях о переезде, но и о последних предреволюционных годах жизни эмигрантов социал-демократов в Швейцарии. Однако главную ценность в этой статье представляют некоторые документы о подготовке и проведении проезда большевиков через Германию и ряд эпизодов, характеризующих участников той первой поездки и не упоминавшихся в издании 1925 г.

Эти вставки, несомненно, помогают читателю более рельефно представить то положение, в каком оказались большевики в нейтральной Швейцарии весной 1917 г... позволяют воссоздать реальную историческую картину переезда, сопряженного не только с угрозами политического шантажа и клеветы, но и с личной опасностью для его участников.

Несколько иначе обстоит дело с включением в книгу личных писем Ф. Платтена из мест заключения, датированных декабрём 1939 — мартом 1942 гг. и отправленных из Архангельской области со станции Няндомы и из лагеря в деревне Липово. Эти письма позволяют увидеть яркую личность автора, вникнуть в ту страшную трагедию, которую пережили миллионы советских людей — жертв

сталинского тоталитарного государства Несомненно, они достойны самого внимательного изучения и анализа, однако в книге, посвященной конкретным событиям 1917 г., они выглядят не вполне уместно. Возможно, более рационально было бы включить их в текст вступительной статьи, где они дополнили бы сведения о последних тяжелых годах жизни коммуниста.

Во вступительной статье, несмотря на сравнительно малый ее объем, автору-составителю А. Е. Иванову удалось не только проследить события, связанные с переездом большевиков в Россию в 1917 г... но и показать всю многогранную и сложную жизнь Ф. Платтена, его революционную, литературную и научную деятельность. Вступительная статья хорошо аргументирована, основана на анализе многочисленных документальных источников и поэтому производит положительное впечатление

Высокопрофессионально составлен и научно-справочный аппарат к книге. Точные и довольно исчерпывающие примечания позволяют даже самому неискушенному читателю легко ориентироваться в тексте. Весьма полезен и приведенный в книге именной указатель, подготовленный составителем.

Удачно подобран иллюстративный материал Здесь, помимо хорошо известных фотографий, приведены и многие забытые снимки, портреты спутников Ленина, воспроизведены и тексты ряда малоизвестных документов, касающихся как организации переезда социал-демократов в Россию, так и биографии автора книги.

Тем досаднее явная редакторская ошибка: портрет Я. С. Ганецкого. принимавшего активное участие в организации переезда, но жившего с 1916 г. в Скандинавии, помещен в рубрике «Группа русских эмигрантов, возвра-

щавшихся из Швейцарии вместе с В. И. Лениным». В этой группе Га-нецкого быть не могло, что подтверждается отсутствием и его автографа в «Подписке участников проезда через Германию» (см с. 101), и его собственноручной биографией середины 20-х годов, опубликованной в энциклопедическом словаре братьев Гранат.

Появление книги Платтена в 1990 г. весьма актуально. Ведь сейчас, на волне гласности, в эпоху отказа от сталинских идеологических догм, долгие десятилетия подменявших подлинную историческую науку, одновременно ожили и многочисленные слухи и сплетни, исторические анекдоты, от которых даже западная историография отказалась довольно давно. Одним из таких слухов является утверждение о якобы имевшем место шпионаже Ленина и других большевиков в пользу Германии. Правда, доказательств этого не было и нет, но некоторые газеты(4) преподносят домысел о большевиках — агентах немецкой разведки как факт, не требующий подтверждения. Иногда в качестве аргументов приводятся ссылки на «желтую» прессу 1917 г. или эмигрантские издания послеоктябрьского периода, не имевшие достоверной источниковой базы и питавшиеся все теми же слухами.

Книга Фрица Платтена не единственная работа о событиях весны 1917 г. Еще в 1957 г. появилась книга Вернера Хальвега «Возвращение Ленина з Россию в 1917 году»(5). Сейчас она наконец переведена на русский язык и стала доступной советскому читателю(6). Как и работа Платтена, она хорошо документирована, причем значительная часть материалов приведена впервые. В книге содержатся документы не только социалистических партий, но и переписка министерства иностранных дел Германии, посольств, миссии, генерального штаба Германии, что позволяет сделать обоснованный вывод о полной не-

причастности российских социал-демократов к какой бы то ни было шпионской работе в пользу Германии.

Выход в свет подобных изданий поможет объективно разобраться в тех откровенных сплетнях, которыми пытаются подменить факты отечественной истории. Приходится лишь сожалеть о сравнительно малом тираже обеих книг.

С. В. ДЕВЯТОВ, кандидат исторических наук